СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ И ПОВЕСТЬ

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Опубликованы более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», журнале «Приокские зори».

ГОСПОДИН ПАЦИЕНТ

Спеша утром на работу, Иваныч наскоро завтракал. Забыв про зубы, сделал большой глоток горячего кофе, застонал глухо от острой боли. Тихо выматерился, едва она отступила, и в полный уже голос прорычал: «Все, баста! Иду к зубному, к протезисту, ко всей этой зубной инквизиции!»

— В который раз,— хмыкнула жена из спальни.— Опять причину найдешь отвертеться. Не понимаю, сколько можно терпеть — полрта запустил. Тебе ж не так давно металлокерамику делали спереди. Ничего — живой.

— То-то и оно — есть, что вспомнить.

— И это — начальник управления капстроя! Как стройками командуешь, не пойму. Не ты дрался за меня до крови, нет — другой малый... Давай, ты идешь лечиться, а я тебе приз, как мама премировала тебя пистолетом с пистонами за удаление молочного зуба — сам рассказывал. Хочешь, спиннинг самый дорогой, навороченный, хочешь, на карельские озера поедем вместо теплого моря — как ты любишь. Выбирай. За счет моих сбережений... Да все там обезболивают. Анестезия супер — не то, что раньше. Знаешь, как шагает стоматология. Малость устаешь рот держать открытым — и вся беда. Потом зато кайф беспрерывный.

— Поговори, поговори, храбрица,— буркнул Иваныч, выходя из квартиры и захлопывая дверь.

На боевом настрое решил немедленно звонить в стоматологическую клинику, давно найденную по рекомендации. Быстро отыскал в машине номер телефона, договорился на сегодняшний вечер о приеме у протезиста и стоматолога-терапевта. Выдохнул с облегчением: «Все, назад ходу нет... Если только совсем дикий форс-мажор не нарисуется».

Ни форс-мажора, ничего такого не случилось, что могло бы послужить предлогом для отмены похода в клинику: генеральный не озадачил срочным поручением; подрядчики не приглашали на объекты принимать выполненные работы, а на вопросы «Как дела? Не помочь ли чего разрулить?» сплошь докладывали: все путем, по плану, спасибо — сами справимся; из «своих», капстроевцев, никто не напортачил с расчетами, чертежами, квартальной отчетностью, аналитическими записками, чтобы можно было объявить аврал по исправлению положения и непосредственно его возглавить. «Сговорились все, чай-борщай,— усмехнулся в конце дня Иваныч.— Ну что ж...» Поразмыслив, решил подстраховаться и под секретом большим поручил Андрею, главспецу из договорного отдела, доставить его до клиники на своем авто: «Неизвестно, каким выйду из пытошной. Андрюха подождет и домой отвезет, а завтра на работу подбросит. Тачка моя здесь переночует».

Когда уходил из офиса, по обыкновению выдал «своим» несколько дежурных наставлений. Капстроевцы проводили шефа глазами и по его возбужденно-тревожной, румяной физиономии дружно заключили: предстоит какая-то жаркая разборка с высоким начальством, не иначе.

Иваныч вылез из припаркованной у клиники машины, сделал несколько глубоких вздохов, настраиваясь, остановил Андрея, который засобирался вслед за ним: «Не нужно со мной — зрелище не для слабонервных. Погуляй поблизости, кофейку попей. Я тебе позвоню».

Первым на очереди был врач-протезист. Крепкий этот мужчина с плотной растрепанной бородкой очень походил на геолога после долгой экспедиции. Он пригласил вошедшего Иваныча в кресло, но тот, стоя у двери твердо попросил: «Мне сразу укол, пожалуйста,— анестезию».

— Зачем, позвольте спросить,— удивился бородач.— Я вас только осмотрю. Определимся, что будем делать. Потом к терапевту. Он и обезболит, коли станет сегодня лечить и понадобится анестезия.

— Вы же инструментом своим будете зубы трогать,— упорствовал пациент.

— Это не больно, не обточка.

— Что за проблема, сделайте укол и орудуйте сколько угодно,— продолжал настаивать пациент, не сходя с места.

— Нет никакой проблемы, будет вам укол,— сдался протезист с легкой ухмылкой в глазах.— Имейте только в виду: может понадобиться повторный укол у терапевта или хирурга, если черед до него дойдет.

— Хорошо, хорошо,— согласно закивал головой просветлевший Иваныч.

— И садитесь уже, не будем время терять.

После укола и короткого ожидания врач осмотрел обстоятельно зубы, согласовал с пациентом предварительный план действий: где будут одиночные коронки, где спаренные, где мосты. «Окончательно определимся, когда пролечим как надо, негодное удалим,— уточнил бородач.— Это главное. Тут работы — непочатый край, на месяц, не меньше». «Да-да, по крайней мере, с одним коренным придется расстаться,— добавил он, заметив, как скривился пациент при упоминании об удалении.— Зато обойдемся, похоже, без имплантов. Радуйтесь».

— Рано. Все впереди,— откликнулся невесело Иваныч, приготавливаясь выдвигаться к терапевту.— Скажите, а Полякова Анна Олеговна — опытный врач? Мне к ней сейчас.

— Очень. И, кстати, симпатичный,— подмигнул насмешливо бородач.

У терапевта Иваныч не заговаривал о новой анестезии: первый укол был так хорош, что обе щеки все еще оставались бесчувственными, задубевшими. После панорамного рентгеновского снимка зубов и обследования полости рта врач вкратце сообщила о предстоящем лечении.

— А сегодня удалим один зуб,— в завершение сказала она.

— Может в следующий раз,— растерянно предложил Иваныч, подумавший было, что на сегодня все и разглядывавший открыто привлекательную Полякову.

— К следующему разу, господин пациент, десна подживет, можно соседний зуб депульпировать и восстанавливать — зачем же время терять? Сами будете потом ворчать: долго лечите. Хирург в соседнем кабинете. Сейчас выпишу направление.

Господин пациент едва не прокричал «Не буду ворчать!», глядел в спину врача, склонившегося над столом, тоскливыми, неприязненными глазами.

В очереди к хирургу пришлось немного посидеть. Узнав, что обезболивающий укол уже ставили часом раньше, хирург постучал легонько инструментом по зубу-смертнику и спросил: «Чувствуете?»

— Ага,— поспешно соврал Иваныч.

Получив второй укол, он смиренно сидел в ожидании главного события. Лицо онемело уже от подбородка до глаз, губы казались отекшими, перекошенными. Выглядел усталым, безразличным к дальнейшему. Но вот вернулся на свое место хирург, отошедший на несколько минут, произнес страшное: «Откройте рот». Иваныч натужно повиновался, зажмурив глаза, вдавился в кресло так, что не будь оно намертво прикреплено к полу, опрокинулось бы вместе с седоком. Несколько профессиональных движений и огромный больной зуб, зажатый щипцами, оказался перед глазами пациента, который пропустил сам момент удаления, а теперь не верил, что оно позади. Кровоточащая зубная лунка умело была обработана и обложена тампонами.

— Возьмете зуб? — спросил врач.

Иваныч попытался ответить, но вышло лишь мычание. Он приподнял руку и хирург вложил ему в ладонь обернутый салфеткой зуб.

Когда Иваныч резвым шагом покинул клинику и подошел к автостоянке, машина была пуста, Андрея рядом нет. Вспомнил, что договорился с ним созвониться. Доставая телефон, обнаружил в ладони салфетку с удаленным зубом. Рассмеялся осторожно и выбросил это в урну.

С тампонами во рту, понятное дело, молчал всю дорогу. У подъезда дома освободил рот, поблагодарил Андрея, попрощался, спросил его, повращав указательным пальцем вокруг своего лица: «Как я?»

— Вообще-то не очень,— сказал тот, помявшись.

— Понятно — жалкое выражение... Погоди еще чуток.

Иваныч зашел в продовольственный магазин, что располагался в двух шагах от дома. Скоро вернулся с пакетом, залез обратно в машину, извлек бутылку французского коньяка, одноразовые стаканчики для напитков, связку бананов.

— Выпьешь? — предложил Андрею.

— Нет, нет, Игорь Иваныч, мне через центр ехать.

— А я поправлю лицо,— выдохнул Игорь Иваныч и маленькими глотками с трудом выцедил наполненный почти до краев стаканчик. Закусил бананом и тихо засмеялся: «Еле протолкнул, чай-борщай — анестезия глотку достала».

ЛЮДА

Олег, как мог, отгонял сон, чтобы еще полистать в памяти свежие детали сегодняшнего свидания с Людой. Но глаза слипались все больше, и он сдался. Пионерлагерь, в котором Олег вот уже несколько лет подряд проводил хотя бы один летний месяц, легко выбирал весь запас дневной энергии: тянь-шаньским воздухом, спортивными играми, купанием в бассейне и мелкой бурлистой речке, пролетающей вниз по ущелью рядом с лагерем, лазанием по горам, фруктовым садам, за диким виногра-

дом, охотой за черепахами и змеями. Динамичные занятия, рискованные шалости не переводились. Напротив, пополнялись новичками и изобретательными старожилами. После отбоя гомон в отрядном павильоне редко длился более десяти-пятнадцати минут — тот, кто залезал под одеяло, отключался моментально.

Проснулся как обычно — чуть раньше общего подъема и сознание быстро заполнили мысли о Люде: опять смаковал картины минувшего свидания, переключался на предыдущие — и так было все последние дни.

Больше недели Олег встречался с Людой, но все еще недоумевал как это она, семнадцатилетняя вожатая младшего девичьего отряда, выбрала его, подростка четырнадцати лет из старшего мальчишеского отряда, и сама же сделала первый шаг. Выбрала при том, что засматривались на нее, приударить за ней пытались некоторые вожатые — одногодки, молодой воспитатель третьего отряда, шустрый мускулистый физрук, да и в отряде Олега немало было тайных воздыхателей, таких же юнцов, как он.

До лагеря он Люду не знал — она жила в другом городе. В тот год перешла в десятый — выпускной класс. А понравилась, как только попалась на глаза: не удержавшись, тайком увязался за ней, рассмотрел с разных сторон, даже вперед забежал и пошел навстречу, чтобы заглянуть в лицо. Только рост ее и вес были средними, а остальное казалось ему выдающимся: и сине-зеленые улыбчивые глаза, и прямой аккуратный нос, слегка вздернутый в самом конце, как у тезки — певицы Сенчиной и француженки Катрин Денев, и светло-русые слегка волнистые волосы, спускающиеся чуть ниже плеч, и губы — не тонкие и не полные — в самый раз, алеющие — помада только испортит; когда же взор охватывал всю ее ладную волнующую фигуру, Олег по-мужски почти сглатывал слюну, а сердце начинало спешить, спотыкаться — прелесть, красотуля!.. И чем больше подмечал внешних достоинств, тем яснее становилось: «Куда тебе, зеленый огурец, зрелая такая лилия». Потому старался с Людой не пересекаться, но, когда видел ее случайно, удержаться не мог — подолгу любовался.

Чудо случилось однажды вечером, на танцах, которые Олег не пропускал: объявили белый танец, и она пригласила его. Он держал ее драгоценную талию в своих скованных руках и от растерянности, изумления, радости порядком стушевался: неуклюже двигался, скупо отвечал на вопросы, отводил взгляд от ее внимательных глаз. Она, оказалось, знала, как его зовут, что он главный голевик в лагерной футбольной сборной, и знакомство вышло само собой. За минуту до окончания танца у Олега щелкнуло: «Дубина, она ж тебя за тупого погонялу футбольного примет, которого кроме мяча ни фига не интересует». Он врезал себе виртуальный подзатыльник, сосредоточился, перевел разговор на кино и принялся рассказывать про голливудский фильм «Золото Маккены», который Люда не видела, упомянул, что там играл Омар Шариф, американец арабского происхождения, а песню на русском классно исполнил Ободзинский. Танец закончился, а рассказ про фильм нет, и Олег пригласил ее на следующий танец. Отсюда все и началось.

Олег должен был как-либо объяснить себе ее выбор, понять который не мог. Объяснил просто: «Пацан я спортивный: футболист, пловец, в теннис режусь еще как. А она спортсменов отличает — и обратила внимание. Вгляделась: «парнишка видный — девчонки вон рисуются перед ним, и ростом не ниже». Заинтересовалась. А потанцевали когда, поговорили, видит: начитанный к тому же, соображает... И все равно, не укладывается в голове: она! и я».

Управляла свиданиями Люда. Она соглашалась на встречу или сама ее назначала, отклоняла, переносила — слово было за ней, за главной. Олег безропотно принимал ее решения, и подчиненность эта не унижала его вовсе, не преуменьшала счастья. Видел, она осторожничает, опасаясь пересудов. Когда кто-либо из вожатых или вос-

питателей все же острил при Люде по поводу ее общения с Олегом, она умела ответить без смущения и осадить даже — оттого охотников поддеть фривольно было немного. Обычно отшучивалась, говорила, что оберегает парнишку от поклонниц из старшего девичьего отряда, что у нее с ним дружеские отношения. И это было почти правдой. Почти. Они сближались не только во время танца. Она дозволяла ему прикасаться к ней, когда они уединялись вечером на заднем ряду открытого кинозала во время показа фильма или на скамейке в глухом лагерном углу. Об этом Олег грезил более всего — пусть прикосновения и были ограниченными. Когда он пальцами, ладонью поглаживал верхнюю часть ее аккуратной груди, приоткрытую декольте, и пытался украдкой проникнуть в бюстгальтер, она мягко, но решительно удерживала его и возвращала в зону декольте. То же происходило, если ласки ног под платьем начинали приближаться к трусикам — хозяйка отгоняла Олега от сокровища. Разрешались легкие объятия — руку на плечо, быстрые поцелуи в шею, в щечки. Ответных ласк Люда фактически избегала. Иногда только брала ладони Олега в свои... А ласки его ее трогали — видел Олег — трогали: по прерывистому дыханию, по глазам, глядящим на него с нежностью. «Кремень или стесняется?» — не находил он ответа, но спросить не решался. Наслаждался эгоистично дозволенным, привык к установленным владычицей границам, смирился с ее физической сдержанностью. Даже устраивало его где-то, что не надо добиваться большего — того самого: боязно неизведанной дорожкой идти, заблудиться боязно, сконфузиться. А когда волнение плоти переполняло, становилось нестерпимым, Олег скрывался куда-нибудь подальше и овладевал своей милой, перед тем вообразив и изнежив те потаенные места, которые она берегла от него. Воображение его так иной раз распалялось, что слетев с верха блаженства, он в первые секунды искал глазами ту, которую сжимал только что в объятьях.

Единственное его здорово расстраивало: очень хотел целовать Люду в губы по-настоящему и чуял — не станет уклоняться, но сам не умел, тыркаться к ней теленком стыдился, и она первой не начинала. Как-то даже разозлился на нее про себя: «Почему не покажет — умеет же! Не может быть, чтоб не умела». Но не прошло и минуты, как принялся защищать ее, а себя бранить: «Трусила несчастный, хочешь, чтоб все за тебя сделала, как куртизанка мопассановская — и обучила и отласкала как положено... и хомячка еще в норку завела! Да она ж девчонка тоже по годам, внешне только девица на выданье. Опыта никакого, наверняка. Потому и на ласки отвечать робеет, да-да».

По-настоящему они все-таки нацеловались — на прощальном свидании, в день отъезда Олега. Августовская смена подошла к концу, и он уезжал в свой город первым. Произошло именно то, чего Олег дико желал: Люда сама начала медленно целовать его, и он, уловив главное, высвободил свои губы, захватил ее сладкие, долгожданные и не отпускал, пока она не стала задыхаться. Передышки большой ей не дал и поцелуи продолжились.

Наконец, она выскользнула из объятий, отодвинулась немного, разгоряченно дышала, улыбалась грустно ему, захмелевшему от нового счастья и неимоверно выросшему сразу в своих глазах.

Олег уехал.

Что приключилось с ним впервые, ему стало окончательно ясно после расставания, когда надолго подмяла тягостная тоска: с ней он просыпался, засыпал и мало чем мог заглушить.

Порывался однажды добраться до ее города, найти и повидаться, но удержала боязнь холодной встречи. «Подумает: приперся ухажер сопливый, а лето то закончилось и игра в любовь тоже. Нет,— решил Олег,— не поеду».

* * *

С тех пор минуло пять лет. Олег учился в московском вузе. Окончив второй курс, приехал на летние каникулы домой и скоро заскучал: дружков старых и подруг в городе не оказалось, одноклассников, соседских ребят и девчат, с кем водил знакомство, тоже было совсем немного — и у тех свои планы; абрикосов, персиков, плова, самсы, тандырных домашних лепешек и прочих восточных вкусностей, по которым вздыхал в столице, объелся, накупался вволю, назагорался; книги идут тяжело. «Что-то нужно придумать,— вяло размышлял Олег,— не киснуть же вот так остаток каникул».

Тут как раз вспомнился пионерлагерь, что нередко случалось: яркая природа гор, спортивная слава и конечно первая любовь врезались в память накрепко. Воспоминание это, возникшее при меланхолическом настроении, и подтолкнуло к мысли: «А не попытаться ли тебе, братец, влезть в лагерный педсостав, вернуться на целый месяц в места детской и отроческой благодати. Августовская смена начнется через неделю — может, получится. Неважно кем — воспитателем в младший мальчишеский отряд (к старшакам обычно ставили человека проверенного, опытного) или вожатым — хоть к старшим, хоть к малым, физруком даже пойду. Но лучше всего плавруком — у него и свободы больше и забот, кажется, поменьше: простеньким открытым бассейном управлять да лагерными водными процедурами. Шансов конечно немного: штат на смену скорее всего укомплектован. Но попробовать стоит. Подтянуть старые связи». Они в итоге и сделали дело, да еще как — Олега приняли в лагерь именно плавруком. И вообще все сложилось просто превосходно. Опасения, что встретят его неприветливо педагоги — попал, мол, сюда по блату, дорогу перешел другому — были напрасными. Место плаврука оказалось все еще вакантным — это было фантастикой, фортуной полнейшей. К тому же с некоторыми воспитателями, вожатыми Олег был знаком с пионерских времен, и потому приняли его, как своего, как лагерного воспитанника.

Каждодневный летний зной, постоянное желание многочисленных лагерных обитателей освежиться в небольшом по размеру бассейне делали положение плаврука — «хозяина воды» исключительным, влиятельным. От него же по большому счету требовалось одно: изловчиться так, чтобы за день искупались все желающие и не утонул никто. Отдыхающие ребята и девчата традиционно купались поотрядно минут по тридцать до обеда и столько же после тихого часа; воспитателям, вожатым бассейн доставался обычно вечером после ужина, а поварам и прочему лагерному персоналу — в тихий час. Со взрослыми Олег без труда согласовывал очередность, время купания и корректировал их по мере надобности, а вот пионерской братией управлять было сложнее. Легко мог получить от них как добрую порцию благодарности, обожания за лишние десять-пятнадцать минут купания, так и щедрую дозу недовольства, неприязни и даже злобы за отнятые по разным причинам минуты пребывания в бассейне. А отнимать, то есть наказывать, приходилось частенько, главным образом за коллективное травмоопасное купание, когда одна или несколько групп принимались играть в пятнашки, дико визжа и крича «под индейцев», ныряя куда попало — чуть ли на головы друг другу. В таком случае Олег не ругался, помня, как сам пацаном бесился на той же воде пуще других, а лишь пронзительно свистел, дабы остановить буйные игры, делал грозные глаза и отправлял нарушителей на выход. Неповиновения практически не случалось: понимала ребятня, конфликтовать с плавруком чревато — он вправе был лишить бунтарей следующего купания.

Бассейновые, довольно беспокойные, хлопоты занимали почти весь день и начало вечера. Остаток вечера Олег проводил в компании с педагогами, порою за сухим виноградным винцом местного производства, волочился за вожатой Таней, девицей

симпатичной, спортивного сложения, неглупой и строгой. Она намекала, что ждет от него большей серьезности, но он не прислушивался — то ли от слабости увлечения, то ли из-за намеков.

Думал иногда о Люде, в глубине души надеясь на встречу. Расспрашивал осторожно нескольких воспитателей и вожатых, которые могли что-либо знать о ней. Выяснил, что она заканчивает вуз в своем городе, вышла замуж, родила, но теперь вот поссорилась из-за чего-то с мужем — полгода вместе не живут. Когда же пытался узнать, как связаться с ней — город-то ее неподалеку от лагеря, можно было съездить — ответа не получал. Те, у кого интересовался, сказывались несведущими по этой части. Не ведал Олег, что заведующая лагерной библиотекой, статная женщина лет пятидесяти пяти, совмещающая здесь отдых с необременительной работой,— это мама Люды, учительница русского языка и литературы по профессии. И что Ирина Андреевна — так ее звали — все возможное делала, чтобы остаться для него инкогнито и никто чтобы из здешних знакомых дочери не сообщил ей о нем: кого-то предупреждала, кого-то просила, а кому и прямо грозила. Как выяснилось позднее, Ирина Андреевна хорошо очень знала об их невинном лагерном романе и опасалась его возобновления теперь уже в зрелой версии, боялась, воспрепятствует это примирению дочки с мужем, развалит окончательно их семью.

И все-таки Люду кто-то известил — в конце лагерной смены.

Она приехала в лагерь вечером и быстро отыскала Олега в популярном укрытом древними чинарами скверике, где он играл после ужина в настольный теннис. Несколько мгновений стояли безмолвно лицом к лицу, обнимая друг друга жадными глазами: он — потрясенный неожиданным чудесным появлением; она — вся светящаяся, с выражением на лице радостного облегчения, которое испытывает человек, чьи томительные сомнения не оправдались.

Наконец Олег, сдерживая дрожь в голосе, сказал:

— Ты не изменилась почти... У меня здесь все время было предчувствие, что мы встретимся.

— Зато ты как изменился! Орел!

Люда улыбнулась с затаенной тревогой и взяла Олега за руку:

— Ты мне рад?

— Я об этом мечтал!

— И я!

Не отпуская руки, она увлекла его из людного скверика. Направились, не сговариваясь, к своим памятным местам. Рассказывали поочередно о себе, расспрашивали, стороной обходя замужество Люды, то и дело смеялись восторженно и заливисто по каким-то пустякам, прижимались друг к другу теснее и теснее. Все чаще движение их прерывалось спонтанными вольными объятиями и порывистыми долгими поцелуями, перебегающими ненасытно с губ на шею, грудь и обратно.

Стемнело, лагерь уходил на покой, и Олег предложил зайти в его личную палатку. Но Люда хитро улыбнулась, показала ему ключ: «От гостевого домика. Он наш».

— Откуда?

— Потом,— махнула рукой Люда.

Распаленные чувственными неудержимыми ласками, захваченные всецело любовной аурой, не заметили они, как перенеслись в тот домик на отшибе, густо окруженный кривоствольными яблонями: и ничего вокруг и никого — два слитых страстью тела, только и всего...

Утром сквозь сон Олег услышал легкий стук во входную дверь, скосил глаза на Люду. Она — нагая, с еле заметным загаром, рассыпанными по подушке волосами, невозможно восхитительная — сладко спала. Мерно бьющееся сердце Олега опять

начало уходить в разгон. Стук в дверь повторился, и Олег осторожно соскользнул с постели, быстро оделся, приоткрыл слегка дверную створку.

С крыльца на него спокойно и решительно глядела Ирина Андреевна.

— Доброе утро. Выйди на несколько слов.

Растерянный Олег поздоровался и спустился:

— Вы знали, кто откроет дверь?

— Я знаю, как моя дочь спит... Что дальше думаешь делать?

— В смысле? — смутился Олег.

— О Людмиле я и тебе.

— А не рано с таким вопросом?

— В самый раз. Хочу, чтоб реалистом был. Ты же знаешь — у нее ребенок, муж. Поссорились, помирятся. Она его любит, хороший он, Сережка.

— А меня?

Чуть помешкав, она вздохнула печально и лишенным совсем строгих ноток голосом сочувственно сказала: «И тебя. Но это другое. Ваша любовь, Олежек, воздушная, беззаботная, неприземленная — сказка, в общем».

— Станет былью,— улыбнулся весело Олег.

— Горькой былью, боюсь. Ты забыл ее, верно, Людмилу — с характером она. И у тебя он есть — я за тобой понаблюдала этот месяц. Ребенок у нее — два года мальчонке. Ты готов ему отцом стать? Готов их в Москву тащить? Куда? В общежитии живешь, наверное... Молчишь. А Сережка с ней сойдется — любит ее, и сына своего... Подумай только — сколько люди живут, столько, верно, и существует эта двоякая природа первой любви: и чиста она, и прекрасна, а годы спустя нередко разрушительна... Поезжай, Олежек, своей дорожкой. Все у тебя впереди. Любовь ваша даром не пройдет, греть будет всю жизнь. И память об этой встрече тоже... Я как узнала, что едет Людмила, поняла, чем это кончится. Погоревала, поплакала, а потом решила: пусть хоть красиво будет — и выпросила потихоньку домик гостевой... Поезжай. Не терзай ее и себя.

— Я ничего вам не обещаю,— покачал головой раздосадованный Олег.

Через день смена закончилась, и он уехал...

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ВОЛК

Член Союза писателей России. Наш постоянный автор.

Метель разыгралась не на шутку. Ветер завывал, вздыхал и охал. Бросал горстями снег в лицо путнику. Нападал на того то слева, то с другого бока, то толкал его в спину, а потом упирался в грудь, пытаясь остановить, как бы говоря: «Ну, что ты? Куда бредешь в такую погоду? Постой, а лучше ляг — отдохни. Поспи. Ведь устал...»

Но мужчина прекрасно знал, что останавливаться нельзя, ни в коем случае. Остановишься. Расслабишься. Присядешь передохнуть, да нет, даже не передохнуть, а лишь — отдышаться, перевести дух... Моргнешь пару раз и не заметишь, как сознание отключиться и ты погрузишься в глубокий сон, из которого уже не сможешь вернуться. А при такой метели снегом закидает в два счета. «Не останавливаться! Только вперед!- думал он.— Тем более, по моим подсчетам избушка должна быть где-то совсем рядом. Если я, конечно, не сбился с пути... А при такой круговерти это не мудрено. А если сбился, то дело скверное... Нет. Не думать об этом. Я иду правильно...»

Метель длилась уже несколько часов и, похоже, прекращаться не собиралась, а даже наоборот усиливалась.

Виктор начал жалеть, что не послушался деревенских старожилов, которые предупреждали его, когда узнали, что он собирается дойти до избушки лесника, о надвигающейся буре.

Думал, что успеет. Проскочит. Тем более что на небе были редкие облака, которые совсем не перекрывали солнце. Какая тут метель? Когда она еще начнется! Надеялся на русское «авось». Но ветер усиливался, и картинка над головой менялась каждое мгновение — облака подтягивались и сгущались над населенным пунктом.

Не успел мужчина пройти и половину пути, как его настиг самый настоящий ураган. Хлопья снега залепляли глаза, забирались в ноздри. Виктор вытянул вперед руку и не увидел перчатку, надетую на нее.

Только что светило солнце, а теперь сплошное белое марево и свет начинает гаснуть, как в театре после третьего звонка.

Шаги путника замедлились — передвигаться пришлось на ощупь, ступая неторопливо, словно по болоту.

Виктор окончил техникум лесного хозяйства и девять лет проработал в соседней области. Стал настоящим специалистом своего дела. А дело он любил и слыл хорошим лесничим, даже не хорошим, а — лучшим, судя по межобластному конкурсу между лесными хозяйствами, который проводили два года назад, где Виктор Степанович занял первое место. Он был награжден грамотой и главным призом — новым автомобилем УАЗ, очень необходимым для преодоления больших пространств по бездорожью.

Про Виктора Степановича Иволгина написали в газетах и рассказали по центральному телевидению.

Лет ему было тридцать, но он носил усы и бороду и поэтому казался гораздо старше.

После того как Иволгина показали по телевизору, не только молодежь, но и старшие из близлежащих деревень величать его стали уважительно — по имени отчеству.

А тут как раз лесничий из соседней области уходил на заслуженный отдых и Виктору предложили возглавить его хозяйство, которое было раза в два больше. Может быть, он и не согласился бы, но уж очень его уговаривал представитель из администрации, с которым они вместе учились. Иволгин решил доехать посмотреть, что, да как, а уж потом принимать окончательное решение.

Виктору нравилась российская природа — такая многоликая, от разнообразия которой он никогда не уставал. Да и как здесь устанешь, когда вокруг так много интересного. Словно смотришь спектакль, именно спектакль, а не кино, где все записано и ничего уже не изменишь. А здесь все в «живую» и ты не зритель, а участник этой постановки — ведь можно смотреть на дождь из дома через окно, а можно выйти под струи и намокнуть или снегом не просто любоваться, а берешь в руки и лепишь разные фигуры. И времена года хоть и повторяются с завидным упорством, но ни один год не похож на предыдущий. Прошлую осень словно прорвало — заливала, почти не переставая, вплоть до самой зимы. А зима случилась морозная, но совершенно без снега. А эта осень наоборот — тихая, спокойная, сухая. Такую пору называют золотая. А зима выдалась и морозная, и ветреная, и снегом заваливает так, что дороги расчищать не успевают — долгая, затяжная, холодная, утомительная зима и не только для людей, но и для всякой живности, какая по лесам, полям, лугам обитает.

Неожиданно путник зацепился за какую-то корягу и грохнулся в сугроб.

И сразу силы куда-то улетучились — усталость брала свое.

«Только не спать! Надо подниматься,— уговаривал сам себя лесничий.— Во что бы то ни стало — собраться и встать, иначе — погибель».

Он зашевелился, приподнял голову, и взгляд его уперся в оскал звериной пасти.

Иллюстрация к рассказу художницы Е. Рамсдорф (Германия)

«Волки! — тяжело дыша, устало подумал мужчина, закрывая глаза,— Вот и погибель, а у меня и ружья нет — только нож. Сейчас набросятся...»

Но прошло несколько секунд — и никакого движения. «Может, почудилось?» — Виктор открыл глаза. Зверей не было. «Пригрезилось. Да в такую погоду волки и не охотятся — не на кого — все живое попряталось по норкам, щелям, дуплам — выжидают».

Иволгин заворочался, вставая, и вновь увидел волчью голову, но всего пару секунд — и она пропала.

«Что-то здесь не то. Странно как-то».

Путник поднялся на ноги, вынул нож, приготовившись к бою и, склонившись над землей, пристально стал всматриваться, насколько позволяли белые хлопья, в сугроб перед собой.

То, что он поначалу принял за ветку, когда споткнулся и упал, оказалось задней лапой волка. Да и сугроб — это волк, лежащий на боку заваленный снегом. Сквозь снег в нескольких местах проступали бурые пятна.

Зверь был ранен, потерял много крови, поэтому огрызался слабо и тем более не нападал. Присмотревшись внимательнее, Виктор понял, что это не матерый волчище, а еще маленький волчонок — подросток.

Видно стая попала в переделку — нарвалась на охотников или браконьеров, а тут метель обрушилась, и подстреленный волчонок отстал от родителей, заблудился и обессиленный рухнул, истекая кровью.

«Ну что ж,— это естественный отбор — закон природы — выживает сильнейший»,— подумал мужчина и шагнул в сторону, решив продолжить путь.

Но что-то его остановило.

Он повернул голову и пристально посмотрел на грозного зверя, а в данный момент — на беззащитное, уязвимое существо, умирающее в самом расцвете сил.

«Все-таки это не правильно. Когда олень или лось раздирает бок волку, или он замерзает от лютого мороза — это естественный отбор, а здесь какая-то несправедливость. Разрешения на отстрел волков не могло быть ввиду того, что их численность в последнее время резко сократилась, а стрелять ради забавы — это жестоко.

Так просторно вокруг, но мы почему-то столкнулись именно в этой точке. Может быть, неспроста? Может это какой-то знак?

Да не важно это все. Если брошу его здесь, то потом себе не прощу. Во сне будет сниться. Он хоть и звериный, но все-таки детеныш».

Лесник наклонился и приблизился к морде волка. Но тот уже не вскинул голову, только искоса посмотрел на нависшую над ним фигуру и приподнял верхнюю губу, обнажая клыки. Пару раз моргнул и закрыл глаза.

Виктору показалось, что он заметил скатившуюся слезу.

«Да ну, не может быть. Привиделось».

Зверь имел серый, а местами — вдоль спины даже иссиня-черный окрас и лишь между глаз и дальше, чуть выше бровей виднелось неровное белое пятно в виде треугольника.

Скинув со спины рюкзак, путник достал из него приличных размеров брезент, перевалил на него раненого, убрал нож, закинул рюкзак обратно и, взявшись за углы, потащил детеныша.

Волк — молодой — не очень тяжелый, да и снега навалило так, что все ямки и кочки сгладились, и поэтому тащить было не очень тяжело и, как оказалось, не слишком долго — шагов через сто мужчина вышел к домику лесника.

На стук в дверь на крыльце появился, хоть и пожилой, но довольно крепкий с виду, высокий мужчина с накинутым на плечи тулупом. Он был без шапки, и его седые,

совсем не по-стариковски густые волосы путались на ветру. Всю нижнюю часть лица покрывала борода с проседью, на носу взгромоздились очки в большой оправе, сквозь стекла которых на пришельца смотрели внимательные с прищуром глаза.

— Здравствуйте,— приветствовал Иволгин хозяина дома.

— Вечер добрый, несмотря на непогоду. Видать смена моя пришла? Лесничий?

— Ну, это я еще не решил. Приехал осмотреться.

— Ничего. Вот метель закончится — повожу вас пару дней — покажу лесное хозяйство. В два дня аккурат уложимся, а там решайте. Меня — Панкрат Трофимович кличут. Да, что мы в дверях стоим, проходите в избу — погрейтесь. А я сейчас ужин организую.

— Меня — Виктор Степанович зовут. Только я не один. Тут недалеко кто-то волчонка подстрелил. Маленький совсем. Жаль мне его стало, вот я его и притащил сюда.

— Ну, ты, Виктор Степанович, даешь. Не зря видать первое место занял — хозяйственный ты мужик. Если вырвать его сейчас из лап смерти, дать окрепнуть, то вскоре он начнет нападать на домашний скот, а возможно и людей. Хотя не обязательно.

Ну, что ж, пойдем, поглядим,— вдевая руки в рукава тулупа, закрыв дверь и спускаясь по ступенькам, проговорил Панкрат Трофимович.

Они вдвоем занесли брезент на небольшую веранду.

Волк находился в бессознательном состоянии, дышал прерывисто.

Хозяин дома осмотрел раны и констатировал;

— Три пулевых ранения: в шею навылет, в лапу, кость вроде бы не задета, и бок распороло по касательной. Видать много крови потерял, пока спасался.

Мужчины обработали раны йодом, наложили бинты и сделали повязки. Волчонок в себя пока не пришел, поэтому не мешал своим спасателям. Его оставили на веранде, закрыв дверь.

Ночь прошла спокойно. Ветер перед рассветом затих, метель угомонилась.

Ранним утром Виктор взял несколько кусочков мяса, налил в миску воды и зашел проведать своего подопечного.

Из угла раздалось ворчание. Раненный зашевелился, пытаясь подняться, но это ему не удалось, тогда он оскалил зубы, обнажая клыки, и зарычал более грозно. Весь его вид говорил — не подходи ко мне, иначе я не посмотрю, что ты меня спутал какими-то белыми лентами, просто так без боя не сдамся, изловчусь и загрызу.

Мужчина дошел до середины помещения и, чтобы не раздражать зверя, поставил миски на пол.

Волк перестал рычать — наверное, выдохся и устал. Он лежал на боку и его желтые глаза внимательно наблюдали за действиями человека, а тот пошел к двери — замер и не двигался.

Ноздри лежащего на полу усиленно раздувались. Он старательно принюхивался, пытаясь понять обстановку. Угрозой вроде бы не пахло, зато очень аппетитно распространялся запах мяса с кровью.

Человек шевельнулся, открывая дверь, и волк моментально дернулся, обнажил верхние зубы и зарычал.

Весь день Панкрат Трофимович возил и водил Иволгина, показывая свою вотчину — лесные угодья.

Тут кабанья тропа проходит, здесь он лосей подкармливает, там наделал кормушки и подружился с семейством белок, а два года назад наткнулся на логово волков.

— Смотри, Виктор Степанович, какие здесь просторы. Это лесничество в два-три раза больше твоего. Есть где развернуться. Ты учти — желающих много, а предложили

тебе. Считай, что идешь на повышение. Откажешься — второй раз не предложат. Так что долго думать некогда — принимай какое-нибудь решение. Я бы сам не уходил, да возраст — мне семьдесят лет, восьмой десяток пошел. Уставать стал, и ноги сильно разболелись — в больницу ложусь. А лесничий — это, ну ты сам прекрасно знаешь — пешие переходы по подопечному участку. Как говорится, я тебя не агитирую за Советскую власть. Ты сам все увидел. Взвесь все хорошенько и подумай.

Вернулись они глубоко затемно.

Виктор решил посмотреть, как там волчонок. Открыл дверь веранды, и включил свет и сразу услышал предупреждающее рычание. Зверь лежал на животе, положив голову на передние лапы и смотрел на вошедшего, обнажив клыки. Подняться он не смог — сказывалось ранение. Одно радовало — обе миски были пусты, значит, дело идет на поправку.

Мужчина не стал раздражать животное — подходить ближе и забирать пустые миски, а вышел и взял у Трофимовича другие, куда опять положил мясо и налил воды.

Решение созрело окончательно. Он — остается. Подопечного своего надо вылечить и дать ему окрепнуть.

Через несколько дней формальности были утрясены. Трофимович уехал готовиться к госпиталицации, а Иволгин приступил к своим обязанностям.

Волчонку становилось лучше — он набирался сил. Уже вставал на лапы — хоть и прихрамывал, но передвигался по комнате.

На Виктора рычать перестал, ведь ничего плохого он ему не делал, а наоборот — кормил, но близко к себе все равно не подпускал.

Спустя три недели в природе произошли изменения — солнце щедрее стало одаривать землю теплом. В воздухе появились новые запахи. Птицы носились и весело щебетали. По всем признакам зима сдавала свои позиции и уступала место весне.

Волк почувствовал происходящие изменения, стал волноваться, ходить из угла в угол и выть.

— Ты прав, дружище,— согласился лесник,— здоровье мы с тобой поправили. Тебе пора к своим.

Виктор открыл настежь веранду, затем входную дверь и вышел из дома, стал поодаль. Минут пять ничего не происходило, потом в проеме двери показалась волчья морда. Зверь внимательно осмотрел окружающее пространство, принюхиваясь. Не заметив никакой опасности, волчонок, прихрамывая, засеменил в чащу леса, оглядываясь по сторонам. Вскоре он скрылся за деревьями, и мужчина потерял его из виду. «Вот и все. И никакой тебе благодарности»,— с грустью подумал Виктор Степанович.

Привык он к нему — привязался к живому существу.

Жизнь пошла своим чередом.

Зима сменилась весной — радость для всякой живности. Потом — буйство красок — лето, плавно перешедшее в тихую, сухую, плодоносящую совсем не дождливую осень.

В каждой поре есть какие-то свои, щемящие душу нотки, звуки, краски, запахи...

Любил Иволгин побродить по лесу с карабином за спиной, полюбоваться каждый раз новым спектаклем, который ставила природа. Охотиться ему не нравилось, а оружие брал с собой так, на всякий случай — ведь все-таки лес, а тут разное зверье бродит и не только четырехлапое.

Глядя на окружающие красоты, стал Виктор Степанович поэтом — проснулся в нем дремавший долгое время дух творчества. Ну, поэтом — это может быть громко сказано, а стихи из-под его пера выходили душевные, мелодичные. Он часто печа-

тался в областной газете «Смена», а недавно его подборку стихотворений взяли в межрегиональный вестник «Лесное хозяйство».

Для полноты счастья только спутницу жизни осталось обрести. Да где же такую найти, чтобы согласилась жить, хоть и с милым, но в лесной глуши. Хотя почему в глуши? Ему в деревне выделили дом, обещали помочь с ремонтом. Хоть ему и пошел четвертый десяток, но мужчина он крепкий, большей частью проводит дни на свежем воздухе, так что не все потеряно — найдет свою единственную и неповторимую.

Его размышления прервал резкий короткий звук и почти сразу — второй.

«Стреляют. И совсем близко. А ведь сезон охоты еще не открыт»,— Виктор поудобнее забросил за спину поудобнее карабин и быстрыми шагами, насколько это было возможно среди кустов и деревьев, направился в том направлении, откуда услышал выстрелы.

Пройдя с километр, лесничий оказался на открытой местности — печальная картина предстала перед его глазами. Раненная лосиха лежала на опушке и тяжело всхрапывала. Чуть поодаль из-за деревьев выглядывала испуганная мордочка совсем маленького лосенка, который и выстрелов испугался, и от мамки далеко убежать не решился. С другого конца к подстреленной сквозь кусты пробирались двое мужиков в зеленых ветровках с капюшонами.

— Что вы делаете, сволочи! — закричал на них Иволгин.— Сезон охоты еще не открыт, а вы уже подстрелили, тем более лосиху. Не видели, что ли, что она с детенышем?

— Мужик, проваливай своей дорогой,— огрызнулся один из браконьеров, который держал в руках двустволку.

— Так я как раз на своей дороге. Я — лесничий. А вы ступили на очень скользкий путь.

— Ничего, не поскользнемся — до зимы еще далеко. А тебе, хочешь, бабла отвалим за молчание, как будто тебя и не было здесь вовсе?

— Стоять! — снимая карабин с плеча, крикнул Виктор Степанович.

— Слушай, лесник, будь ты человеком,— вступил в разговор второй браконьер, более плотный по комплекции и гораздо ниже своего подельника.— Мы эту лосиху десять километров выслеживали, а затем преследовали, и тут ты... Откуда только взялся. Весь кайф ломаешь

— Положили оружие на землю и сами легли рядом,— беря мужиков в перекрест прицела, произнес Виктор.

— Ну, вообще одурел,— всплеснул руками коротышка.— Ты, что американских детективов насмотрелся? Мы же с тобой по-хорошему хотели.

— На землю! — резкий окрик лесничего заставил замолчать говорившего.

— Ну, как знаешь, как знаешь,— проговорил бугай с ружьем и аккуратно, медленно начал класть двустволку к ногам.

В это время кто-то сзади резко обхватил шею Иволгина, подняв его подбородок вверх, и нажал на горло чем-то острым.

— Не дергайся, а то проткну,— прозвучало из-за спины.

Хватка оказалась мощной — словно железным обручем сдавило, так, что трудно стало дышать.

— Кидай волыну на землю и без глупостей.

Виктору ничего не оставалось, как опустить руки с карабином и разжать пальцы.

— Молодец! Держи его крепче! — крикнул коротышка.— Сейчас подойдем, поможем связать.

Браконьеры направились в их сторону.

В это время Виктор Степанович боковым зрением заметил, как шелохнулись кусты, хотя погода стояла тихая — ветра не было, листья не шевелились.

«Неужели их не трое, а четверо»,— подумал лесничий. В это время мелькнула тень, и он увидел летящую на них огромную лохматую массу с раскрытой пастью.

От мощного удара они повалились на землю, раздался душераздирающий крик и хватка ослабла. Виктор увидел браконьера с перекушенной рукой, валявшегося на траве и истекавшего кровью, и серую лохматую спину то ли волка, то ли собаки исчезающую в кустах. Лесничий начал подниматься, осматриваясь по сторонам, оценивая ситуацию.

Прогремел выстрел, срезавший ветку над самой головой мужчины. Он резко присел и как раз вовремя — вторая пуля вошла в березу в том месте, где он только что стоял. Иволгин кинулся к оружию, подобрал и приподнялся, чтобы отражать нападение, но этого не потребовалось.

Браконьер успел перезарядить ружье, вскинуть его — и все. Из кустов выскочил волк, прокусил кисть и разодрал плечо.

Воющий громила рухнул наземь — двустволка отлетела в сторону.

Браконьера-коротышку нигде не было видно — видать, испугавшись — убежал.

Волк повертел головой, осматриваясь, затем развернувшись, глянул на Иволгина. Желтые глаза внимательно и напряженно уткнулись в мужчину. Гипнотический взгляд жителя леса, словно хотел что-то сказать, о чем-то напомнить.

Виктор опустил карабин, а свободную левую руку наоборот поднял над головой и, помахав хищнику, крикнул:

— Я тебя узнал! Спасибо!

Это был тот самый волк, которого лесничий спас зимой, с неровным белым треугольником на лбу. Только теперь он оказался повзрослевшим, выросшим, ставшим более крупным и сильным зверем.

Его умный взгляд как бы говорил: «Ты меня тогда спас — кормил, выхаживал, заботился. Я твою доброту не забыл, поэтому сегодня тебе помог».

Волк открыл пасть, и Виктору Степановичу показалось, что тот улыбнулся.

«Нет, ерунда какая-то. Почудилось. Звери не умеют улыбаться».

А хищник развернулся и одним прыжком скрылся в кустах.

Георгий Горький
(г. Москва)

СВОБОДА
Повесть

Настоящее имя — Георгий Панкратов. Финалист независимой литературной премии «Дебют» (2014). Участник лонг-листа литературной премии «Ясная поляна» (2015). Лауреат конкурса «Северная звезда — 2014» журнала «Север». Финалист Международного литературного форума «Славянская лира — 2015» (2-ое место по версии зрительских симпатий). Финалист Международного литературного форума «Славянские традиции — 2015». Финалист литературной премии «Золотая тыква» (2014). Третье место на межрегиональном литературном конкурсе им. Твардовского «За далью даль» (2014), участник лонг-листа конкурса «За далью даль» (2015). Полуфиналист премии «45-й калибр», сезон 2013—2014. Обладатель диплома в номинации «Особый взгляд (Поэзия)» на всероссийском конкурсе «Верлибр» (2015). Родился в Санкт-Петербурге, в разное время проживал в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Омске. В настоящее время проживает в Москве и Севастополе. Публикации: «Нева» (Санкт-Петербург), «Нижний Новгород», «Север» (Петрозаводск), «Кольцо А» (Москва), «Волга — 21 век» (Саратов), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия), «Интеллигент-Москва» (Москва), «Наше поколение» (Кишинев, Молдавия), «Luterratura», «Первая роса» (Ульяновск), «Пегас» (Санкт-Петербург), «Артбухта» (Севастополь), «Процесс» (Прага, Чехия), «Эрфольг», «Русская жизнь», «Новая реальность», «Литературно-философский журнал «Топос», «Ликбез», «Истории о любви», «Мастерская Евгения Берковича», «45-я параллель», «Современная сетевая словесность», «Город Пэ», «День литературы».

1

Дело было в одном из самых обыкновенных московских дворов, каких тысячи. Где — говорить не стану: время сейчас такое, к тому же из дальнейшего рассказа вы и сами поймете почему. Скажу лишь, что была весна. Солнце светило, и становилось тепло. Был один из тех первых благословенных дней, когда для выхода на улицу уже не требовались зимняя куртка и теплый шарф, было достаточно легкой ветровки, а шапка так и вовсе отменялась. В такую погоду мы с любимой всегда ходили куда-нибудь: полюбоваться пробуждением природы, постоять у озера, поулыбаться друг другу. Хотелось кричать «ура», ведь с каждым годом весна все дороже, все ласковей и милей сердцу. Становится уютней во дворах, когда зеленеют деревья, на них поселяются птицы, и бегают между ними игривые кошки и маленькие детки. В глубине одного из таких дворов, за старым перекошенным забором спрятался ничем не примечательный старый кинозал, по совместительству — Дом культуры. Впрочем, здесь я преувеличил: конечно, он никуда не прятался, просто был незаметен сам по себе. Он давно не выполнял своих прямых функций, и разве что «пивная молодежь» лю-

била собираться на его крыльце, кучкуясь возле двери с огромным замком. Но иногда дверь открывалась, внутрь проходили люди, и в окнах старого задания даже горел свет. Как это ни казалось удивительным, но у старой развалины даже была директор, и периодически она сдавала старый кинозал в аренду, получая символическую прибыль и душевное удовлетворение: мол, «мы еще нужны кому-то», «мы полезны». Галина Федоровна, бодрая женщина лет шестидесяти в огромных толстых очках так и называла свой старый ДК — «мы».

И сейчас под общие аплодисменты сидящих на нескольких рядах зала мужчин она выходила к импровизированной трибуне — высокому столу, на котором были хаотично разбросаны какие-то бумаги, рядом стояли ноутбук, чашка, тускло светившая настольная лампа и микрофон. Возле стола ее уже ждал ведущий — мужчина в черном строгом костюме, аккуратных очках, бритый наголо.

— Мы все должны поблагодарить Галину Федоровну, которая согласилась предоставить нам помещение в это непростое время,— произнес он и жестом пригласил женщину к микрофону.

— Спасибо, спасибо, ребятки,— заулыбалась та.— Главное — соблюдать правила пожарной безопасности,— на этих словах все в зале почему-то засмеялись.

— Галина Федоровна знает, что говорит, потому что именно на этом основании нам отказывают в проведении встреч другие ДК и более-менее приличные залы. Не исключено, что сюда нагрянет пожарная охрана для того, чтобы под предлогом вымышленных нарушений выгнать нас отсюда, а заодно лишить законных прав и должности нашу Галину Федоровну. Поэтому смелая женщина рискует, предоставляя помещение нам, преследуемым чуть ли не как экстремисты, этот кинозал. Поблагодарим же Галину Федоровну: спасибо вам, дай вам Бог здоровья!

С первых рядов раздались крики: «поддерживаем!», «спасибо!». Галина Федоровна явно засмущалась:

— Да что вы, ребятки,— улыбалась она.— Собирайтесь ради Бога. Только не мусорьте тут. Я ж вижу, что вы никакие не эти... Не террористы.

— Экстремисты,— поправил мужчина в очках.

— Экстремисты,— повторила женщина незнакомое слово.

— Да мы вообще, можно сказать, интеллигенты,— дружелюбно произнес мужчина.

— Вот-вот,— зашумела Галина Федоровна.— Интеллихенты. Все верно, молодцы ребята, беседуйте тут. А я пойду по своим делам покамест. Буду нужна — так я у себя в кабинете. Предписания почитаю. А то нас сносить хотят. Эх, черти...— она махнула рукой и двинулась в сторону двери.— Может, в последний раз собираетесь. Скоро здесь все снесут, скоро вообще все снесут.

— Э, нет,— крикнул вдогонку мужчина, но Галина Федоровна уже не слышала: она вышла из зала и хлопнула дверью.— Мы этих пораженческих настроений не разделяем, но Галину Федоровну благодарим.

— Правильно,— послышался недовольный голос из зала.— Дальше что?

— Я хочу поблагодарить и всех вас,— продолжил мужчина,— За то, что вы пришли сюда, хотя у всех вас наверняка есть дела, как у всех нормальных мужчин, семьи и всякие заботы. Мы знаем друг друга по группам «В контакте», в «Одноклассниках», нас немного пока, и все единомышленники могли познакомиться, перезнакомиться в сети. Что мы, собственно, и сделали. Здесь все свои, и никому не нужно говорить лишних слов, высокопарных фраз, я уверен, ни у кого из вас нет желания тратить время на формальности и пустяки. Здесь вы можете взглянуть в глаза товарищам и убедиться, что эти глаза не врут. Что каждый из нас пришел сюда с одним и тем же вопросом — что делать дальше? И каждый из нас пришел сюда с понимани-

ем, что делать что-то необходимо. Что? Это нам предстоит решить вместе, потому что каждый из сидящих здесь, я надеюсь, понимает, что только вместе мы можем дать отпор нарастающей агрессии автомобилистов.

Раздались редкие хлопки. Люди в зале были ощутимо напряжены, чувствовалось, что они не хотят слушать длинные речи. Сидящие мужчины были примерно одинаково одеты — простые строгие костюмы, джинсы, рубашки, свитера, многие небриты, бородаты. Волосы у некоторых были взлохмачены, у других, наоборот, преждевременно повыпадали, и в своем молодом возрасте они довольствовались редкой растительностью на голове. Среди мужчин встречались и студенты, но преобладали тридцатилетние; мелькали лица и старше. Женщин в зале не было.

— Ну хорошо,— пробормотал кто-то из них.— Давайте знакомиться, делиться новостями.

— Давайте делать что-то,— неуверенно поддержали его в зале.— Да, давайте что-то делать.

— Вы хотите что-то сказать? — спросил мужчина с микрофоном, увидев, что человек с заднего ряда тянет руку.— Подходите сюда, пожалуйста. Прошу вас.

Собравшиеся обернулись в сторону того, кто пожелал высказаться. Это был крепкий парень в белом свитере, аккуратно выбритый, коротко стриженный. Идя к микрофону, он сосредоточенно смотрел перед собой.

— Прошу, ваше слово,— ведущий передал ему микрофон и отошел.

— Благодарю,— резко ответил парень.— Я так вижу ситуацию, что мы сюда пришли и не знаем, чем заняться. Я вам скажу, чем заняться. Прежде всего, нам надо заявить о себе. Для того, чтобы мы могли заявить о себе нашим... ну, не стану говорить — врагам, нашим оппонентам, мы должны заявить о себе здесь. Мы должны определиться, решить, кто мы.— Голос его был прерывистым, грубым, но люди слушали внимательно, не отвлекались.— Потому что одно дело, знаете, в домашних тапочках сидеть в соцсетях, другое — собраться реально протестовать, знаете...

— Ну почему же сразу протестовать! — воскликнул кто-то из задних рядов, и на него обернулись.

— А что же, простите, делать? — ответил парень.— Нас не замечают, с нашими правами не считаются, нас убивают,— он сорвался на крик.— А мы, значит, пришли Галину Федоровну поблагодарить!

— Ну, лично меня никто пока не убивает,— взял слово высокий человек с переднего ряда в аккуратном пиджаке и при галстуке. От него пахло парфюмом.— Позвольте,— он обернулся к ведущему и кивком головы указал в сторону стола с микрофоном.

— Да, конечно,— неслышно ответил тот. Человек подошел к столу и встал рядом с парнем в белом свитере.— Никита Борисович,— представился он.— В сети я бываю часто, те, кто в группе, должны помнить.— В зале закивали.— Я хочу сказать, что наша задача на данном этапе — не заявлять о себе в такой резкой и грубой форме. Я имею в виду, конечно, не здесь.— Он покосился на парня.— Я имею в виду, в обществе. Вы видите, сколько нас здесь.— Он выдержал паузу.— И насколько разумно, целесообразно сейчас агрессивно себя кому-то противопоставлять. Нас и так записывают в экстремисты, зная лишь по маленькому сообществу в сети, и уже ставят палки в колеса.

— Если так можно сказать про общество пешеходов,— с улыбкой произнес ведущий с первого ряда. Все-таки, ведущим он был не зря.

— Вот,— подхватил Никита Борисович.— Общество пешеходов. Нам нужно зарегистрировать себя как общество пешеходов. Как есть, знаете, общество автомобилистов, да не одно, знаете, а их куча — а вот общества пешеходов никогда не было. И

в него будут вступать! Нам необходимо публично порицать случаи хамства со стороны автомобилистов, предавать огласке вопиющие нарушения, встречаться, дискутировать и, таким образом, вырабатывать какие-то предложения, меры, обращаться с ними, знаете...

— То есть хотите создать кружок? — прервал парень в свитере.— Я вас читал, вы только и умеете, что жаловаться на жизнь. У нас тут будет кружок анонимных алкоголиков.— В зале засмеялись.— А у меня на кружки нет времени, у меня дочь ходит в кружки, еще и я буду... А ходит, кстати говоря, по тем же дорогам, что и все мы, и ей угрожают все те же опасности, только гораздо серьезнее. Потому что она ребенок. То, что происходит сегодня на дорогах — это беспредел, вы хоть это понимаете? А вы хотите беспределу противопоставить кружок?

— Господа,— прервал их ведущий.— У нас уже начинаются споры. Я призываю вас не забывать, что все мы находимся на одной стороне. Все мы — пешеходы, и все мы собрались здесь для того, чтобы «встретиться в реале», узнать друг друга. Нас всех объединяет одно общее — мы ходим по улицам Москвы пешком. Мы понимаем, что это небезопасно. Мы понимаем, что тем, кто нарушает права пешехода, кто не замечает нас, кто не считается с нами, нужно давать отпор. Создание общества — это не предмет спора. Собравшись сегодня здесь, мы уже создали общество, а точнее — мы создали его раньше, в Одноклассниках и Контакте. Но нужно смотреть шире. Общество — это не только мы. Пешеходы — это не только мы... Мы представляем здесь не только свои личные интересы, и не столько свои — мы представляем интересы каждого и защищаем каждого, кто беззащитен сейчас на улицах и дорогах нашего города. Нам нужно работать, чтобы каждый человек чувствовал себя защищенным от кровавого беспредела автомобилистов. Вот такую мы должны ставить перед собой задачу, такой поднимать флаг. Предлагаю почтить память Елены Егоровой, 22-летней студентки, москвички, переходившей дорогу на зеленый сигнал светофора в районе Отрадном, в вечернее время суток. Елену сбил неизвестный на автомобиле марки BMW— увидев издалека светофор, он решил не останавливаться. Не остановился он и после того, как сбил девушку. Оказавшиеся рядом прохожие пытались помочь Елене, но она скончалась до прибытия скорой помощи. Номера автомобиля преступника никто не запомнил, наказывать некого.

— Сволочь,— тихо сказал кто-то в зале.

— А камеры видеонаблюдения? — спросил Никита Борисович.

Парень в свитере посмотрел на него с плохо скрываемым презрением:

— Вам ли не знать, что камеры видеонаблюдения всегда на стороне автомобилиста? А если не на стороне, так они резко куда-то исчезают: были — и фигак, не стало. Нет доказательств, и все тут. Так были же, говорят? А нет, сплыли.

— А «скорая»-то, что «скорая»? — крикнул кто-то из зала.— Почему так долго приезжает «скорая»? Совсем уже охренели!

— Вот на «скорую» попрошу не гнать,— вскочил кто-то с другого ряда.— Я врач скорой помощи, и я вам клянусь, что мы делаем все... Ну вот буквально все возможное, чтобы... в эти ситуациях...— Молодой парень явно волновался, подбирая слова.— В этой ситуации, когда на дорогах одна сволочь, добираться к людям... с минимальными потерями. Временными, физическими, материальными...— Он, похоже, запутался, но тут его вовремя поддержал сосед, человек в тонких круглых очках с рыжей бородкой:

— Совершенно согласен, «скорая» бессильна, потому что ее никто не пропускает, не дают дороги, а то и теснят, подрезают, вообще всячески мешают движению.

— Все так,— подтвердил врач.— Пропустить «скорую» — это же западло считается. Как так, я, нормальный пацан, 777, все дела, пропущу какую-то социальную службу. Бесплатную, блин! Я лохом буду же, петухом! — Он явно заводился.

— Да, 777-й регион — это сильно,— покачал головой сосед.— Господи, куда мы катимся? А вот была история из Питера, по-моему,— все видели, но в нашей группе почему-то не помню. Когда тетка отказалась разъехаться со «скорой» во дворе. Стоит и орет, ничего, говорит, не знаю, я вот стою здесь и все. А вы лишние, вы и уезжайте. А с той стороны выезда тоже нет — никак не уехать им. Так и стояли.

— Да, помню тот случай,— оживился Никита Борисович.— И не какая-то ведь пафосная девочка была, а просто тетка — грубая тетка на раздолбанной иномарке. Просто больная.

— Так,— прикрикнул на них ведущий.— Тишины! Прошу всех тишины! Проявите уважение. Я объявил минуту молчания в память о погибшей от бесчинств автомобилистов. Все споры оставим на потом.

Мужчины встали со своих мест и склонили головы. Парень в свитере и Никита Борисович присоединились к первому ряду, ведущий, напротив, занял привычное место возле стола.

Когда отведенная минута закончилась, люди присели на кресла, но снова не знали, как и с чего начать разговор.

— Мне порой кажется, что водители — это какой-то параллельный мир,— медленно и спокойно проговорил человек с бородкой.— Когда смотришь записи с регистраторов, создается впечатление, что ад — здесь, на Земле. Наличие автомобиля меняет сознание человека настолько, что, едва сев за руль, он превращается в зверя. Царапина, обгон, кто-то перестроился из полосы в полосу, занял свободное место на парковке — все, человека больше нет, просыпается зверь.

— Уважаемый,— откликнулся на эту речь ведущий.— Прошу вас на сцену, мне кажется, вам есть что сказать всем собравшимся. Представьтесь, пожалуйста, нам.

— Не беспокойтесь,— осадил его человек с бородкой.— Мне вполне удобно в этом кресле. А зовут меня Ефим, если это кому-то интересно, в группе я состою. Что меня интересует во всей этой истории, так это психология. Психология людей, для которых автомобиль становится центром вселенной. Я, по большому счету, сколько лет прожил, а так и не избавился от твердой убежденности в том, что авто — это просто средство передвижения. Все эти споры из-за царапин, биты, монтировки, резкие старты, обгоны, подрезы — я смотрю на это и думаю: как низко еще может пасть человечество? Как можно человеческую жизнь ставить меньше, чем какая-то микроскопическая царапина? Микроскопическая даже по отношению к самой машине, что уж говорить о космосе... А из-за царапин людей избивают — просто вытаскивают из салона и избивают ногами, битами, бьют насмерть. Из-за царапины. Из-за того, что не уступил дорогу.

— Я с этим соглашусь,— неожиданно поддержал его мужчина с густыми усами, одетый в клетчатую рубашку. Он производил впечатление самого старшего из собравшихся, а помимо этого — изрядно пьющего человека. Однако если он и был сейчас нетрезв, то лишь слегка.— Меня зовут Олег, и я рабочий. Знаете, у меня как оно всегда в семье было. Родители мне объясняли, что пешеход — король на дороге. Что есть специальные зебры, есть светофоры, есть просто, наконец, правила приличия — понятия там, знаете. Ну, видишь женщину с коляской — так пропусти женщину с коляской, видишь бабушку с палочкой — пропусти бабушку с палочкой, подожди. Ничего страшного, ты все равно на машине, успеешь быстрее, куда там тебе надо. Но все оказалось не так. Довольно быстро я понял, что королем на дороге является автомобилист, а пешеход — это всегда жертва, он всегда должен бояться, всегда должен пропускать учтиво все автомобили, потому что перед ним никогда никто не остановится. Он не представляет для автомобилиста опасности, силы — а потому его можно не замечать. И вот наша задача, ребята, я считаю, сделать так, чтобы пешеход

представлял силу, чтобы хочет-не хочет автомобилист, а был вынужден считаться с нашими правами.

Простая речь рабочего была встречена аплодисментами, кто-то из сидящих рядом с ним парней пожал ему руку и поблагодарил. Слово взял парень, сидевший с краю последнего ряда. Его никто не замечал, пока он сам не вызвался. Голос его дрожал, но молодой человек очень хотел высказаться:

— Я студент,— начал он.— Зовут меня Дима. Каждый день я езжу в универ, и для того, чтобы попасть туда, я сажусь на трамвай — это самый удобный вид транспорта: пешком, все-таки, долго, ну а на метро — с тремя пересадками через центр. И до метро еще нужно дойти, заметьте. Но для того, чтобы доехать на трамвае к первой паре, мне приходится вставать чуть ли не в пять утра. Потому что на то расстояние, которое трамвай преодолел бы минут за 40, он каждое утро тратит часа три — и это только от моего дома до универа. Потому что пробки бесконечны, а трамвайные пути забиваются бесцеремонными водителями, которые стоят, довольные собой, и мешают проехать общественному транспорту. Почему, если один автомобилист подрезает другого, или становится у него на пути, как здесь сказал уважаемый Ефим, выходят ребята с битами, а когда нахальные водители становятся на трамвайных путях, полностью наплевав на людей, которые стоят в нем и тоже нервничают, тоже опаздывают, почему, я спрашиваю вас,— он повысил голос,— не может водитель трамвая, или несколько крепких пассажиров выйти из салона и преподать урок зарвавшемуся ублюдку, вытащить его из теплого салона и мордой в снег, в снег,— последние слова он произнес с особенным наслаждением, забыв о том, как волновался, начиная свою речь.

— Ну, это ты слишком, парень,— заговорили с мест.— Ты на себя посмотри, студентик, не доедаешь ведь? Ты, что ли пойдешь, трамваю дороги расчищать?

— А я вот поддерживаю,— усмехнулся рабочий.— Да только такого, конечно, не будет. Я в детстве был романтиком. Я верил, что мне опасаться стоит только частных автомобилей. Потому что у них за рулем — люди, которые думают только о себе, они сидят, защищенные со всех сторон, и их не интересуют ничьи больше интересы. Они могут тебя задавить просто потому, что им на тебя на...ть. А вот машина скорой помощи задавить не может. Машина милиции — не может. Аварийка — тоже. Трамвай, троллейбус, автобус — тем более, они работают для людей, перевозят людей. И я никогда их не боялся, прям чуть ли не перед их носом выныривал из кустов и перебегал дорогу — не задавят, свои же...— Он рассмеялся.— Но сейчас я думаю, ребята, что это ерунда. Что все трамваи, троллейбусы, «скорые» — они такие же участники движения, такие же автомобилисты. И они — такая же опасность, среди них такие же нарушители. Ну а менты — вы, наверное, сами понимаете. Эти вообще ничего не боятся.

— Ничего подобного,— прервал его парень в свитере.— Трамваи — это общественный вид транспорта. У него должен быть приоритет. Если ты попал под трамвай, то, извини меня, сам дурак. Попасть под трамвай — еще надо постараться, так что говорите вы ерунду. А вот то, что трамваи не пропускают — действительно реальная проблема, ее надо обсуждать. Какого хрена при авариях стоят трамваи? Два придурка на путях поцеловались, у одного стекло из фары рассыпалось, у другого — вообще, так, царапинки. И стоят. Один курит, дебил, другая, баба дурная, по телефону звонит, а за ними трамваев двадцать уже — и все должны на них любоваться: вот вы молодцы, вот красавцы. Вы главное — помиритесь, главное договоритесь, а мы уж как-нибудь сами пешочком, вы извините, что мы тут, но мы же быдло, вы ж понимаете, но ничего, скоро нас не будет. А трамваи стоят. Вот только сегодня видел, братва! Так скажите мне, разве это нормально вообще: когда из-за двух человек страдают

двести. Им, видите ли, нельзя покидать место аварии. Да катитесь вы к черту в ад вместе со своим местом аварии, дайте людям проехать! Пусть это как-то законодательно регулируется, не знаю, значит, нужно добиваться этого. Приоритет должен быть у общественного транспорта, банально потому, что в нем — большинство. И у пешехода. Вот чего мы должны добиваться, а не просто сидеть тут, языком трепать.

Он сел. Ведущий прошелся возле первого ряда людей, словно о чем-то задумался, но быстро вернулся в реальность.

— Вот вы... Как вас зовут, скажите, пожалуйста,— обратился он к последнему оратору.

— Вадим меня зовут,— ответил, словно огрызнулся, парень.

— Вадим, понимаете, пешеход ли, пассажир общественного транспорта, любой человек, у которого нет личного автомобиля — он имеет свойство меняться, едва у него появляется автомобиль. Причем, как справедливо заметил наш Ефим, меняться не в лучшую сторону.

— Это вообще свойство любого человека,— буркнул Ефим,— который получал что-то большее, чем имел раньше.

— Соотношение пешеходов и автолюбителей, если можно так назвать людей, не признающих никаких правил, постоянно меняется. Этот процесс происходит ежедневно — кто-то приобретает автомобиль, кто-то заодно и права, и в одночасье переходит из категории людей, которых мы должны защищать, получается, о которых должны заботиться, в категорию наших противников.

— Это верно,— бесцеремонно перебил его рабочий. Кажется, он все-таки был пьян.— У меня был друг, Колька. Так он как поднялся, машину купил, едет, на пешеходов плюется: мол, вы бараны, козлы все. Так, говорит, и давил бы — мне, другу своему, в разговоре. Менты, говорит, озверели — кто-то на остановке там шесть человек сбил, а они устроили облаву — ловят всех вообще, без разбору, на тестере проверяют. Так я, говорит, что, теперь не могу пьяным ездить? Я, говорит, полжизни поднимался, ж... рвал, из последних сил просто — и вот теперь, что, не могу расслабиться? Я добился, говорит он мне, я откуплюсь. Я говорю: а твою дочку, если вот собьет такой же, как ты рассуждающий? Такой же, поднявшийся? А он говорит: мою дочку никто не тронет. У меня, мол, все куплено, побоятся. Нет, говорю, пьяный за рулем не побоится...

— Спасибо вам,— оборвал его ведущий.— Мы ваше мнение ценим и с ним согласны. Поэтому я и считаю, и хочу обратить ваше внимание, всех здесь присутствующих на главное: наша задача — работать не только с теми, кто сейчас автомобилисты, но и с пешеходами, и с пассажирами тех же трамваев — с простыми людьми на улицах, со своими товарищами, друзьями, родственниками. Противостояние злу — это не только борьба с конкретными беспредельщиками, это недопущение того, чтобы зло разрасталось. Мы должны работать с людьми, воспитывать в них культуру, апеллировать к их лучшим человеческим качествам, прививать им правильные ценности — взаимопонимания, помощи, отношения к ближнему как к человеку, обладающему теми же правами, что и ты — будь он пешеход или автомобилист. Нас ждет трудная, кропотливая просветительская работа.

— Позвольте,— громко сказал Ефим.— Вот мы недавно вспоминали девушку, которую кто-то сбил в Отрадном. У меня в руках ноутбук, и ... я, конечно, не ожидал, что у Галины Федоровны здесь еще и WI-FI есть, как ни странно. Я вам хочу кое-что зачитать, уважаемые. Блог человека. Неизвестного нам человека в Живом журнале. Цитирую: «Видел сегодня утром жуткую картину: сбитый движущимся с большой скоростью автомобилем пешеход взлетел высоко в воздух, фрагментируясь в полете на тело, обувь, сумку с нифелем, головной убор, и рухнул на асфальт уже изломан-

ным трупом. Тело, всего лишь минуту назад бывшее человеком, гордо и свободно взмыло над грязной, приземленной действительностью, причем в процессе последнего полета произошел исход души из бренного тельца в астрал... Романтично, черт возьми, готично и символично, аж дух захватило! Сразу вспомнилось, как я лет 7—8 назад переехал колесами моего автомобиля труп человека. Было это на Ярославке в Мытищах, в сторону Москвы...» Далее этот мерзавец описывает, как все автомобилисты, следовавшие за ним, переезжали тело человека и подмигивали ему фарами в знак солидарности:

«Напоследок снова бросаю взгляд назад — поток не прервался, никто не включил аварийку, значит — ни один из следующих за нами водителей, переехав труп, не остановился, как не остановились мы. Потому, что мы — братство. Взаимовыручающее шоферское братство...» Скажите мне, уважаемый ведущий, как вас зовут, кстати?

— Андреев Сергей, я руководитель группы.

— Прекрасно, руководитель группы. Так вот скажите мне: я только что зачитал, скажем так, взгляд другой стороны на проблему. Вам все ясно? О какой просветительской работе может идти речь? Какая здесь возможна просветительская работа?

— Я вам больше таких случаев расскажу,— вклинился в разговор студент Дима.— В Нижегородской области, в Богородском 24-летний паренек под кокаином дважды выстрелил в голову из травматического пистолета в заслуженного врача. Ему 51 год был.

На первый взгляд, очевидная ситуация. Всем понятно, кто здесь хороший, а кто плохой. Врач с мировым именем против наркомана с оружием в руках и без всякого почтения к возрасту в голове. Кажется, в Нижегородской области столкнулись воплощенные Добро и Зло,— на этих словах руки студента затряслись — Но на деле не все так просто. Врач — это не характеристика личности, возраст — это не показатель адекватности и не гарантия хороших манер. Кто был инициатором инцидента — мы не знаем. Но эта ситуация показательна. Самые бессмысленные и беспощадные, нелепые и жестокие разборки случаются в среде автомобилистов. Не поделили дорогу, не уступил, рванул раньше, пошел на обгон, припарковался не на свое место — это все вызывает реальную, нечеловеческую ненависть. А ведь какие глупые и ничего не значащие ситуации. Если хоть немного вдуматься! Но именно «вдумываться» на дороге не принято. Каждый водитель считает себя богом. Свали с дороги, едут боги! — такой посыл он дает окружающим, и такой же посыл получает от них.

В зале опять зашумели.

— Но Автомобильный Бог един,— продолжил студент.— И он магически меняет людей, подчиняя их себе: кого-то на время пути, кого-то на веки вечные. Видимо, он что-то забирает взамен, наделяя человека способностью смачно плевать на дорогу, чуть приоткрыв окно, и орать: «Куда прешь, козел?» А иногда — забирает и самого человека.— Дима замолчал и, смутившись, добавил: — У меня все.

— Ха, про «свали с дороги» — это он четко сказал,— снова поднялся Олег.— Вы смотрели видюху про таинственного гонщика? — обратился он к залу.

— Какого еще гонщика? — выкрикнул кто-то с места.

— У меня была на телефоне, да вот незадача — телефон в унитаз уронил утром,— он засмеялся.— Black Devil его звали, ну, он сам себя звал. Парень без определенных занятий, вроде как студент, очевидно, что представитель этих... «позолоченных». Выложил видюху, как гоняет по Москве: на такой скорости, правила все пофиг, на прочих водителей — пофиг. Вы знаете, ездит красиво,— рабочий задумался.— И зла, по правде вам скажу, не вызывает. Ну, это просто трюкачество. От ментов уходит грамотно, как в игрушке. Но, ребята, я смотрю на это все, смотрю на сотни комментов, и думаю: это же призыв к действию. А давайте все так ездить, давайте

каждый на своей раздолбанной «Ладе» или «девятке» будем творить беспредел. Получится не так красиво, это ж ясно. Но у всех в голове зажигается эта лампочка, после просмотра: хочется так же, чтоб без тормозов. В меру своих, конечно,— он прокашлялся.— скромных возможностей.

— Миллионы водителей хотели бы ездить так, да не могут себе позволить,— сказал ведущий.— Но нарушить хотя бы единожды, исподтишка, какое-нибудь правило считает своим долгом каждый: кто на красный рвануть, кто в магазин пьяным съездить, кто во что горазд. Водитель, решивший ездить аккуратно, по правилам, спокойно, на дороге вызовет раздражение, будет «белой вороной», «козлом», а в дружеских кругах столкнется с непониманием. В дружеских кругах гордятся, что гоняют бухими. К сожалению. Поэтому здесь я с нашим Олегом согласен.

— Социальный статус в нашей стране вообще измеряется тем, на мнение скольких людей беспрепятственно можно плевать,— включился в разговор Никита Борисович.— А когда он становится слишком высок — слово «мнения» можно менять на «жизни». Только-то и всего. Средний класс культивирует семейные ценности, но исключительно внутри своей семьи — а за ее пределами ничего нет, ни других детей, ни других женщин, там лишь освещенная трасса, по которой несется вот этот... как его там, Black Devil,— он тяжело вздохнул.— Там можно ехать по встречке, сбивать бабулек и сносить остановки, и ничего, никогда тебе за это не будет — главное, чтобы скорее подняться, чтобы все это скорее было можно! Как тот приятель ваш, Олег.

— Запрещать надо такое видео! — крикнул Олег.— Я, хоть его и смотрел, но другим не советую. Этих, гомосеков запретили, хотя шут с ними, пора изымать и такие записи.

— Эх,— вздохнул Никита Борисович.— Откуда у вас, у рабочих, вот эта вечная тяга: запретить что-то, изъять что-то? А что ж вы смотреть-то на работе будете? На телефонах своих канал «Культура», что ли? — он демонстративно отвернулся от Олега.

— А что? — поддержал рабочего Вадим.— Дело мужик говорит. Все так. Запрещать надо.

В зале одобрительно зашумели: запретить, запретить.

— Тогда уж надо и «Стопхам» запрещать,— проворчал Никита Борисович.

— «Стопхам»-то за что? — изумился Вадим.

— Одни недоумки против других выступают.

— Я вот что-то не пойму,— произнес Вадим.— А что вы вообще делаете на нашем собрании?

— Я за противостояние умных, интеллигентных людей хамам, а не за противостояние одних хамов другим,— спокойно ответил Никита Борисович, глядя ему в глаза.— Я излагаю понятно?

— Господа! — прервал их ведущий.— Мы, конечно, не «Стопхам». Они работают на публику, приобретая посредством благой, вроде, идеи, сторонников совсем в другой борьбе. Как и все эти движения против наркотиков, педофилии и прочего. Но Бог им судья. У нас иные задачи. Мы не работаем на публику, мы не снимаем шоу, мы не продаем рекламу в наши ролики. Мы меняем сознание людей. Мы воспитываем, как верно заметил Ефим, умных, интеллигентных, воспитанных людей. Прежде всего, водителей. Но и пешеходов тоже. А решать, кого запрещать, а кого не запрещать — это уже не нам.

— Нет,— не согласился Ефим.— Решать, что запрещать, как раз нам. Мы должны запрещать хамов. Мы должны собраться здесь, и запрещать, запрещать, запрещать. До тех пор, пока не запретится,— речь его стала гневной.— Я вам еще зачитаю, коли не верите. А то уж больно мягкая у вас позиция,— он поправил очки.— «У подъезда дома № 20 по ул. Менделеева несколько человек в масках, вооруженные

бейсбольной битой и резиновой палкой, оттолкнув женщину и ребенка, напали на мужчину и жестоко его избили. После чего сели в машину и уехали. В результате полученных травм гражданин скончался. По версии следствия причиной кровавой разборки со смертельным исходом стал конфликт накануне по поводу парковочного места». Далее: «В среду, 29 мая, там была убита женщина и покалечен ее муж. Разгневанный автомобилист задавил супругов на глазах у их несовершеннолетнего сына. Водитель «Volvo S-80» припарковал свою машину у края проезжей части, а 32-летнему местному жителю не понравилось, как он это сделал. Мужчина сделал автомобилисту замечание, после чего завязалась драка. В ходе драки 36-летняя супруга местного жителя вмешалась в конфликт и разняла мужчин. После этого водитель сел в автомобиль и путем резкого нажатия на педаль акселератора совершил наезд на мужчину, от которого потерпевшего отбросило на газон. Затем, не снижая скорости, умышленно совершил наезд на женщину и переехал ее колесами автомобиля, после чего с места происшествия скрылся. От полученных повреждений женщина скончалась на месте, мужчина с травмами ног и грудной клетки был госпитализирован в Подольскую городскую клиническую больницу. Следователи уточняют, что все события происходили на глазах несовершеннолетнего сына потерпевших».— Ефим оторвал глаза от экрана.— Вам этого недостаточно?

— Ну и что же вы здесь предлагаете запретить? — спросил Никита Борисович.

— Запретить таких людей,— ответил Ефим.

— Но как можно запретить людей?

— Отстрелом,— ответил, поглаживая бородку, Ефим.— Обыкновенным отстрелом.

— И вы, должно быть, считаете себя интеллигентным человеком? — покачал головой Никита Борисович.

— Отнюдь,— возразил Ефим.— Давайте не переходить на оскорбления.

— Вообще, говорить про отстрелы хорошо,— вступил в разговор студент Дима.— Пока сидишь в этом теплом зале, и знаешь, что вернешься по весенней улочке домой.

— Если тебя Black Devil не собьет,— засмеялся Олег.

— Это точно,— оценил шутку юноша,— Но порой такие мысли посещают, это правда. Возьмите воркутинскую историю. Почитайте комменты — тысячи людей кричат: расстрелять его, мерзавца! И их понять можно.

— А что за история? — спросил кто-то, и все обернулись к нему: как, вы не знаете.

— Одну минуту,— Ефим вновь открыл ноутбук.— Зачитываю: «Камера видеонаблюдения, расположенная на одной из улиц Воркуты, запечатлела, как автомобиль BMW X5 сбивает женщину: пострадавшая падает, машина останавливается, однако затем медленно переезжает лежащего на дороге человека. После этого злоумышленник скрывается с места происшествия. Другой источник указывает, что водитель дорогостоящего внедорожника сбил не только женщину, но и мужчину, однако этот инцидент не попал в кадр. Оба пострадавших были госпитализированы в тяжелом состоянии. Виновника аварии задержали, однако отпустили на свободу через несколько дней. Известно, что мужчина грозился засудить потерпевшую женщину за материальный вред, причиненный его автомобилю.

В зале наступило тягостное молчание. Прервал его голос Вадима, ставший вдруг тихим и неожиданно мягким.

— Там известно, что это бизнесмен, король металлолома. Останется безнаказанным.

— Остается только кричать,— сказал Дима.— Когда слышишь, читаешь такое, остается только кричать: «Ты, гнида, чтоб ты сдох» — в бессилии. Потому что ты

ничего не можешь поделать, вот я, обычный студент — как я могу противостоять такому? Женщине 38, мужчине 36. Может, семья. Может, семья могла быть. Люди, люди,— он сел, продолжая шептать что-то, словно в исступлении.

— Вообще, я верю, что миры де Сада существуют,— неожиданно заявил Ефим.— Когда я вижу такие сообщения, я понимаю, что де Сад писал о нас. И наверняка, такие, как в Воркуте, а тем более — выше, причастны не к одному убийству и истязанию людей. Мне кажется,— обратился он к собравшимся,— ведь не зря же регулярно появляются объявления, что пропадают люди. Красивые девушки, молодые мальчики. Ведь не НЛО же забирает их? Они пропадают без следа, и никто никогда не находит их. И я вам скажу, господа: это де Сад, писатель—реалист. А, что думаете?

— Не знаю, не читали,— недовольно сказал Олег.— Вы зачем нам тему переводите?

— Я не перевожу, я с самого начала говорю об этом,— Ефим развел руками.— О людях.

— Слово люди пишется с большой буквы,— проорал кто-то с заднего ряда, и все увидели молодого неформала в футболке с надписью «Гражданская оборона». Странно, что за все собрание он так и не сказал ни одного слова, и вообще, никак не обращал на себя внимания.— Хой! — крикнул он.

— Возможно, вы что-то хотели сказать? — осторожно спросил ведущий.

— Да,— неформал встал и громко, отчетливо заговорил.— Я Каспер, я панк. Вот это нытье вообще слушаю с трудом. Ныть — это не наш метод, орать — это не наш метод.

Нужно заряжаться на победу! Чего вы ноете над этой бабой в Воркуте? Там, в Воркуте, все такие. Такие, как и везде. Главное понять — любой автомобилист таков, и любой автомобиль может быть использован как оружие. Оружие против нас, мирных людей.— Панк рыгнул, заставив сразу нескольких собравшихся поморщиться.— Он сделал это не потому, что он богат, а потому что он отморозок. Любая мразь на «девятке», любая озверевшая мразь, говорю вам, может повторить то же самое — в любой момент, в любом городе. В Москве, может, откупиться сложнее. Только-то и всего. Но какая, нахрен, разница, откупится он или нет? Нас это не колышет и не колеблет. А колышет нас другое: чтобы этого не случилось. Чтобы мразь до нас не доехала. Что для этого нужно сделать? Правильно, лишить ее оружия. Пусть сидит дома и не высовывается. Нужно крушить автомобили везде, где вы их только увидите — выходишь на улицу — видишь машину — фигачь ее всеми доступными способами. Бутылками, кирпичами, битами, арматуриной. Людей трогать не надо, только машины. Призываю вас: уничтожайте автомобили. Да будет вам честь и слава! А пока мы тут плачем, они нас убивают. Они — не расплачутся.

Панк сел на место, заслужив аплодисменты. Однако ведущий сразу поспешил добавить:

— Эмоциональная речь представителя неформальной молодежи отлично иллюстрирует, в каком мы находимся состоянии. До чего нас всех довели. Но мы не для того здесь, чтобы делать обобщения, чтобы записывать в преступники всех подряд...

— Вот именно,— перебил его Ефим.— У меня, признаюсь, тоже есть автомобиль, и недешевый.

Его слова произвели бурную реакцию: люди зашумели, а Вадим, не выдержав, плюнул со злости на пол.

— Так что вы тут делаете? — крикнул он.— Вы же сами призывали тут к отстрелам. Вы что, призывали против самого себя?

Ефим промолчал, дав окружающим остыть.

— Я вспоминаю «Сталкера». Во всем вашем человечестве меня интересует только один человек — я, то есть. Стою ли я чего-нибудь или я такое же дерьмо, как некоторые прочие.

— Так,— не выдержал Вадим.— С вами все ясно, сначала отстрелы, потом рефлексии. Философов нам достаточно. Мы что, пришли сюда страшилки слушать? Я одного не пойму: все уже сказано, все очевидно, ссылок мы насмотрелись, новостей начитались, да что там этого: у каждого из нас, я уверен, свой опыт, каждый пострадал от автомобилистов или вступал с ними в конфликт. Мы не знаем, какой автомобилист наш Ефим, но доверять ему не станем. Я говорил здесь с самого начала: я выступаю против всех автомобилистов. Против всех! Нам нужно создать движение. Не сообщество, не группу — все это, как наш уважаемый ведущий говорил, мы уже создали, этого у нас не отнимешь. Но уважаемый ведущий,— он приблизился вплотную к Сергею Андрееву, схватил микрофон и резко рванул на себя.— Отдайте, пожалуйста, микрофон. Вы уже все сказали. Ведущий — это тот, кто ведет. А не тот, кто мямлит. Про какое-то воспитание самосознания. На это уйдут годы, на это уйдут поколения, а нам сегодня жить. Нам нужно заявить о своих правах, правильно я говорю, граждане?

— Правильно,— закричали с мест.— Поддерживаю,— твердо произнес рабочий.— Хой! — заорал панк.— Смерть машинам! Смерть бездушным машинам!

— Я буду вашим ведущим,— заорал Вадим.— Идем на митинг. Завтра собираемся у Останкина. Там проспект Королева, там сконцентрировано все телевидение, там достаточно места, чтобы прийти и разместиться множеству людей. Перекроем проспект, пусть они гудят в свои клаксоны, мы и не метр не пропустим их! Пусть слушают нас, пусть знают о наших правах, пусть зарубят себе на носу: мы, пешеходы, себя в обиду не дадим! Пешеход — это звучит гордо! Повторяйте за мной: пешеход — это звучит громко. Телевидение не сможет нас не заметить, мы будем прямо перед его носом. А если будет воротить его от нас, то мы блокируем и их автомобили! Они там трамваями не пользуются. Будут вынуждены нас слушать, будут вынуждены дать нам слово. Ура, пешеходы! Ура! Мы добьемся уважения! Мы отстоим право ходить по улицам и ничего, повторяю, ничего и никого не бояться. Не на тех напали!

В эйфории и радостных криках мужчины не сразу заметили, что дверь приоткрылась, и на пороге стояла Галина Федоровна. Вид у нее был уставший.

— Ребятки,— проговорила она.— Уже по домам пора.

— Ну ладно,— отдышался Вадим.— Утро вечера мудренее! Завтрашний день станет историей, говорю вам! Жду вас всех завтра возле Останкина. Распространяйте сообщения, приглашайте людей, агитируйте на улицах. Вместе мы сила,— повторил он.— Спасибо вам, любезная Галина Федоровна! От души спасибо!

Все расходились, пожимая друг другу руки, с тем удовольствием в душе, какое способна доставить одна лишь причастность к справедливому делу. К правде. В вечернем воздухе пахло весной.

— Красота,— произнес Никита Борисович и глубоко вдохнул.— Свобода!

(***Продолжение следует***)

Алексей Яшин
(г. Тула)

ЧИНОВНИКИ ОТ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК*

◆ В один из приездов к Прокофьичу после гостеприимного обеда гость, хозяин и обложенный налогом кот Мичман кейфовали в библиотечной комнате. Первые два попивали на десерт чаек, пополняя стаканы малой толикой настоящего французского коньяка, подаренного Прокофьичу на давешний день рождения дочерью, покуривали. Лишенный тяги к вредным привычкам Мичман забрался на топчан, тщательно вылизался после своего обеда и задремал в обязательном пополуденном сне, где ему являлись мартовские иды**, большие котовские бои-профанации и главный приз — соседская Мурка с правом первой ночи — *jus primae noctis* по-латыни. Эти иноземные слова Мичман как-то услышал от высокоученого профессора Скородумова, перевел их на русский, затем на родной кошачий и накрепко запомнил. Известно, что коты помнят все и всея, доброе и злое. Последнего не прощают и не продаются злодею даже за рекламируемый элитный корм «шеба». В отличие от людей, особенно университетских преподов-училок, что не только за полушку, но и вовсе без платы продадутся кому угодно: что называется, искусство для искусства. Про них именно писал так нелюбимый Игорем Васильевичем сочинитель Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича»: «Тебя не гребут, ты не подмахивай!»

Под высокосортный коньячок, хранящий аромат виноградников долины Луары, грех было смолить сигареты от питерского *ЗАО* «*БАТ-СПБ*», что в Лахте на 3-ей Конной, да еще со зверскими цветными анатомическими картинками на пачке, поэтому приятели потягивали из обкуренных трубок, малая коллекция которых имелась у Прокофьича, дымок настоящего же голландского «кэптэна». Пару пачек табака в те же именины подарил сын. Очень уважали дети вредные привычки отца. Зато и обычных хлопот-головоломок не ведали: что подарить, чтобы не обидеть, но порадовать?

Оно, конечно, Прокофьич и Игорь Васильевич сугубые патриоты. В советское время пили бы под чаек краснодарский, высший сорт, изумительного аромата «Бакы» или сурово-выдержанный, как Иосиф Виссарионович, грузинский «Грэми» десятилетней выдержки, а в трубках шкворчал и попыхивал искорками отечественный уже «Капитанский» фабрики «Ява», или бы Мичман сладостно принюхивался к медовому тлену «Золотого руна» той же явской фабрики Ростабакпрома Минпищепрома *РСФСР*, рупь-десять за золотисто-желтую пачку... На худой конец и «Трубка мира» с курящим на картинке коробки Монтигомо — Ястребиным Когтем сошла бы.

Увы, поневоле разменяешь патриотизм на чужестранные, вредоносные деликатесы, когда коньяки теперь сплошь подмосковной подделки (осетинский спирт + H_2O +

*Из романа-новеллино Алексея Яшина «Административный восторг, или картинки с выставки».
**Терминология древнеримского календаря.

чайная эссенция), а явские табаки ушли в небытие вместе с *СССР* и пятнадцатимиллионной *КПСС*... Даже патриот не то чтобы страны, а своего дома, Мичман подозрительно с аппетитом кушает «шебу», хотя и воспитан на природной, имманентной его организму пшенной каше с мелкопорубленной печенкой.

Впрочем, при разговорах с Прокофьичем и Тихоновной о рациональном и экологически чистом питании Мичмана, Игорь Васильевич вспоминал, что он доктор наук и профессор по биологии и лекторским голосом разъяснял:

— Э-э, дорогие хозяева! Про печенку все верно, но пшено надо заменить на просо, из которого веники вяжут. Впрочем, сейчас их вяжут из пластмассы Сычуанского химического завода в Китае... Все дело в том, что историческая родина котов — озеро Балхаш в бывшей *нашей* Средней Азии. Озеро мелкое, с пологими берегами, сплошь заросшими этими просяными вениками.

В этом веничном лесу водится много живности, на которую охотятся балхашские тигры. Вернее, давным-давно охотились, пока их подчистую не истребили. А полосатые коты, дальние предки Мичмана, состояли на службе и жалованье у тигров — тоже свояков по эволюционной линии. Тигр — зверь ленивый, к тому же почти слепой, и уши у него плохослышашие.

После предыдущей охоты, сожрав косулю или еще какое четвероногое, спит себе и храпит целиковую неделю. Уже желудок, все переварив, голодные сигналы подает в усатую башку, а ему лень подниматься, да и как он, плохо видящий и слышащий, на добычу выйдет? А те несколько котов, что приписаны, как атлантические рыбки-прилипалы, к тигру, вовсе лютуют от голода. Знаете, что такое голодный кот... И вот начинают они когтить за все места работодателя, норовя ухватить срамные места. Тигр просыпается, свирепеет и встает-таки.

А коты, ободрившись, вперед него бегут, на добычу выводят. Замечал, Прокофьич, как Мичман, проголодавшись, Тихоновну вроде как выводит на кухню?

Но вот подвели коты тигра почти вплотную к косуле или какой иной козе, тот мигом прыгнул, разодрал несчастную животину и в един час-два всю ее сожрал, а котам оставил требуху с печенкой. Сам брезгует субпродуктом, равно как человек, хворый по пищеварительной системе и слушающийся врача из местной поликлиники.

Тигр вновь на неделю завалился, коты печенок с почками натрескались, но им для правильного питания нужно печенку «залакировать» чем-то растительным. Вот они, не удаляясь от бугра полосатой артели, пригибают к земле просяные веники и выщелковывают из их верхушек зернышки. Вот и получается каша с печенкой.

Сейчас все просо осталось в самостийных ханствах и султанатах, потому приходится Тихоновне крошить печенку в пшенную кашу. Благо пшено и просо тоже кумовья по растительной теории академика Вавилова... Гомологический ряд, по ученому, называется.

◆ — А скажи, Васильич, как маракуешь, отчего это у нас время от времени власть начинает бороться с винопитием и курением. Вот и при Горбаче то же было. Такое мое мнение, что раз в сколько-то десятилетий нарождается класс чиновников от вредных привычек? Так получается, да?

— Копай глубже, Прокофьич! Здесь два момента следует учитывать первоочередно. Табак дело новое, в смысле наступления на него, ограничимся водкой. Так для краткости будем называть все спиртное. И ограничимся прошлым веком и началом нынешнего.

Первый «сухой» закон ввел царь Николай Кровавый, ныне святой. Ввел из благих соображений с началом Империалистической войны. По наследству этот закон достался советской власти и длился до двадцать четвертого года, когда появилась «рыковка». Немаловажно, что введенный царем «сухач» отчасти протрезвил народ, который его и сверг.

И горбачевский, хорошо нам ведомый, «сухач» снова предварил разрушение агентами влияния *СССР*. Вот сейчас подбираются к новому гонению на водку. Зачем? Значит, снова нужно раззадорить народ. Это первый момент. Второй — я не сомневаюсь, что все эти три «сухача» были подкинуты агентами влияния, в том числе и при дворе царя. Слишком уж явно совпадение: «сухой» закон — переворот во власти!

— А сейчас как?

— Кто же может знать, человеку не дано ведать даже о ближайшем будущем. Поживем, увидим. Думаю, до болотно-цветной революции у нас дело не дойдет: народ наш ко всему привык, не любит горячиться, да и внутренние войска с ментовкой огромадны да с хорошей зарплатой. Нет, здесь что-то другое. Все делается по принципу навроде слышанного недавно по «ящику» черного юмора: «Говорят, в войну хлеба не было».— «Так что ж, масло прямо на колбасу намазывали?»

— А ведь с куревом кранты и в горбачевщину были. Вроде как вредители эти, агенты, сразу все табачные фабрики на капремонт остановили. Я в те годы самосад у себя на участке растил...

— Я тоже трубку завел, на центральном в городе рынке у торговцев с юга нерезаные табачные листья покупал. Многие и вовсе окурки на улицах собирали, дома потрошили, подсушивали в жестяных баночках из-под монпансье, цигарки фронтовые верстали.

— Полагаешь, Васильич, нынешний табачный карачун от обезьянничества перед Западом? Там тоже вроде как борются...

— Понимаешь, Прокофьич, в наше время все решает высокая политика, причем тайная от народов всего мира. Конспирология, говоря на языке журналистов-политологов. Эта конспирология использует все средства для достижения своей главной цели.

— Какова же цель, Васильич?

— Слово «глобализм» сейчас у всех на слуху, а цель глобализации — весь мир подогнать под единое управление, например, из Вашингтона. Для этого нужно до предела оглушить народ, чтобы ни о чем не задумывался, а пел-плясал под ихнюю сурдинку.

— Да-да, как только по телеку показывают эти самые саммиты «семерок», «двадцаток», так всюду охрана с земли и воздуха, народ бунтует, камнями бросается...

— Вот-вот, Прокофьич. Надо заставить народ дело это с бунтами и каменюками завязать, то есть сделать весь мир, кроме управленцев, живыми роботами. Теперь с другого конца подойдем. Почему люди черт-те с каких времен тянутся к спиртному, табаку, наркоте, наконец?

— Баловство, привычка, отдых, да?

— Не так просто здесь. Даже очень сложно. Для чего же, как ты, Прокофьич, спрашиваешь, народ тянется к запретному плоду? Ведь для животных это не характерно; впрочем, и из них кто-то балуется дурманом, мухомором галлюциногенным, травками всякими. Но — наиболее присуще это именно для человека. Ибо у него очень высокоразвитая психика, качественно отличная от всех его биологических предшественников. Человек радуется, психует, раздражается, впадает в уныние... Причем для радости-то мало места остается; жизнь сурова везде, исключая Америку, жирующую за счет ограбления всего мира, и наш бывший *СССР*, как абсолютно социально ориентированное государство.

А без радости, эйфории, говоря языком биологии, человек превращается в того самого живого робота, то есть оскотинивается. Потому-то еще в доисторические времена люди начали употреблять жидкости спиртового брожения, отыскивая «бод-

рящие» травки, в доколумбовой Америке заходила по кругу индейских партсобраний трубка мира с травкой-никотианой.

И средневековая Европа не отставала от опиумного Китая, конопляной Средней Азии, того же Монтигомо — Ястребиного Когтя, кейфующей Османской империи. Викинги скандинавские взбодряли себя до ярости перед битвой жеванием высушенного мухомора. Кстати и предки наших эвенков и чукчей тоже мухомор уважали. Но в Европе со времен италийских этрусков стало господствовать виноделие. Чем дальше — тем крепче. Те же викинги научились делать из французского вина коньяк, шотландцы — гнать виски. Чуть припозднились со своей медовухой наши русаки, но быстро нагнали западников со своей водкой — зéленым вином*.

...Всеми этими напитками, табаком и наркотическими травками-плодами, опять же, говоря языком биологии, человек создает в своей голове так называемый ложный медиатор эйфории. Хорошо это или плохо для самого человека? — Все мы чем-то жертвуем для того, чтобы оставаться человеком, не превращаться в робота. И сама организация, то есть физиология, людей такова, что цэ-два-аш-пять-о-аш, спирт этиловый то есть, и никотиновая кислота обязательно участвует в биохимических процессах нашей нормальной жизнедеятельности. Вот только наркота чужеродна для организма. Так что самой природой, знающей все на миллионы лет вперед, алкоголь и табак, в допустимых, конечно, дозах, уже изначально заложены как средства взбадривания человека в часы и дни уныния и хандры. Чиновничьих начальственных разгоняев тож...

— А как же, Васильич, непьющие и некурящие без этого... того обходятся? Или они от рождения с этой самой ложной эйфорией всему на свете радуются?

— Люди-то все, Прокофьич, разные — даже однояйцовые близнецы с годами различаться по характеру и мозговой работе начинают. Так и с физиологической, психической потребностью в алкоголе и куреве дело обстоит. Во-первых, исходный материал для никотиновой кислоты, благо организму нужна в крохотных количествах, он сам добывает из обычной растительной пищи. А не срабатывает в должной мере этот механизм — человек закуривает. По жизни знаешь: закурил парнишка, подражая взрослым, а потом и бросил это дело. Другой же продолжил на всю жизнь. Заставят такого не мытьем, так катаньем бросит курить — более мрачного и злобного человека не сыщешь!

А про вино — у нас, значит, водку — еще Монтень, если не подводит память, мудрейший философ-афорист, сказал, как припечатал, в том смысле, что совершенно напрасно иные лицемеры сравнивают пьющего человека с животным, дескать, пьян как свинья! Истинно же животному уподобляется абсолютно непьющий человек, ибо вино — высший дар богов человеку на его радость и жизненный оптимизм, говоря современным языком.

— Кстати, Прокофьич, конечно замечал по жизни: нет больших ненавистников и обличителей пьющих и курящих, чем бывшие пьяницы и курильщики-смолильщики, бросившие эти занятия...

— Чего далеко ходить? Сосед мой слева такой, да еще с пяток из нашего поселка таких знаю.

— Вот-вот, это они мстят всему человечеству за отлучение от вина и табака!

— Чегой-то не соображу, Васильич, какая тут связь с этим самым глобализмом и чиновничьими происками против винопития и курения?

— А простая, хотя и конспирологическая, через газеты и телевизор не оповещае-

---

* Зеленый цвет водки вплоть до середины XIX века — от медного купороса, которым продукт перегонки очищали. Для царского двора очистку производили дорогостоящим анисовым маслом: «Водку пьете, Иван Васильевич?» — «Анисовую!»

мая. Глобализаторам требуется мировое людское стадо: разучившееся думать, покорное, где мышцы заменяют мозг. Словом, как рабы в Древнем Риме: тупые и физически здоровые. Кстати, оттого-то сейчас во всем так называемом цивилизованном мире все большее внимание уделяется здоровью тела. Даже в школах уроки физкультуры все другие вытесняют. Но все это не относится к высшим канонам управленцев в глобализируемом мире. Для них справедливо древнеримское же правило: вино, женщины и искусства принадлежат избранным!

Вино же — у нас водка — и, хотя в меньшей степени, табакокурение препятствуют оскотиниванию рабсилы глобализма. Человек покурит — у него на время проясняются мозги, промелькнет раз-другой антиглобалистская мыслишка: а тем ли мы идем путем? Это как коту дать понюшку валерьянки: тот сразу начнет буйствовать-радоваться, с некоторым изумлением в своих глазах с фотоаппаратной шторкой смотреть на хозяев: дескать, какого хрена они делают в *моем* доме? И почему я, вольный сын балхашских просяных зарослей, должен исполнять капризы этих двуногих: делать вид, что подчиняюсь им, унизительно просить поутру поскорее жратву приготовить, терпеть тетешканье их малых детей и прочие благоглупости?

...При знаковом слове «валерьянка» Мичман тотчас поднял голову, широко растворил свои фотоаппаратные створки и долгим взглядом окинул говорящих. Затем, выматерившись про себя (издеваются, мол, двуногие твари над бедным котом), вновь заснул, затаив обиду. Коты злопамятны.

— ...Еще пагубнее для антихристовой глобализации винопитие. Сам знаешь: после первой-второй стопок такие святые и провидческие мысли приходят!

— Да-да, Васильич, как-то мои любимые плоскогубцы, еще отец с войны привез — трофейные, крупповские, никелированные и износу им нет, куда-то запропастились. Неделю искал и все без толку! А тут мои из города на выходные приехали, и — как ты говоришь — после второй озарило: в сарае за свиной загородкой лежат! Подвязку проволочную делал, да потом забыл в свою монтерскую сумку положить. Так опрометью со стола и в сарай: вот они, родимые, за загородкой лежат, никелем отсвечивают!

— Вот-вот, именно так. Правда, после пятой-седьмой все это вроде как напрочь забывается, но на самом деле откладывается в подсознание, а значит, в нужный момент все вспомнится. Всякие же светлые мысли и озарение, как правило, антиглобалистические.

◆ В окончании просветительской беседы Игорь Васильевич разъяснил заинтересовавшемуся Прокофьичу, что вино-водка и табак являются, особенно у нас,— головной болью глобализаторов. Совсем водовку изъять из обращения в России никак нельзя: слишком огромен опыт самогоноварения, начиная с царева «сухого» закона 14-го года. Да и железо еще не все продали китайцам всякие *ООО* и *ОАО* — есть из чего аппараты ваять. Вот только к введенной злокозненным Никитой советской системе ограничения по часам продажи вернулись.

— Помнишь, Прокофьич, анекдот тех лет про семитов и антисемитов? Дескать, кто такие семиты — это которые успели до семи вечера водку купить. А антисемиты — кто не успел отовариться, матерятся и во всем евреев обвиняют. Ха-ха-ха!

Причем, в каждой области по-своему лютуют чиновники от вредных привычек. У нас, как хорошо знаешь, губернатор еще при вступлении на должность публично заявил, что он сторонник здорового образа жизни, поэтому совсем не пьет и не курит... Завистливый наш народ поговаривает: конечно, имея миллиард долла́ров, надо на долгую и здоровую жизнь рассчитывать. Вот он и о здоровье опекаемого им народа заботится: винопитие не с одиннадцати, как в советское время, а аж с двух пополудни! Да еще когда футбольные игрища на стадионе случаются, так в радиусе километра вовсе велено магазинам водку-вино и пиво не отпускать! Одну только закуску.

А вот с табаком некий тайный пока центр мирового глобализма и совсем в свою пользу дело обернул, а именно: повсеместным притеснением курильщиков — законы о запрете курения кроме как в домашних сортирах, диком возрастании цен, а там и самосад запретят взращивать — подтолкнуть их к курению «травки», а от нее до химических наркотиков един шаг... Все думал, что это только я сгоряча так решил, но вот смотрю телик, а там показывают нью-йоркского негра. Тот возмущается: «Сигарет купить — искать спецмагазин надо, да цены дикие. Что ж, теперь, опять к марихуане возвращаться?» Выходит, далеко это не мое открытие? Многие так же думают! И у нас, и за бугром.

Совсем интересный вывод напрашивается: программа глобализации на несколько десятков лет, естественно, просчитана на мегакомпьютерах в институтах, работающих на пока тайное Мировое правительство. Там все учтено. Не сомневаюсь, что на данном этапе глобализации союзником ее является мировая же наркомафия. Да-да, не удивляйся, Прокофьич! Ведь для глобализованного мира нужны только массы людей-роботов. Мыслить и творить положено только высшему и среднему классам управленцев и творческих конструкторов идей и техники. А наркотизация масс как нельзя лучше и быстрее превращает ее в стадо работ-роботов.

Именно поэтому широко рекламируемая борьба «мирового сообщества» с наркомафией идет как-то шалтай-болтай, проще говоря: дурака валяют*. В Афганистане все поля засеяны маком, в Казахстане — коноплей дикорастущей, в Колумбии — сырьем для кокаина; Нигерия тоже не отстает. И что ж? — Никто не торопится под эгидой ООН, например, выжигать все это напалмом. Только одна говорильня...

Здесь в планах глобализаторов наступление идет с двух сторон: «цивилизованные» государства объявляют беспощадную войну курильщикам табака, якобы озабоченные здоровьем их, бедолаг, и окружающих. А наркомафия, вроде как находящаяся вне закона, туго знает свое дело. Вместе же решается поставленная глобализаторами задача: коль скоро по закону Архимеда — Лейбница, природа не терпит пустоты, где убыло — в другом месте прибыло,— то в поисках активизаторов создания ложных центров эйфории в мозге народ все более и более заменяет табак травкой, а потом и химической наркотой! Опять же — это не мое открытие, но все самодостаточно мыслящие люди думают так же, явно не ошибаясь...

— Извиняюсь, Васильич, ты не в первый раз про эту самую самодостаточность речешь. Эт-то как понимать, объясни по рабоче-крестьянски?

— Опять же в науке биологии давно известно, что только восемь процентов людей, независимо от пола, расы, образования и так далее, способны мыслить, что называется, «от себя», полагаясь только на свое разумение, поэтому ими нельзя управлять тем же телевизором, зажигательными речами на выборах, женскими попреками и так далее. Остальные же слепо бредут за управляющими ими.

— Кто же, так сказать, справку о самодостаточности выписывает, ха-ха!

— Смех и грех. Сейчас любую справку за умеренную плату дадут. Вот в Москве в девяностые годы по таксе можно было грамоты и родословные на любое дворянства приобрести: хочешь сиятельным графом или бароном, святейшим князем с родословной от Гостомысла и Рюрика одновременно... Нет, Прокофьич, справку о самодостаточности мышления ни в Кащенке, ни в Академии наук не дадут. Но есть верное средство самому проверить ее наличие у себя: такие «восьмипроцентники» не поддаются гипнозу! Был когда-нибудь на приеме у гипнотизера?

---

* У кого ни интересовался: никто не знает происхождения этой присказки! А она появилась в России между революциями 1905-го и 1917-го годов. Так бастующие рабочие дразнили полицейских: встанет ухмыляющийся работяга рядом с городовым и начинает валять пальцами монету с профилем Николашки — целковый, полтину или четвертак...

— Избави бог. У нас в поселке проживает одна полупридурочная, так она как-то обращалась: боится подавиться килькой, что под вареную картошку потребляет...

— Вылечил?

— Куда там, она теперь и картохи опасается. А ты, Васильич?

— Я не поддаюсь. У меня в соседнем доме главный в городе гипнотизер проживал раньше. Как-то разговорились. Узнал, что я профессор по биологии, пригласил к себе в больничку на сеанс поприсутствовать. Все заснули, а мне хоть бы в едином глазу! Выпили мы с ним по промилле* разведенного медицинского, и я откланялся.

...Все не закончу про вытеснение табака наркотой. В Европе глобалисты все опыты привыкли ставить на Голландии: в части наркоты той же, педерастии, всяких там аутистов. Вот мы с тобой сейчас голландский табачок покуриваем, а в самих Нидерландах курильщиков почти не осталось, зато среднеслабую наркоту официально разрешено продавать. Теперь этот опыт на весь мир распространяют глобализаторы-стахановцы.

◆ — Так что же получается, Васильич, что все страны, что сейчас успешно строят глобализм, подчиняются, как ты говоришь, единому тайному центру? То есть взял под козырек — и бум сделано!

— Не так все просто, Прокофьич, потому и тайно. Пока тайно. Хотя уже и в прессе, и по телевидению в словах высших должностных лиц факт строительства глобализма без всяких оговорок признается. Даже у нас, хотя и считается, что Россия идет своим, многополярным путем. Но — против лома нет приема! Куда деваться-то? Все делается подспудно, особо не называя своим именем, но — успешно, с нарастающей скоростью. Как бы кто ни хорохорился, но сейчас в мире нет сугубо «самостийных» стран. Даже Украина. Ее слова «незалежность» и «национальный», впридачу к самостийности на каждой доске любого забора начертаны. Она прямо-таки рвется в кабалу Евросоюзу... забыли, братья-славяне, опыт «евроинтеграции» в 41—44-х годах!

Даже слова ихнего премьера Азарова, кстати, в советское время он работал по угольному делу у нас в Тулуповске, что кроме экономических утеснений Евросоюз ставит условием приема «незалежной» в свои ряды полную легализацию педерастов и разрешение однополых браков, не смутили Евромайдан... Вот тебе и глобализация в действии!

Нового я тебе, Прокофьич, ничего не сказал, но, возвращаясь к винопитию и табакокурению — насчет педермотства наша власть пока стоит твердо: хотя и не сажает, как в советское время, но и на уступки не идет. Замечу: в многомиллионном чиновничьем племени выделяется подкласс «чиновники от вредных привычек». Не сомневаюсь, что уже в ближайшие два-три года, а то и пораньше, они сооргнизуются в официальные комитеты, комиссии — или еще как там у них называется... Понятно, что и «широкую общественность» заоргнизуют. Тем более что опыт горбачевщины еще не забыт.

...Недавно ходил на центральный рынок. Люблю походить по дальним рядам, где народ торгует всякой всячиной — от книг до почти исчезнувших в обиходе примусов. И две любопытные вещицы приобрел: в книжных развалах альбом «Советский плакат 30—50-х годов», а в «наградном» ряду — отштампованный в 1985-м году значок общества борьбы за трезвость: люблю собирать всякие кунштюки, памятники эпохи.

Листая вечером альбом, увидел плакат со стихотворной подписью:

На папиросы «Ява» я не сетую,
Сам курю и вам советую!

---

* Медицинский сленг: то есть сто граммов; полпромилле — пятьдесят.

По части же антиалкогольного значка припомнил, как в свое время увертывался от партийно-профсоюзного начальства, чтобы не вступать в трезвое общество: три рубля за значок, годовые взносы и, желательно, подписка на журнал «Трезвость и культура».

Да что там комитеты и комиссии! Уже сейчас весь чиновный кагал имеет инструкции по «решительной и бескомпромиссной»: от ментовки до вузовских деканатов. Тяжело им, чиновникам, жить в наше неспокойное время бурного законотворчества! Оттого и злые такие, что вволю покурить можно только дома, а напиться, чтобы хоть на время отойти от одури чиновничьей тягомотины (ведь и они люди) — только там же, дома или на даче: начать с вечера пятницы и завершить пополудни субботы. Чтобы до понедельника успеть согнать здоровый алкогольный румянец с лица и выветрить из легких и желудка винный запашок. А с первого рабочего дня на неделе громить, распекать и тщетно призывать народ к здоровому образу жизни: скучному, конечно, уныло-суконному — даже страстные женщины бальзаковского возраста остерегаются таких мужиков,— но такому благопристойному и заунывно-тихому.

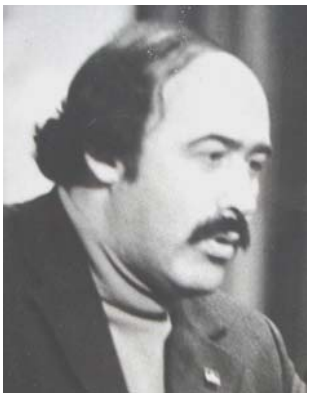
...Кстати, Прокофьич, мои друзья и коллеги медики, ссылаясь на Павлова, Бехтерева и Пирогова, то есть корифеев этой науки, утверждают: если человек после сорока лет перестает курить, то он наносит своему организму большой вред.

Давай, Прокофьич, по последней. Поехал я домой.

Душевный разговор. Профессор Скородумов в гостях у старика Прокофьича обсуждает тайны «черных дыр» в бюджетах всех уровней

Картинка с выставки. Гласный городской думы: «Жить хорошо! А хорошо жить — еще лучше!»

Владимир Лазарев
(г. Маунтэн Вью, Калифорния, США)



СУДЬБА ОДНОЙ РУССКОЙ СЕМЬИ

Невыдуманный рассказ

Владимир Яковлевич Лазарев, поэт, прозаик, публицист, литературовед, историк культуры. 12 лет возглавлял в журнале «Наше Наследие», со дня его основания, отдел литературы (историко-литературных и философских публикаций). Был членом президиума Российского фонда культуры, председателем Общественного комитета спасения Российской Государственной библиотеки (бывшей «Ленинки»). Автор многих книг, среди них: «Семь цветов надежды» (поэзия), «Брат милосердия» (поэзия), «Тульские истории» (проза и поэзия), «Сокровенная жизнь» (повести), «Всем миром» (повести и рассказы), «Уроки Василия Жуковского» (литературоведение) и другие. В соавторстве с доктором исторических наук Ольгой Тугановой написана социо-философская книга «Круг понятий» (дважды вышла в Москве в 1994 и 1998 гг.). В Нью-Йорке издана книга стихов и поэм Вл. Лазарева «На перетоке времен» (2006 г.). Он лауреат ряда Всесоюзных и Международных премий, первый раз удостоен еще в 1956 году, будучи студентом Тульского механического института, в результате Международного конкурса журнала «Всемирные студенческие новости» (Прага) за поэму «Юность», переведенную на многие иностранные языки. А заключает этот ряд 2-я премия «Нового Журнала» (Нью-Йорк) в 2001 г. «за лучшую прозу на переходе веков», опубликованную в этом журнале.

Его стихи, положенные на музыку, стали широко известными песнями. Среди них: «Березы», «Ночной разговор», «Как не любить мне эту землю», «Мой белый город», «Шум берез слышу», «Не остуди свое сердце, сынок», «Мне приснился шум дождя», «Прощание славянки» и др. Песни этого автора прозвучали во многих кинофильмах (около 30-ти, в том числе и зарубежных). В 1999 году он стал лауреатом Всероссийской премии Алексея Фатьянова «Соловьи, соловьи» за вклад в развитие песенного искусства.

С конца августа 1999 года писатель живет и работает в США. В трех номерах «Нового Журнала»(2010—2011 гг.) опубликованы мемуары Вл. Лазарева «Времена жизни» (журнальный вариант). В полном виде эти мемуары находятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира в системе Стенфордского университета.

Маунтэн Вью, что в переводе с английского означает — Горный Вид,— маленький американский город, расположенный в Силиконовой долине, в Калифорнии. Тамара Евгеньевна Старостина перебралась сюда из подмосковного Зеленограда. Живет она на тихой улице Сьерра Виста, название которой опять-таки свидетельствует о горном виде, но по-испански. Отсюда сорок минут быстрой езды до Тихого океана.

Блистает яркая красота экзотических деревьев: пальмы, кипарисы, магнолии, эвкалипты, секвой, красные деревья. Слегка покачиваются нежные березы и канадские

клены, на солнце даже почти в безветрии трепещут, пульсируют листья молодых бамбуков. Светятся кусты красных и белых роз. Глаза начинают уставать в этом сообществе растений, собравшихся здесь с разных концов света. А в глубине живой красоты калифорнийского пейзажа прячется, дремлет землетрясение. И порой сквозь летний зной проносятся легкие стремительные тучи, и долетает сюда свежее дыхание океана. Летом вовсю пылает агрессивное калифорнийское солнце.

В новой стране чаще, чем прежде, вспоминается Тамаре Евгеньевне начало жизни. Неожиданно открываются самые заповедные уголки ее. Отчетливо проступает, как снится наяву, солнечная поляна на Урале, в лесу, вблизи от просеки. Раннее лето победного 45-го года, ей шесть лет. Она впервые — без мамы, в детском оздоровительном лагере под Свердловском (Екатеринбургом). Девочки и мальчишки свободно резвятся, играют. Воспитательница стоит поодаль, ненавязчиво присматривает за ними. Тамаре сильно захотелось некоторое время побыть одной. Она тихонько отходит в сторону от шумных игр и оказывается на просторной поляне. Вокруг сосны, ели, березы, переливы трав на солнце под легким ветерком. Редкие белые облачка на небе. Небольшие скромные синие, белые, золотистые цветы, земляника. В мягком воздухе трепещут стрекозы, в травах стрекочут кузнечики. В отдалении вьются детские голоса. Несказанная живая красота. Она не понимала, что с ней происходит. Странное, неосознанное, проникающее в сердце ранение красотой охватило ее, и она заплакала. Так она стояла одна и плакала, радуясь открывшемуся миру. И лишь успокоившись, вернулась в шумный круг детских забав.

Сейчас она думает, что то был первый запомнившийся случай повышенной чувствительности, как выяснилось позже, свойственной ей. Странно, что при этом она стала учительницей математики в старших классах средней школы: пошла по стопам родителей. Отец преподавал математику в педагогическом институте, мать — в средней школе, была и директором. Наука, связанная с числами, давалась Тамаре Евгеньевне легко, и благоприобретенная логика рассуждений играла в ее жизни немалую роль. В потоке учительства у нее выработалась привычка подводить итоги прожитого дня и намечать то, что следует выполнить завтра. Она неукоснительно следовала этому правилу. Свою повышенную чувствительность научилась скрывать на миру. Школьников и своих собственных детей воспитывала строго, но без нажима. Однако, когда своим, в их малолетстве, читала какие-нибудь трогательные истории, к примеру, про гуттаперчевого мальчика, голос у нее начинал дрожать. Соня, ее младшая, в таких случаях просила: «Мама, перестань». Она прерывала чтение и, лишь справившись с собой, продолжала читать дальше. Когда она смотрела в кинотеатре фильм «А зори здесь тихие», так плакала, что лицо ее распухло от слез, а тело потом покрылось крапивницей. Несколько дней выходила из этого состояния.

А в горе сдержанна: все чувства как бы сковываются в ней. И даже когда остается одна, когда никого нет, желает разрыдаться, облегчить душу и не может... Бесслезна в горе.

В ее облике сияла неброская глубокая приятность. Большие глаза были светлокарие, а приглядеться,— с какой-то золотистой радужкой вокруг зрачка. Она была прямодушна и скромна.

Их было трое у родителей: она и два брата. Один старше ее, другой моложе. Атмосфера, в которой они росли, располагала к умственному развитию: дома на детей никогда не кричали. Воспитывали, не повышая голоса. Огненные волны великой войны не докатились до Урала. И хотя еда была скудной, а жилье тесным — преподаватели пединститута жили в помещении барачного типа: двери небольших квартир выходили в один общий длинный коридор,— детство несмотря ни на что было все-таки относительно спокойным.

* * *

Детство ее ровесника и будущего мужа Кости Старостина, жившего в Куйбышеве (Самаре), сложилось иначе. Отец его, авиаконструктор Леонид Старостин, во время войны неделями не приходил с работы домой: дневал и ночевал на заводе. Спали там вповалку. И в 1943 году, заразившись, он умер от сыпного тифа. Квартиру, которую они снимали, пока жив был отец, пришлось оставить. Старшего ребенка — Таню взяла в свою семью сестра матери. А они с Костей скитались, снимали углы у чужих людей, спали на деревянных нарах, пристроенных друг над другом. Бедствовали, недоедали. Случалось, заплатить было нечем. Тогда мать спешно заталкивала вещи в сумки. Уходили тайком, порознь. Встречались в условленном месте.

Костя, сероглазый худенький мальчик, немало горького испытал в свои ранние годы. Он был любознателен, обладал замечательной памятью и, несмотря на крайнюю нужду, старался учиться хорошо.

Как-то однажды он провожал своего приятеля в музыкальную школу, в которой тот учился одновременно с общеобразовательной. Договорились, что пока он будет заниматься, Костя подождет его в коридоре. А потом они еще погуляют. Хотя дверь в класс была плотно закрыта, Костя отчетливо слышал, как его приятель играл на скрипке. И, когда тот вышел, негромко сказал:

— Мне кажется, ты неверно играл.

— А как надо?

— Я не знаю, как надо, но чувствую, что не так, как должно звучать на самом деле.

На следующем уроке приятель рассказал об этом случае учительнице музыки. И она попросила привести к ней Костю. Проверив его слух, заметила, что слух у него абсолютный и что ему обязательно надо посещать их школу.

— Скажи об этом своим родителям,— напоследок улыбнулась она.

— Отца у меня нет,— отозвался Костя.— А мама будет очень сердиться, если узнает об этом разговоре: у нас нет денег на скрипку... И на вашу школу.

Но учительница музыки оказалась сердечным и настойчивым человеком. Вместе с директором школы они отыскали Костину маму и сказали ей, что у нее очень одаренный сын и учить его станут бесплатно. А скрипку дадут в школе.

Так у Кости началась новая жизнь, полная неожиданных открытий и неизвестных ранее радостей. Скрипку он полюбил, как живое существо. И берег втайне одухотворенную дружбу с ней.

Время шло, мальчик взрослел. Им с матерью государство, наконец, выделило отдельную жилую площадь в коммунальной квартире. Они оба своей комнатой очень дорожили. И он стал замечать, что после игры на скрипке в комнате наступала какая-то особенная животворная тишина, в которой все ладилось, и приходили в голову лучшие мысли. Костя тогда еще не знал, что Альберт Эйнштейн часто перед тем, как приступить к научным размышлениям, играл на скрипке, и наступала высшая сосредоточенность и радость приближения истины. Костя начинал познавать самого себя, свою многогранную талантливость, пределов которой он не знал. К тому же он был очень собранным существом и ко всему прочему, как бы в память об отце, посещал в летние месяцы еще и авиамодельный кружок в городском Дворце пионеров. Это тоже были счастливые мгновения: запускать ввысь легчайшие самолеты, сделанные собственными руками.

Руководитель авиамодельного кружка, молодой человек Анатолий, которого кружковцы между собой называли Толичем, обучал ремеслу зорко и обратил внимание на Костю Старостина. Когда пришла пора тому выбирать жизненный путь, рекомендовал поступать в авиационный институт. У Кости был еще выбор: идти учиться в консерваторию по классу скрипки или посвятить свою жизнь науке, что настоя-

тельно советовал ему учитель физики. Юноша выбрал физику. Он успешно сдал приемные экзамены на физико-технический факультет Свердловского политехнического института, на так называемый физтех.

2

В Свердловске, учась на втором курсе физтеха, Костя по случаю познакомился с Тамарой, студенткой первого курса педагогического института. В первую же встречу ее обожгла молодая радость от как бы знакомых черт явившегося ей лица. «Это мой суженый! — подумала девушка.— Откуда я знаю это милое лицо?.. Наверное, он мне снился». У него была неожиданная на серьезном, часто озабоченном лице приятная открытая улыбка. Они быстро почувствовали родство душ. Началось взаимное сильное увлечение, та самая дружба-любовь с первого взгляда, которая не так уж часто дается людям на всю жизнь. Встречались они реже, чем хотелось: Костя много занимался, был сталинским стипендиатом. Да еще время от времени разгружал товарные вагоны на железнодорожной станции. Надо было помогать матери. А еще копил деньги на скрипку, которую заказал живущему в Свердловске знаменитому скрипичному мастеру Кылосову.

Однажды Костя зашел к нему в мастерскую с Тамарой. Кылосов, угрюмоватый пожилой человек, жил бобылем. Помещение, в котором он обитал, было уставлено хитрыми приспособлениями и станками разной величины. Во второй комнате лежала древесина, и стоял электрообогреватель. На деревянном стенде располагалось несколько заготовок, сквозь которые проступали черты будущих музыкальных инструментов. Были и готовые или почти готовые скрипки. «Костя, послушай, как звучит дерево?» — говорил Кылосов. Костя прислушивался и никогда не ошибался в своих оценках материала: у него был не только абсолютный музыкальный слух, но и слух, верно улавливающий тончайшие оттенки древесного звучания, чистоту и красоту его тона. Кылосов хотел со временем передать Косте в наследство свое дело. «Бросай свою физику,— говорил он,— ты прирожденный скрипичный Мастер. Будешь делать скрипки! Я тебе все свои секреты открою... Все оставлю».

В этот раз он мрачновато посмотрел на Костю: «Вижу, ты и физику свою бросать не собираешься, и девушка у тебя такая появилась! Семью заведете, детки пойдут. Скрипичный мастер один должен быть. Это дело всего забирает».

Кылосов отдал Косте скрипку: «На, поиграй месяц — другой, а потом вернешь: довести окончательно надо будет».

Костя рассказывал, что Кылосов время от времени запивает. И запои у него длятся неделю — две. А потом опять с головой уходит в работу, золотой мастер.

Когда Костя играл на скрипке, Тамаре вспоминалась солнечная поляна из ее детства, захватывало дыхание от полноты жизни, хотелось заплакать: какая-то тонкая струна начинала дрожать в душе...

Косте было много дано и многое удавалось. В нем как бы сияла друза талантов, притягивающая к нему сверстников. На третьем курсе он попал в число студентов, составивших небольшую группу, которая специализировалась на проблемах ядерной физики. Это было очень престижно.

Костя и Тамара решили соединить свои жизни. Окончив учебу, молодые люди сыграли свадьбу и после медового месяца отправились в город Снежинск Челябинской области, в закрытую зону, куда был распределен Костя.

Снежинск притаился в глубине лесов. Ту его часть, где поселились Старостины, окружали несколько озер. Здешнее население составляли в основном сотрудники научно-исследовательского института и их семьи. Заповедные окрестные леса были

богаты ягодой и грибами. В озерах водилось много рыбы. И в свободное время любимым занятием горожан была рыбалка.

Сначала Старостины два месяца прожили в доме молодоженов. Три молодых семьи занимали квартиру: по комнате — на семью. Потом их подселили к другим людям: им была снова выделена одна комната. С ними соседствовали муж, жена и двое малолетних детей. Муж был заядлый рыбак. И жена время от времени в сердцах кричала на него: «Надоел ты мне со своей рыбой!»

Года через полтора Старостины получили отдельную двухкомнатную квартиру. Вскоре Костя защитил кандидатскую диссертацию: у него были наработки еще со студенческих времен. А Тамара устроилась в школу: пошла преподавать математику в старших классах. Они стали привыкать к тому, что их величают по имени и отчеству: Константином Леонидовичем и Тамарой Евгеньевной. В 63-м году у них появился сын: первенец Дмитрий — Дима. А через 6 лет после этого — дочка, которую нарекли Софьей-Соней. Они жили в достатке и в полном согласии. «За что мне выпало такое счастье? — спрашивала Тамара Евгеньевна себя.— Дай Бог, чтобы оно длилось,— думала с замиранием сердца...— Дай-то Бог!»

В дирекции института Старостину предложили приобрести в рассрочку автомобиль «Волгу», пришедший в институт по очередной разнарядке. Машина была приятного цвета, названного «голубая ночь». Перво-наперво Константин Леонидович разобрал ее: снял крылья. И они вдвоем с женой соскребли заводскую краску с их внутренней стороны. И нанесли «сурик», чтобы предохранить от ржавчины при соприкосновении с водой эти наиболее уязвимые места в машине. А когда «сурик» высох, поверх его окрасили в прежний темно-серый цвет. Кроме того Константин Леонидович по малейшему изменению звука в моторе определял, где и что надо исправить. Сослуживцы знали эту особенность Старосина и чуть что, звали его. Он всегда приходил на помощь. А еще он обладал колоссальной памятью. Молодые коллеги, когда встречались в научной работе темные места, вместо того, чтобы долго рыться в справочной литературе, обращались к нему с вопросами. И он неукоснительно давал им быструю и точную информацию. Некоторые из них видели в нем гения.

Снежинск жил, можно сказать, ровной жизнью. Ставились очередные эксперименты. Ученые ездили на дальние полигоны, где проходили испытания готовой продукции. Негромко праздновались удачи. Константин Леонидович стал старшим научным сотрудником. Тамару Евгеньевну назначили директором школы: ее рассудительность и сдержанность были тому поводом.

Но вдруг неожиданное событие прервало тишину и размеренность снежинской жизни. На атомном реакторе произошла крупная авария: взрыв и большой выброс радиоактивной энергии. Это случилось в тот момент, когда двое однокашников Старостина по физтеху, задержавшись поздно вечером на работе, проводили свой эксперимент. Они оба погибли: один умер на второй день после взрыва, другой продержался почти неделю. Костя был потрясен от случившегося и долго не находил себе места. С его ровесниками, близкими друзьями это произошло впервые. Так могучие внутренние силы природы, сбросив узду, смертельно отвечают человеку при малейшей неосторожности с его стороны, посягнувшему на их таинственную жизнь и вспомнившему, что все на свете подчиняется лишь удачной игре его идей.

Техника безопасности, как всегда, сильно отставала от научного прогресса. Высокое начальство нетерпеливо требовало быстрых практических результатов и не хотело знать, что высокая степень техники безопасности неотъемлемая часть этого самого прогресса. «В жизни всегда есть место подвигам!» — говорилось свыше, подразумевая под этим, что «наука требует жертв», мол, такова жестокая необходимость. И если надо ради общего дела, человеком можно пожертвовать и чаще всего забыть о нем. Это, разумеется, не произносилось вслух.

Началась спешная эвакуация людей, переезд их в центр Снежинска — в так называемый соцгород, который находился в двадцати минутах езды от этой окраины, по лесной дороге.

В общей сложности Старостины прожили в Снежинске десять лет. За этот срок Константин Леонидович порядком подвергся радиации. И его «списали с корабля», как всех тех, у кого доза облучения намного превышала допустимую. Он продолжил работу по специальности в научно-исследовательском институте в Горьком (Нижнем Новгороде). Теперь он стал физиком-теоретиком. Так Старостины оказались на Волге. Диме к этому времени исполнилось восемь лет, а Соне — два года.

Однажды в Горьком во время ночной прогулки под открытым звездным небом Константин Леонидович сказал жене: «Хотелось бы, чтобы дети наши выросли широко и глубоко образованными людьми, стали настоящими русскими интеллигентами и достойно несли бремя высокой этики. Постигли бы то, что не успеем постигнуть мы. Надо приложить все силы, воспитать их так, чтобы это исполнилось». Тамара Евгеньевна молча поцеловала мужа.

Как-то в другой раз она, улыбнувшись, заметила: «Быстро дети растут. Не успеешь оглянуться, и внуки появятся!» — «Я своих внуков не увижу»,— отозвался Константин Леонидович. Ее обожгли тогда слова мужа. Такая горестная ясность неожиданно проступила в них.

3

В 77-м году они переехали в подмосковный Зеленоград. Старостин работал над докторской диссертацией. Время от времени он чувствовал приступы сердечной слабости, ранее не знакомой. Но умел не подать виду. Обычно упадок сил наступал к четырем часам дня. Через час-другой неприятное состояние проходило. Все-таки это была пора его золотой зрелости: организм справлялся с недугом.

Весной 80-го, в мае он полетел на большую научную конференцию в Ташкент, где делал доклад. После конференции ее участников повезли в горы, на горное озеро. Вслед за купанием предстоял банкет. Константин Леонидович разделся, вошел в холодную синеватую воду, стал растираться. Почувствовал себя дурно и потерял сознание. Его вытащили на берег, сделали искусственное дыхание, привели в чувство.

Вернувшись в Зеленоград, он неделю пролежал в постели. Говорил жене, что ничего не болит, но слабость такая, руку поднять не может. Женщина врач-терапевт осмотрела его, прослушала, но почему-то не нашла нужным сделать кардиограмму. Заметила пожелтение глазных белков и высказала предположение: не желтуха ли? Но анализы дали отрицательный результат. Через некоторое время Старостин сам по себе постепенно оклемался. Отроду крепок был.

Работа над докторской диссертацией подвигалась к завершению. В середине августа она была закончена. Предстояло написать реферат и готовиться к защите. Константин Леонидович пребывал в светлом расположении духа.

К концу лета к ним с Урала приехала погостить теща Зоя Георгиевна. Первого сентября они по семейной традиции собирались отметить День знаний. Пока Тамара Евгеньевна хлопотала на кухне, Константин Леонидович вдохновенно играл на скрипке. Он чувствовал сегодня необыкновенный прилив сил. Зоя Георгиевна завороженно слушала его. «У меня эти трели никогда раньше не получались!» — закончив играть, радостно сообщил он. «Костя, иди бриться,— заглянув в гостиную, сказала жена,— скоро уже за стол садиться будем». Старостин отправился в спальню. И вдруг оттуда раздался его отчаянный крик. Тамара Евгеньевна бросилась к нему. И увидела мужа стоящим на коленях у кровати. Голова его и грудь лежали на постели.

В левой руке он держал электробритву. Первое, что мелькнуло у нее: «Короткое замыкание? Его ударило током!»

— Костя, что с тобой? — испуганно проговорила она.

— Как будто в голову кол вбили,— едва слышно, через силу отозвался он.— Кол через горло в грудь вошел... Не вздохнуть... В сердце боль. Дышать... не могу.

Тамара Евгеньевна помогла ему лечь на кровать. И вызвала скорую помощь. Скорая приехала не сразу. Женщина-врач долго не могла сделать укол в вену. Тамара Евгеньевна растерялась и не попросила вызвать реанимационную машину. На пришедшей скорой они повезли Константина Леонидовича в больницу. Тамара Евгеньевна осталась ждать результатов в приемном отделении. Минут через десять вышел небритый мужчина в несвежем белом халате, сказал, что больной, к сожалению, скончался. «Костя, Костя... Как он играл перед смертью! — подумала она.— Я бы ушла вслед за ним, если б не дети».

При вскрытии выяснилось, что у него произошел обширный инфаркт, второй по счету. А первый был в мае тогда в Ташкенте, на горном озере: на сердце остался свежий рубец.

Константину Леонидовичу был 41 год.

* * *

В те горестные дни Тамара Евгеньевна видела сон-явь: Костя приходит к ней. Она обнимает его, радуется: «Я же говорила им, что ты не умер!» «Им» — это всему окружающему миру. Проснувшись, долго лежала с открытыми бесслезными глазами... Ее большие глаза как бы сузились после смерти мужа. Мир резко поменял свои контуры, обнажилась его сущность. Прежние предметы и события, рисовавшиеся в мягком свете, приобрели жесткие очертания. Она на многие годы потеряла улыбку.

А в жизни все шло своим чередом. Дети учились: Дима — уже в энергетическом институте, Соня — в школе, в которой преподавала мать. Раз в год Тамара Евгеньевна ездила на Урал навестить родителей. Там она узнала о судьбе выпускников Костиной группы ядерщиков: все они, двенадцать человек, один за другим до срока уходили из жизни. Радиация никого не пощадила. Правда, был еще один, который не работал по специальности в закрытых НИИ, а пошел по комсомольской, потом по партийной линии. И затем вернулся в политехнический институт, стал деканом их факультета.

4

Дима — Дмитрий успешно окончил энергетический институт. Хороший знакомый отца, некто Виктор Наумович, взял его в свою лабораторию в академическом институте физики в Москве. Работал Дмитрий так же, как учился: легко, без натуги. Он унаследовал от отца ясный глубокий ум. При этом был необыкновенно добрым и одновременно с тем чувствительным, незащищенным человеком. Первый раз обжегшись, долго не мог создать семью, пока приятель Игорь не познакомил его с иногородней девушкой Наташей, с виду приветливой и приятной. Дмитрий сразу же поехал провожать ее в Калинин (Тверь), и она оставила его ночевать у себя. Вскоре после этого он сказал Тамаре Евгеньевне:

— Мама, я женюсь.

— Дима, мы с ней даже не знакомы,— мать хорошо знала характер сына.— Присмотрись получше, приведи к нам в дом, познакомь. Не спеши...

— Мама, я должен жениться.

Как выяснилось позже, Наташа тогда еще не ждала ребенка. Они расписались с Дмитрием, сыграли свадьбу, и она переехала жить к ним в Зеленоград.

Первое время предстала тихоней. Но пообвыклась и стала показывать характер. Он у нее дурной, какой-то смутный. Приходит Тамара Евгеньевна домой из школы после целого дня работы, усталая. Видит, раковина на кухне полна немытой посудой. Говорит: «Наташа, извини, пожалуйста, но надо посуду после себя мыть». Та вскинулась и заорала: « Я здесь хозяйка, а не ты, шкрабиха проклятая! Надо тебе — и мой!» Тамара Евгеньевна опешила и отошла в сторону. Возвратился домой Дмитрий, видит на матери лица нет. Узнал в чем дело, сказал: «Я поговорю с ней». Но Наталья не извинилась, а на следующий день обратилась к Тамаре Евгеньевне, как ни в чем не бывало. Все это в разных вариантах нередко повторялось. Она и на Дмитрия стала кричать при матери, стремясь уязвить, как можно больнее. По малейшему поводу — вспышки неистового гнева и вслед за этим — невинная беспамятная тихость. А то уставится в одну точку и так может просидеть несколько часов кряду...

Соня, которая к этому времени выросла, работала в городской прокуратуре делопроизводителем и заочно училась на юридическом факультете Московского университета, однажды решительно сказала Наталье: «Если ты не изменишь своего поведения, тебе придется убраться восвояси. Брат, коль захочет, может последовать за тобой. Эта квартира получена отцом и матерью. И ты не имеешь никакого права так нахально вести себя».

В отличие от брата Соня — крепкий орешек. Наталья почувствовала это, стала посмирнее, притихла на какой-то срок. У молодых родился сын и его в честь парня, познакомившего их, назвали Игорем. Клубок непростых отношений в семье, раскручиваясь, все больше запутывался. Задача, как видела ее Тамара Евгеньевна, оказалась нерешаемая. «Безумно жаль Диму!» думала она во время своих бессонниц. И вспоминала, как они гуляли с Костей по ночному городу на Волге, и он говорил, какими хочет увидеть своих детей в будущем, какими их надо постараться воспитать... Как все сложилось на свете: рухнула внутренняя счастливая личная жизнь; вспыхнула, словно в одно мгновение, и завершилась перестройка; а затем рухнула жизнь страны. И теперь в семье сына, как в капле росы, отразилась эта разруха.

5

Соня Старостина, впервые поехав отдыхать на юг, к Черному морю, встретилась там с молодым человеком, москвичом Сашей Рашинским. Он был на несколько лет старше ее. Они понравились друг другу, и оба почувствовали, что их встреча будет не мимолетной. Он, коренастый, кареглазый, напористый, энергичный, рассказывал о своих планах: уехать в Америку, продолжить там учебу, а потом остаться жить и работать. Говорил страстно, увлекательно: «Здесь все сейчас беспросветно, все в упадке. Вот увидишь, там совсем другая жизнь! Станем переселенцами!» Солнечный блеск Черного моря и радужные слова Саши Рашинского захватывали дух. Она готова была идти за ним на край света и согласилась отправиться на другой континент, навстречу неизвестности.

Вернувшись из отпуска, Соня пригласила Сашу домой, познакомила с матерью. Тамаре Евгеньевне он приглянулся: Саша был веселый, общительный, и сразу видно, надежный человек — спутник жизни. «У нас с отцом тоже любовь с первого взгляда возникла»,— сказала она потом дочери.

Саша отправился в ОВИР и спросил, как переоформить документы, поскольку он собирается жениться и надо будет вписать имя жены в анкету, и ей — заполнить свою. Но ему ответили, что это невозможно. Придется заводить новое дело и все начинать сызнова, с неизвестным результатом. «Тогда я никуда не поеду»,— решил Саша. «Нет, поезжай,— твердо сказала ему Соня.— Если не передумаешь, постарайся устроить мне вызов оттуда. Свадьбу пока отложим».

И Саша полетел в Соединенные Штаты один.

Он звонил Соне, присылал письма. «Я не хочу тебя потерять, Соня!» — писал он. И через год попросил знакомых стариков-американцев пригласить ее. Она прилетела в Бостон по гостевой визе. Александр (или, как переименовал он себя в Америке, Алекс Рашински) и Софья сначала нелегально, а потом законно стали мужем и женой.

Алекс радовался жизни и часто, отмечая точность и деловитость американцев, восхищенно восклицал: «Это Америка!» Он работал и учился: постигал применение статистики в медицине, в частности, в фармакологии. Надо было фиксировать и анализировать результаты употребления новейших, еще не утвердившихся в широкой медицинской практике лекарств, учитывать всякого рода побочные явления негативного характера. От этого зависит судьба нововведений: приживутся они или нет. В обязанности работника, занимающегося этим, входит также часто бывать в командировках — посещать разные американские города, вылетать за рубеж, собирать конференции медперсонала в тех клиниках, где взялись испытывать на больных еще неапробированные препараты. От сообразительности, энергичности, организационных способностей такого сотрудника зависело немало. Алекс с успехом овладел новой для себя профессией, высоко оплачиваемой и весьма ценимой в фармакологических компаниях. Он сделал верный выбор: эта профессия была ему по нутру. Полный сил и обаяния, Алекс быстро усвоил жестокую формулу естественного отбора, бытующую среди преуспевающих американцев: «помогать надо сильным, а не слабым».

Первый штат, куда после окончания его учебы они отправились с женой, был Луизиана. Летом там очень душно, жара невыносимая. В Луизиане они пробыли год. Там у них появился первенец: сын Майкл (Миша). Потом перебрались в Калифорнию, в город Маунтэн Вью. Когда Мише исполнилось два года, Софья, наконец, получила право учиться и работать. Она решила не продолжать учиться на юриста, прошла краткие курсы и стала агентом по путешествиям. Работала в маленьком турагенстве. Хлопотливая эта работа ей нравилась. Но вскоре маленькие турагенства стали одно за другим закрываться. И она пошла учиться на программиста. Работала Софья программистом год, занята была с шести часов утра до шести вечера. В это время у нее родилась дочь Мария (Маша). Она оставила обретенную профессию. Какое-то время сидела дома, занималась своими малышами. А когда они подросли, устроилась воспитателем в американский детский сад. Такое занятие более всего пришлось сейчас ей по душе.

* * *

После отлета Сони в Америку жизнь Тамары Евгеньевны в собственной квартире стала совершенно невыносимой: невестка заклевала ее. Она ушла жить к своей подруге Людмиле Андреевне, учительнице биологии. «Мама, она вампир,— опустив глаза, говорил о своей жене Дима,— ей нужны скандалы: высасывает из других нужную ей энергию». Вскоре Тамара Евгеньевна вышла на пенсию (скудную учительскую пенсию). А в семье Димы произошло прибавление: появился на свет еще один мальчик, Владик. Димина жена Наталья относилась с неприязнью ко всему интеллектуальному, особенно в ситуации нового смутного времени. Чуть что, кричала: «Подумаешь, твоя диссертация! Кому нужны эти корочки! Нам не на что жить! Вы со своей наукой никому не нужны, вам ничего не платят или платят мизер какой-то, и то через раз. Посмотри на своего друга Игоря: он настоящий мужчина! К отцу в автосервис пошел и живет — не тужит».

В академическом институте физики с оплатой труда в самом деле было туговато.

После перестройки и распада СССР на большую науку у государства не хватало денег. И многие ученые, особенно из молодых, подрабатывали на стороне: это стало их основным заработком. Дмитрий тоже решил на время отложить свою диссертацию и устроился в автосервис слесарем-механиком. Вставал чуть свет и отправлялся в Москву на работу. Возвращался домой затемно, часто подвыпившим. А дома попадал в сущий ад. Лежа под машиной на бетонном полу в любую погоду, в конце концов, простудил себе почки. Не говорил матери об этом. Она чувствовала, что с ним творится что-то неладное. Сильно похудел, помрачнел. Но чем она могла ему помочь, кроме слов поддержки и кратких мгновений взаимного тепла, когда они изредка виделись.

6

Тамара Евгеньевна гостила у Сони в Америке, когда узнала, что мать ее тяжело заболела. И, прервав свое пребывание в Калифорнии, тотчас вылетела к своим родителям на Урал. Успела побыть у постели больной в крайние дни ее жизни. Проводила мать в последний путь. И осталась пожить в родном гнезде, помочь отцу в эти скорбные дни. Но одно — к одному. Беды обрушились на ее бедную голову. Из Зеленограда пришла весть, что Дима покончил с собой, бросился из окна с одиннадцатого этажа дома, где находилась их квартира. Загнанный в тупик, свел счеты с жизнью, как тысячи других людей в России. Это произошло 26 июля 1998 года. Ему было 35 лет.

В момент Диминого самоубийства его сестра в Америке была в тяжелом состоянии, беспокоилась, металась, не могла найти себе места.

Дмитрия Старостина кремировали и похоронили рядом с отцом.

Тамара Евгеньевна долго не могла придти в себя. Ее материнское горе не имело границ. Оно не облекалось в слова.

Внук ее, сын Димы, Игорь испытал страшное потрясение от случившегося и надолго замолчал. Он не отвечал на вопросы учителей во время занятий. Не отзывался на обращения к нему сверстников. Все молчало в нем. Он жил в состоянии крайнего отчуждения по отношению к людям. Душа его замкнулась в своем несчастье.

По всем предметам Игорю ставили низкие оценки, на него уже махнули рукой, принимая его молчание за редкую тупость. Мать на вызовы классной руководительницы не реагировала.

Тамара Евгеньевна стала заниматься с ним, пошла в школу, где учился Игорь, и объяснила его классной руководительнице, что с ним происходит, он вовсе не тупица и может хорошо соображать. К нему стали относиться внимательней. Постепенно успеваемость Игоря выправилась. Но в основном молчание не оставляло его. Оно длилось около двух лет. Не заживала в душе рана...

* * *

Прошло два года, и Виктор Наумович, доктор физико-математических наук, в лаборатории которого работал Дмитрий, предложил Тамаре Евгеньевне пожить с внуком два летних месяца у него на даче, в деревне Никулино Калужской области. Он их отвез туда на своей машине. Там он, ко всему прочему, показал парню ящик с садовой электропилой нового образца, разобранной на части, и сказал: «Игорь, посмотри, как собрать эту штуковину, чтобы она заработала, как следует. У твоего отца руки были золотыми, с любым механизмом справлялся. Верно, и ты в него». И пока бабушка беседовала с Виктором Наумовичем, Игорь, ничего не спрашивая, возился с электропилой. И разобрался, она заработала. «Вот и славно. Спасибо тебе»,— сказал маститый ученый.

Деревня Никулино стоит на берегу речки Шани. Здесь есть и пруд. Деревня старая: осталось пятнадцать дворов, два из которых принадлежат местным старикам-крестьянам. Избы у них ветхие и потемневшие от времени. У остальных дети вернулись и поставили новые дома, поблескивающие свежей, незамутненной краской. Да еще несколько домов с участками купили посторонние — горожане, чтобы приезжать сюда летом.

Светлыми вечерами Тамара Евгеньевна вместе с Игорем сидела на крыльце, иногда переговаривались. Первая звезда появлялась на небе. Они слушали тишину. Дышат — не надышатся чистым, живым, прохладном воздухом. Здесь в прозрачной тишине, в глубине России ей безмерно жаль Костю, сына Диму, внука Игоря... Она непроизвольно подумала о том, как размываются, исчезают Костины черты, еще явные у Димы и Сони, в новоявленных лицах внуков. Выражение его лица, цвет глаз, жесты... Кудрявость волос перешла почти ко всем, а вот цвет глаз серый с некоторой голубизной повторился у одного только Игоря. Как сложится его судьба в резко изменившемся мире? Как проявится его ум, воля? Будет ли он хоть как-то похож на деда?.. Встретит ли подходящую подругу, чтобы они стали нераздельны на всем пути, как Костя со мной, как Саша — Алекс и Соня?.. Ведь какую душевную травму получил он в начале жизни!..

— Бабушка,— обращается Игорь к ней,— возьми себе в Америке фамилию Стар. Будешь не Старостина, а Стар. Тамара Стар — Тамара Звезда. Красиво!

— Нет уж, Игорек, я останусь Старостиной,— улыбнулась она.— Мы с тобой навсегда будем Старостины.

Когда над деревней высоко в светлом небе иногда едва заметной точкой пролетал самолет, оставляя за собой тонкий белый след, Тамара Евгеньевна вспоминала свои полеты в Америку и думала, что такая же зыбкая нить связывает ее с дочерью. Возвращаясь в Россию, она не могла пребывать с невесткой под одной крышей, где была прописана, и по-прежнему жила у своей подруги Людмилы Андреевны. С Игорем они, как раньше с Димой, уславливались о встрече по телефону и виделись на стороне. В последний раз она привезла в подарок внуку компьютер. И он с увлечением проводил многие часы в компьютерном мире. Игорь сказал бабушке, что после девятого класса намерен пойти в строительное училище, а по окончанию его — в строительный техникум. Не высока планка, конечно. Понятно, тыл у мальчика непрочный, почти никакого нет. Но, кто знает, в отрочестве, в юности стремления часто переменчивы. Ему без поддержки самому барахтаться в волнах жизни. Да к тому же у него еще есть малолетний брат Владик, которому он должен будет помогать...

7

Тамара Евгеньевна перебралась в Соединенные Штаты Америки на постоянное место жительства по статусу — «воссоединение семьи». Сначала жила у молодых, как во время гостеваний. Потом, когда они продали дом, купленный в рассрочку, и на вырученные деньги приобрели в полную собственность большой дом в маленьком городке, севернее прежнего, в двух с половиной часах езды от него, Тамара Евгеньевна осталась в Маунтэн Вью. Тому было несколько причин. Прежде всего, на новом месте не было русскоязычных жителей, а здесь она обзавелась знакомыми из России, которые ей пришлись по душе. Кроме того у нее появился свой небольшой огород по соседству с другими, который она любила обихаживать и с наслаждением работала в нем. Огород — опора душе на малознакомом месте. Она выращивала огурцы, помидоры, картофель, капусту, кабачки, сладкий перец, лук, чеснок яровой и озимый, петрушку... И если поблизости никого не было, приходя, здоровалась вслух с каждым

стебельком, с каждой веточкой говорила им добрые слова. Теперь ей казалось, что лучше бы она не математиком стала, а ботаником или биологом, как Людмила Андреевна.

Поселилась она на улице Сьерра Виста, арендовала небольшую квартиру в субсидированном комплексе домов. 700 долларов на это ежемесячно высылает ей дочь. А на еду и прочие расходы Тамара Евгеньевна зарабатывает тем, что ухаживает за очень пожилыми и больными стариками: готовит им еду, убирает квартиры.

Время от времени приезжает за ней Соня или Алекс и забирают ее к себе. Она у них живет неделю — дней десять, общается с внуками, помогает по хозяйству.

* * *

Неожиданной новостью стало появление в Маунтэн Вью отца Саши Юрия Наумовича Рашинского, профессора — кардиолога, эмигрировавшего из Москвы со своей второй женой Аллой Викторовной, намного моложе его. Первая жена Рашинского умерла. Саша — Алекс, который очень любил мать, не выносил Аллу Викторовну, занявшую рядом с отцом ее место. Причиной эмиграции пожилого профессора именно сюда кроме отцовских чувств было надежное экономическое преуспевание сына. Они условились, что все располагаемые отцом доллары Алекс положит в банк на свой расчетный счет, и каждый месяц Юрий Наумович будет снимать с этого счета определенную сумму.

Рашинский-старший чувствовал себя вольготно в школе для эмигрантов, изучающих английский язык. Постоянно раздувал свой авторитет. Вел себя так, как будто над ним сияет нимб московской знаменитости и среди школяров ему нет равных. Говорил громко, что его сын зарабатывает больше чем президент Соединенных Штатов. Замечал с надменной гримасой: «Моя жена, преподававшая в Москве в институте международных отношений, знает язык не английский по-американски, чему обучаемся мы, а чистый английский. У нее — настоящий «бритиш»!».

Многие завидовали его прочной защищенности в жизни. Но вдруг произошло непредвиденное: Юрию Наумовичу потребовалось с расчетного счета сына снять денежную сумму, заметно превышающую договоренную, что он и сделал, не предупредив об этом Алекса. И тот в свою очередь, ничего не сказав, перекрыл отцу доступ к расчетному счету. Юрий Наумович пришел в полное бешенство и вызвал к себе сына. «Вы живете слишком широко,— сказал тот,— я вот вижу у вас на столе оливковое масло, оно вам не по карману, покупайте попроще и вообще живите поскромнее. Не шикуйте». Юрий Наумович задохнулся от негодования, побагровел. Алла Викторовна, взглянув на мужа, заметила: «Алекс, негоже так вести себя с родным отцом!». «А ты заткнись, шлюха...» — бросил, сорвавшись, Алекс в ее сторону. «Я не позволю подобным образом оскорблять мою жену»,— прохрипел Юрий Наумович. Алекс повернулся и ушел. Алла Викторовна разрыдалась. Но финансовые отношения не давали им порвать с Алексом.

Спустя некоторое время, по звонку отца сын снова явился к ним. Не сказал чистосердечно «извините меня», а произнес, не желая уронить свое достоинство, в американской манере: «Я сожалею, что так произошло».

* * *

Просторный дом Алекса и Софьи возвышается на холме в окружении редко растущих старых мощных деревьев. Рядом, пониже — несколько хозяйственных строений. Никаких соседей у них на холме нет. Большой изогнутый участок земли, поросший травами, с дорогой, поднимающейся от шоссе к дому. Вольный дух сквозит во всем. На холме, на открытом возвышенном пространстве набегающие ветры сотря-

сают дом. И тогда он весь гудит, деревья скрипят, словно бы напоминая о жизни американских первопоселенцев. Сюда наведываются олени. Изредка мелькает вдали обитающий в этих местах горный лев.

Сухие травы — источник пожаров. Алекс приобрел сенокосилку и скашивал их, но затем скошенные травы надо было куда-то сбывать. На это требовалось достаточно свободного времени, которого у Алекса нет. По совету пожарных он приобрел лошадь, несколько овец и небольшое стадо коз. Они постоянно паслись, и таким образом травы исчезали. Но загон для овец находился на отшибе от дома. И овец, одну за другой зарезал охотившийся здесь горный лев. Овцы даже полезнее коз: съедали траву начисто, под самый корень. Однако после случившегося их больше не заводили. В этих местах опрометчивым быть нельзя.

Чаще всего Софья, а иногда и Алекс отвозят детей в школу, а после занятий забирают их оттуда. Понятно, в школе, но и дома с ними говорят только по-английски. Миша, поев, тотчас садится за компьютер и большую часть времени проводит за этим занятием. Кроме того он увлекается теннисом и восточным боевым искусством — каратэ. Маша читает книги на английском языке, берет уроки пения и танцев, тоже увлечена теннисом, а еще конным спортом. Одним словом, они оба ведут насыщенную жизнь, характерную для детей обеспеченной американской семьи.

Тамара Евгеньевна, обычно не вмешивающаяся в жизнь молодых, как-то спросила Алекса и Соню, почему они дома совершенно не разговаривают с детьми по-русски. Соня промолчала. Алекс же, слегка нахмурясь, заметил:

— У них и так большая загрузка помимо школьных занятий. На русский язык просто не хватает времени. Да он им и не понадобится.

— Вы уверены? — спросила Тамара Евгеньевна.

— Абсолютно уверен,— сказал Алекс.— Они родились в Америке. И должны как можно успешней войти в американское общество. Им надо совершенно свободно говорить по-английски, глубоко овладеть им. Русский язык будет только отвлекать их внимание. Начнется путаница. Мне рассказывали, что даже праправнуки Льва Толстого, живя в Швеции, полностью утратили русский язык.

Соня потом призналась матери, что пыталась преодолеть нигилизм Алекса по отношению к русскому языку в его системе воспитания их детей. Но он неумолим. Как-то сказала ему, что очень хочется съездить с детьми в Россию... Несколько раз подступала к нему с этим. Он отмалчивался. В конце концов, отозвался, что не видит смысла в этой, как он выразился, затее. «Мама, я даже заметила ему,— говорила Соня,— что Россия страна великой гуманитарной культуры, и никогда в жизни не прощу себе, если мы отлучим своих детей от нее. Да и мы сами без нее будем, как засохшие деревья... Саша раньше не был таким и на Родине, и в первые годы нашего пребывания здесь. Он тогда не притворялся, я бы заметила... Просто он стал меняться, он меняется прямо на глазах». Тамара Евгеньевна вздохнула: «Какие надежды возлагал отец на Диму и тебя! Дима погиб. Дай Бог тебе не сломаться». Они помолчали. Соня добавила: «Я все больше не узнаю Сашу... Оттого горше, мама, что я люблю его».

Тамара Евгеньевна расстроилась от этого разговора с дочерью, долго не могла заснуть, все думала: «Есть люди, которых, век живи, не постичь. Как мне Саша понравился при первой встрече: надежный, открытый, жизнерадостный, казалось, сочувственный...» Сознание стало преломляться, ей приснился безумный сон: она встречает Костю, живого, здесь в Америке. Он ничуть не изменился. Смотрит серьезно на нее и не узнает. Она, волнуясь, говорит ему: «Костя, это я, Тамара!» Он не понимает ее и начинает бормотать какие-то, как ей кажется, несвязные английские слова, смысл которых она не может постичь. Ей становится не по себе, оттого что она не может прорваться в его внутренний мир, как не может прорваться к своим

внукам. «Костя, Костя,— кричит она,— неужели мы потеряем внуков?» И просыпается от собственного крика. Какая реальность предстает перед ней: Миша знает по-русски несколько примитивных фраз: «Я хочу есть», «Спасибо», «Скоро в школу», с которыми обращается к ней, и самоуверенно больше ничего не желает знать. Другое дело, Маша: у нее явные гуманитарные наклонности. Надо постараться обучить ее русскому алфавиту. И приносить ей книги русских писателей. Может быть, так возникнет в ней тяга к великой литературе, к пока потустороннему родному слову. Начнет читать, а там, глядишь, и писать по-русски обучится. И тогда этот живой интерес пересилит отца, успокаивала себя Тамара Евгеньевна...

Когда справили Мише бар-мицву, отец на подаренные гостями деньги купил по желанию сына авиабилет ему, и они полетели вдвоем на две недели в Израиль, в туристическую поездку по стране давних предков Алекса.

Теперь пришла пора праздновать бат-мицву Маше: ей исполнилось 12 лет. Она усердно готовилась к этому. Целый год, каждую среду брала уроки разговора и письма на иврите, изучала соответствующие места из торы, училась ритуальному пению.

Бар-мицва для мальчиков и бат-мицва для девочек — акты раннего совершеннолетия, связанные с древнееврейскими религиозно-духовными традициями. В этих празднествах — испытаниях, как правило, принимают участие раввин и кантор. В бат-мицве у Маши кантором была молодая женщина. Маша прочитала на иврите предложенный ей отрывок из торы. И потом толковала его на английском языке.

Тамара Евгеньевна несколько дней помогала дочери готовить угощение для Машиных гостей. Разрезали по окружности на две равных части бейгель — хлебцы типа русских бубликов, но с меньшим отверстием по середине. И приготовляли разного рода сырные намазки, яичный и другие салаты, семгу, красную икру, шоколадную пасту... Запаслись легким красным сладким вином.

Машин праздник прошел успешно. Она была в приподнятом настроении и, когда родители спросили, что ей подарить на память об этом дне, сказала: «Собаку».

У них уже был Лабрадор Макс. Теперь в доме появилась еще одна собака: какого-то дымчато-серого окраса ирландский терьер Дикси. Ее взяли из питомника по Машиному выбору. Вскоре после этого, резвясь с Максом на холме, Дикси обнаружила двухметровую гремучую змею, гревшуюся на камне под солнцем. В таком случае Макс предпочетает лаять издали. А Дикси, увлекая его за собой, отважно бросилась на пресмыкающееся. Змея стала издавать предупредительно угрожающие звуки, похожие на электрические разряды. Но Дикси, не обращая на это внимание, напала на нее. И завязалась схватка. Собаки разодрали змею на куски. Но она успела дважды ужалить Дикси в голову, рядом с виском. Дикси радостно лаяла, верно, оттого, что спасла жизни своих близких от опасного существа. Через час-другой голова у Дикси сильно распухла. Собака была в тяжелом состоянии, стала скулить, моментами терять сознание. Алекс с Машей срочно повезли ее в ветеринарную клинику, и там ей впрыснули очень дорогую, сильно действующую противоядную вакцину. Шерсть вокруг следов от укусов выстригли и их прижгли. Через некоторое время Дикси пришла в себя.

Но через несколько дней история повторилась. Дикси, гуляя, обнаружила еще одну гремучую змею и бросилась на нее. На этот раз собаку с великим трудом выходили. Она чудом осталась жива. С тех пор ее в отличие от Макса не выпускают вольно гулять по холму. И выводят всегда на поводке. Она обитает в свободном состоянии только в доме. Маша еще больше полюбила свою Дикси, с ее выстриженными местами на морде и шрамами, за ее храбрость и самоотверженность. Собака чувствует это и любит бывать в Машиной комнате, лежать у ее ног.

Тамара Евгеньевна, наблюдая за внучкой, замечает у нее черты, схожие со своими, когда была в таком же возрасте. Особенно — чувствительность. Ее должен увлечь русский язык, надеется Тамара Евгеньевна. Она привезла Маше «Азбуку» и помогла освоить ее. Маша быстро научилась читать. Но зачастую не понимает смысл прочитанного и нередко неправильно ставит ударения в словах. Тамара Евгеньевна поправляет ее. И кратко объясняет смысл. Это самое сложное: внучка не знает русский язык, бабушка очень немного знает английский. Помогает русско-английский словарь. Сначала в дело шли тонкие книжки с незатейливыми стихами и простыми короткими рассказами. Потом бабушка дала Маше «Детство. Отрочество. Юность». Льва Толстого. Медленно стало двигаться чтение, постижение языка. Но постижение радостное. Вот они сидят в Машиной комнате. У ног девочки, закрыв глаза, растянулась Дикси. Маша читает вслух «Детство»: «...Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело. Если бы в тяжелые минуты жизни, я хоть мельком, мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотою лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно».

— Бабушка,— спрашивает Маша,— о чем здесь написано? Что такое «тяжелые минуты жизни»?.. Что есть — «горе»?.. Как понять — «улыбка прибавляет прелести лицу»?.. Улыбка, это — smile?..

8

Алекс Рашински не сразу узнал о новом увлечении дочери, а узнав, недовольно спросил ее по-английски, не помешает ли оно ее основным занятиям. «Нет, нет, наоборот! — по-русски ответила Маша.— Мне нравится русский язык, его звук мне — в радость. И он, не знаю, как сказать... Очень просторный!»

В последнее время Алекс стал дома раздражительным, нервозным. По всяким пустякам придирался к детям, что прежде не похоже было на него. Иной раз Соню обрывал на полуслове. Она жалела его. Как-то спросила:

— У тебя нелады на работе?

— С чего ты это взяла?

— Нервничаешь. Ты, наверное, устал? Может быть, взять короткий отпуск?

— Подумаю,— отозвался он.

* * *

Алекс позвонил с работы отцу:

— Папа, я должен с тобой доверительно поговорить.— И подчеркнул: — Наедине.

— А что случилось?

— При встрече расскажу. Заеду сегодня после работы.

Опять, наверное, по поводу финансовых дел, с тревогой и неудовольствием подумал Юрий Наумович.

Сын позвонил с дороги, и отец вышел ему навстречу. Стояла прохладная осенняя звездная ночь.

— Папа,— сразу же сказал Алекс,— я полюбил другую женщину.

— Она американка?

— Да, Сюзан. Мы работаем вместе. У нас общие интересы и стремления. И она прекрасна.

— Вы живете уже?

— Да. Я помолодел на пятнадцать лет. И не могу жить без нее.

— А как же Соня?

— Соня слишком ясна и уравновешена. Я начал увядать с ней, затухать как личность и как мужчина. Ты должен понять меня. Сюзан непредсказуема, своенравна. Ее каждый раз побеждать надо. Но побежденная, она отдается несказанно. С Сюзан я оживаю, она разжигает меня. Я с ней становлюсь, умнее, острее. Некоторые ее считают стервой: колючая, неподатливая... Но я понял, что вообще люблю таких.

— Стерва в изначальном смысле — падаль. А те, кто питаются ими, стервятники. Я не думал, что мой сын — стервятник.

— Сейчас другой смысл вкладывают в это слово. В Сюзан — захватывающее чувство жизни. Мне это близко. И, наверное, всегда было близко... Я сам не знал, кто я такой. Я хочу быть ощутимо живым, остро живым. Я только здесь почувствовал свои возможности в этом смысле. Хочу жить во всю полноту натуры, не укрощая себя.

— Саша, подожди делать решающий шаг. Не спеши уходить от жены, от своей семьи. Бурное пламя спадет. А, как говорят, хороший левак укрепляет брак. К тому же большинство американок плохие хозяйки, особенно, наверное, такие, как Сюзан. Готовя обед, водят пальцем по раскрытой книге рецептов и покупают в магазинах полуфабрикаты. Будете всегда бродить по ресторанам.

— Ну что ж, побродим сгоряча, а со временем наймем хозяйку-стряпуху. Особенно хороши в этом деле украинки.

— Опомнись, опомнись, сынок. Такая светловолосая, ясноглазая Сонюшка — Русь-матушка! Основа крепкой семьи. У тебя семья, как цветущий сад. А ты хочешь его вырубить одним махом!

— Я не вырубаю. Я им квартиру сниму, буду помогать. Дети, если захотят, смогут в дальнейшем две недели в месяц жить у меня.

— О чем ты говоришь! Подумай только, Соня прилетела на твой настоятельный зов из далекой другой страны. В тебе нет Бога.

— Я не в силах пожертвовать этой своей любовью.

Так они расстались, каждый при своем. Когда Юрий Наумович передал их разговор Алле Викторовне, она спросила: «Он всегда был таким или только сейчас оподлился?»

* * *

В этот воскресный день Алекс и Соня были одни в своем доме на холме. Дети, ничего не подозревая, придавались своим любимым играм: Майкл борьбе в спортивном зале, а Маша теннису на теннисном корте.

Алекс занимался деловыми бумагами в своем кабинете. А Соня с утра тревожилась, беспокоилась, не находила себе места, предчувствуя приближение какого-то непредсказуемого разговора. Автоматически занималась домашним хозяйством. В доме витала неспокойная тишина. Она обернулась, услышав шаги мужа. «Я должен с тобой поговорить»,— сказал он. Она вопрошающе посмотрела на него... «Соня, я полюбил другую женщину,— не глядя в глаза жене, промолвил он.— Я тебе с детьми сниму подходящую квартиру в городе, где скажешь, и буду помогать вам». Жизнь в одно мгновение перевернулась. Лицо Софьи сделалось белым, губы задрожали. Она не заплакала, ничего не сказала. Безмолвная скорбь охватила ее душу.

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

АПОКАЛИПСИС XXI ВЕКА*

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амире Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

...Мудрец сказал:
— О, Великие Идеи!

Я вспоминаю страданья скитанья в пустыне Боговидца Моисея...

Я вспоминаю Муки Христа на Кресте и кровь мучительную долгую первохристиан...

Я вспоминаю Священные Войны Пророка Мухаммада и Вечно Живой Меч Ислама...

Я вспоминаю кровавые победные тюмени Чингисхана и степную «Книгу Яссы»...

---

* Продолжение; начало см. в «ПЗ» № 1, 2015.

О, Господь!..
Ты знаешь! Ты попускаешь!..
Ты не даешь уснуть человечеству во сне живота и плоти тленной его...
Ты насылаешь на человеков Великие Идеи!.. Великие Религии!.. Великие Деянья!..

Увы!.. Великие Идеи живы и плодотворны, пока Они поливаются, орошаются Великой Кровью Жертв и Героев, как розы поливаются обильною водою...
Увы! Увы! Увы!..

И Великие Идеи засыхают, умирают, когда иссякает Великая Кровь Великих Жертв... Кровь великих безымянных героев!..

Вот нынешняя «Великая Империя USA» проливает Многую Кровь в мире и потому Она — Хозяин мира, как бы народы ни проклинали Ее... Увы! Увы!..
Остановится, пресечется Великая кровь — остановится, рассыплется Империя, как засохшая гранатовая роза...

Сладкий нежный мир убивает Великие Идеи и Великие Империи...

И вот — былые герои пьют вино, любят многих жен и чад и наслаждаются золотом...
И Мечом режут хлебы, как ножом...
Тогда Великие Идеи и Великие Империи настигает смерть...
Так погиб СССР...

Только Войны и Многая Кровь — Садовники Великих Идей и Великих Империй...

О, Господь!.. Бездонны Тайны! Промыслы Твои...
Великие Идеи и Религии — Кровавые Розы гранатовые в Саду Человечества...

А мы — лишь слепые муравьи, что бродят по тысячелетним плитам Древних Пирамид!..

Фараон Хеопс! Где Живые Великие Идеи?.. Империи?.. Войны Твои?..

Одни Пирамиды в пустыне знают, но молчат о Них...
И мумии знают, но молчат...

Блаженные Времена Фараонов...
Засохшие Времена Мумий...
Увы... увы...

БЕГСТВО КАПИТАЛА

I.

...Вот ты вырастил урожай золотой пшеницы и вышел в поле с серпом...
Сутул, горбат, все поле перескакал... Серп...

Время жатвы пришло... сладкое время золотой жатвы золотой пшеницы...

Но тут в твоем поле золотом явилось множество пришлых людей с мешками...
Они быстро собрали, выдернули урожай твой и пошли, побежали по полю голому прочь...

Ты закричал: Кто вы?.. Почему воруете мою золотую пшеницу?.. Мою неприкосновенную святую частную собственность?..
Они скалятся в ответ: Мы бизнесмены... А ты — раб... комуняка слепой... совок... сорняк!..

Я кричу, размахивая ненужным серпом и забыв, что серп может быть мечом: Зачем воруете мою пшеницу?..
А они смеются: Бегство капитала!..
И убегают с моей пшеницей...

А я стою, разинув потрясенный, доверчиво щенячий рот, в голом поле...
Посреди голой, обобранной дотла, до последнего колоска, Страны моей...
И шепчу, безнадежно, как попугай: Бегство капитала!.. Бегство капитала!..

От этого лютого бегства народ наш наивный, детский, православный, смиренный стал необъятно нищим... голым, как обворованное поле!..

«Бегство капитала! Бегство капитала!» — звучат, стучат в голове моей наивной гнилые, чужие, бесовские словеса...

...И тут, в поле голом внезапно набегает ветер гнилой, западный, и наносит в уши мои и в душу мою вихрь кошачьих английских мертвых словес...
И будто чей-то сатанинский ласковый, льстивый голос с так полюбившимся нам английским акцентом — кричит, поет мне в ухо, как ворон, в поле:
— Бизнес!.. Демократия!.. Политкорректность!.. Сексуальные меньшинства!.. Консенсус!.. Президент!.. Спикер!.. Биржа!.. Профицит! Дефицит! Банки!.. Офисы!.. Реформы!.. Перестройка!.. Встречи!.. Симпозиумы!.. Встречи без галстуков!..

...О, Боже!..
Я затыкаю уши от этого сатанинского бешеного вихря чужебесных словес в безвинном русском поле... в беззащитном русском народе...
Но в одуревшей голове крутится адское: Встречи без галстуков!.. Встречи без галстуков!..

...О, Боже!
А мы уже от этих «встреч без галстуков» — остались без штанов...
Ура! ура! ура!.. Гойда!

В русском поле голом так сладко бегать без штанов!..

Без украденной пшеницы!..
Без родной еды!..

Без разграбленной избы!..

Без разрушенной Страны!..

Без убитой тысячелетней Судьбы!..

Айда, господа братцы, в бурьяне паленую водку пить!..

А на кишащих необъятных погостах уже некого и некому хоронить...

Айда!.. Гульба!.. Гулянка!.. Пьянка!..
В бурьянах необъятных...
В деревнях заколоченных, гвоздями распятых... (не те ли Гвозди, что шли в Запястья Христа?.. Те!.. Те!..)
В городах пропащих пьяно... чужеземцами удушенных, задавленных...

Айда!.. Гуляй!..

И Стенька Разин, и Емелька Пугачев, и дедушка Ленин с пролетарским маузером радостно гуляют, бегают в необъятном русском демократическом голом поле!..

Вот Он, наступил — долгожданный Час Русской Необъятной Воли и Свободы!..

...О, Боже!..

Да что-то плачется... что-то недужится... что-то печалится в сиротском голом русском родном безвинном беззащитном, как ребенок, поле...

А где Русские витязи?..
Где Заступники?..
Где Святые воины?..

А не ты ль, брат мой?..
А не я ль, брат мой?..

Но!..

БЕГСТВО КАПИТАЛА

II.

Но!..
Каждое утро ласково, любовно, нежно объявляют, что из страны уходят деньги.
Это наглое, бесстыдное воровство называют «бегством капитала».

Вот у вас, из вашего дома, каждый день уносят вещи, мебель, одежду, деньги, ковры... люстры... носки... домашние тапочки... ночной горшок...
Пустеет, нищает дом ваш... ваша «святая частная собственность» превращается в «святую частную собственность олигархов»...
Вашу собственность можно грабить, а их — нельзя!..

Вначале у нас увели умыкнули уворовали страну СССР!
Потом все деньги — потные, трудовые, мозолистые — стали прахом бумажным...

(Известно еще со времен Адама Смита: хочешь убить страну и народ — убей их деньги...

Самое страшное зрелище — горящие на помойке горы былых денег... Это горят человеческие жизни... человеческие судьбы...

Эй, господа банкиры, вы чуете этот дьявольский запах всенародной гари и смерти?..

Это убийца-доллар сжег рубль...

Щука вошла в пруд и сожрала всех кротких, покорных карасей...)

Потом родную землю распродали...

Потом умыкнули и разграбили заводы... фабрики... колхозы...

Потом лишили работы и смысла жизни миллионы людей...

И все это назвали сладким словом «реформы»!..

Торговцы, которых некогда Спаситель изгнал из храма — пришли к власти...

Они умеют только торговать-продавать...

Строить-созидать они не умеют...

И вот вся Русь превратилась в необъятный базар, рынок, торжище...

Все торгуют, все продают и все продают...

Ад — это базар!..

Реки русских денег потекли на Запад... а за ними двинулись миллионы казнокрадов и мелких воров...

Реки русской крови потекли по русской земле вослед за реками денег...

Деньги — кровь государства — и вот кровь уходит бурно на Запад...

Государство — молчит... Государства — нет...

Есть главы государства, есть государственная дума — а государства нет! Как трогательно!..

Вот в человеке бьется пять литров крови — и четыре литра украдены...

Наступила сладкая предсмертная анемия... нирвана... государственная энтропия...

Как может жить человек с одним литром крови?..

Как мы живем?..

А мы умираем покорно и миллионами переселяемся с земли мертвой, брошенной — на свежие кишащие родные кладбища!..

Вот где бушует нынче жизнь!..

На русских погостах, разлившихся, как реки в наводненье!..

...У меня на даче бочка для воды стоит. Я всякий вечер таскаю ведрами в бочку воду, а утром бочка пуста — у нее днище пробито, вода за ночь и уходит, а я все таскаю тщетные ведра с водой...

Так и мы таскаем... тщимся...

Наша страна, наша жизнь и есть эта Протекающая Бочка...

И это — Главная проблема нынешней России.

Те, кто молчат о Ней — трусы и демагоги.

Только о Ней надо кричать, говорить, вопиять!..

Решить эту проблему можно в один день.

Не надо слушать кровопийц — банкиров, политологов, продажных лжеэкономистов и др.

Рузвельт в течение одного дня решил эту проблему, подвергнув санации банки... Страшно ему было, ведь Америка — страна всесильных банков, но Рузвельт решился...

Ау, где Вы, наш уважаемый Президент?..

Увы, на Руси все зависит от Первого Лица (это ахиллесова пята всех империй)...

Американцы прекрасно поняли это и, разрушая, соблазняя Горбачева-Ельцина — разрушили и соблазнили СССР...

...Я вспомнил одну картину из своего романа. Жена в красном древнем сарафане-кумачнике лежит на холме, а все вены Ее перерезаны, и кровь руда Ее безвинная стекает ручьями по холму...

А у подножья холма стоят радостные американцы и европейцы с золотыми кубками и хрустальными бокалами и собирают эту кровь гранатовую парную покорную в золотые кубки, в хрустальные бокалы и в ладони, пахнущие французскими духами...

Умываются сладко нашей кровью... пьют кровь нашу...

А мы стоим и молчим...

А эта Жена в сарафане-кумачнике — наша Матерь! Наша Святая Русь исколотая, изрезанная чужеземцами...

А некоторые из нас подносят им льстивые подлые иудины ножи: Режьте, господа, нашу Матерь плодоносящую! Кровеобильную! Пейте кровушку нашу!.. Наполняйте Ею ваши золотые кубки!..

О, Боже!..

Доколе?..

Когда я вижу бесконечные воровские поезда, несметно бредущие на Запад с нашим русским лесом, с нашей русской нефтью, с нашей русской рудой и алмазами, с нашими красивыми девами, женами и талантливыми инженерами — мне хочется броситься под них...

Да разве это остановит их дьявольский тайный бег?..

Да разве остановит?..

А, может, Божье Слово их остановит?..

О, Господь!..

Доколе?..

(Продолжение следует)

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЖИЛОЙ ПАРЫ В ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член союза журналистов Москвы. Пишет прозу. С 2007 года публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова

Эти заметки не следует рассматривать как путеводитель по Риму для туристов. Во-первых, из-за недостатка знаний о достопримечательностях древнего города. Во-вторых, из-за малости времени, отпущенного на путешествие. Наконец, в-третьих, как следствие «во-вторых», вторая половина дня «обхода» города осуществлялась в сумерках, переходящих в темную южную ночь. Что-то просто не удалось рассмотреть, как следует. По приезде домой раскрыли книжки и путеводители и увидели, что многое не заметили и даже назвали не так. Но поправлять не стали. Как видели, так и записали. Эти строки память о наших впечатлениях от города, в котором всегда мечтали побывать, не более того.

Аэропорт Фьюмичино самый бестолковый из виденных ранее. Мы метались в зале прилета в поисках своего багажа. Стрелки с надписью “*luggage*” приводили туда, где «лагиджем» и не пахло. Служащие аэропорта, не останавливаясь, легкомысленным и небрежным жестом одни указывали налево, другие направо, но ни там и ни там ничего похожего на выдачу багажа не было.

Через полчаса, не меньше, наконец, уставшие и сердитые, мы воссоединились со своим чемоданом и сразу устремились к стоянке такси.

Видимо, первый наплыв прибывших схлынул, очередь была в три человека, машины подкатывали одна за другой, и через пять минут мы уже сидели в беленькой иномарке.

«Отель Фарнезе»,— сказали шоферу.

“*Forty euro*” — сказал он, обернувшись к нам, и для убедительности показал листок с колонкой цифр. “*Via Alessandro Farnese forty euro*”. Сорок, так сорок.

Ехали быстро, разглядеть что-либо было трудно, и быстро приехали.

* * *

По ступенькам великолепного старинного здания поднялись к двери, открыли ее и оказались сразу в reception перед стойкой и портье. Предъявили паспорта. Несколько быстрых касаний по клавишам компьютера, сделанных мужчиной средних лет в черном костюме, черном галстуке на белой рубашке, и нам вручили ключ, подвешенный на деревянном шаре величиной с теннисный мяч.

“*Second floor, number six, per favor*”,— молвил портье с мягкой улыбкой.

Я было нагнулся к чемодану, как меня опередил пожилой мужчина в форменной пиджаке, подхватил его и направился к лифту. Мы за ним. Кабина, похожая на маленькую уютную комнатку, бесшумно пошла вверх и через пять секунд остановилась на втором этаже.

У двери № 6 произошло некоторое замешательство с ключом. Услужающий показал, как надо сделать, чтобы ключ сработал — сначала вставить в щелку пластиковую карточку. Вставили, и мы вошли в номер. Перед тем как вошли, Надя на удивление ловко, как бы привычным жестом, что-то, конечно, деньги, вложила ему в руку, он поклонился — “*grazie*” и пошел к лифту.

* * *

Мы вошли в номер и легонько ахнули. Подобного раньше не видывали. Он представлял собой как бы спальню в старинном доме. Огромная кровать с огромным же резным по дереву изголовьем. Над ним тоже большая картина в стиле галантной живописи XVIII века, изображающая молодого человека в окружении «пастушек», сидящих под ветвистым деревом. Все это в золоченой резной раме. Рядом старинное, кажется, не имитация, бюро. Чтобы убедиться — не бутафория ли, откинул крышку, лежит кожаная папка с теснением, а в ней заточенный карандаш, ручка для письма и листы фирменной бумаги с гербом заведения в виде рыцарского щита с HF, над ним четыре золотые звездочки полукружьем. И еще два старинных кресла с плюшевой темно-бордовой обивкой.

* * *

Отдохнув с час времени, решили идти в город. Не терпелось. Большим преимуществом отеля оказалось его расположение всего в ста метрах от станции метро. Спуск по лестнице, несколько ступенек вниз и мы на платформе. Метро, как правило, под землей, но первое впечатление, что спустились в подземелье. Никакого мрамора на стенах и гранита под ногами. Серые стены, исчерченные электрическими кабелями, вода между шпалами. Сыро и холодно. Неуютно. Но вагончики симпатичные. Светлые, небольшие. Громкое объявление — “*Prosima fermata Piazzadel Popolo*!” Значит, следующая остановка наша. Это первый «объект», который мы наметили посетить, изучая карту Рима еще в Москве.

* * *

Выйдя из метро, повернули направо, прошли в арку какого-то большого здания, и — перед нами площадь. Она немножко внизу и хорошо видна от края до края. Народная площадь — *Piazza del Popolo*. Спускаемся к ней и попадаем в народ. Народ праздный. Скорее всего, туристы. Оглядываемся по сторонам. Посередине высокая колонна. Справа скульптурная группа белого мрамора — фонтан. Слева за изгородью арена, засыпанная песком. Около толпа. На песке происходит какое-то действо. Подходим. Худенький парень в черном облегающем трико бегает по кругу, делая разнообразные движения руками и телом, словно его дергают за ниточки. Потом появляется кавалькада лошадей без седоков. Объехав арену по кругу, удаляются. Снова худенький парнишка со своими упражнениями. Все это повторяется раз за разом совершенно одинаковым образом. Мы отошли. Откуда-то появились молодые ребята, ряженные, на ходулях. С ними были девушки, тоже ряженные, похоже, в национальные костюмы. Они что-то выкрикивали, как бы зазывая куда-то. Народ гулял.

Схватились за камеру. Она была «мертва»! Тихая паника: что? — так до конца поездки?! Как всегда поиск виноватого.

— Надо было проверить дома!

— Вот бы и проверил.

Хватаемся за мобильник, как за соломинку. Что если и он *out of order*? Звоним сыну. Наш многомудрый в современных технологиях сын успокаивает. Оказывается, неправильно вставлена батарейка. Камера, доселе похожая на безжизненный булыжник, оживает, выдвигается объектив. Облегченный вздох, и фотосессия началась. Только начав фотографировать, замечаем, что с площадью что-то не так. В кадр то и дело попадают белые шатры, полукружьем обступившие ее по краю. Кафешки, палатки с сувенирами. Руки опускаются. Пошел мелкий редкий дождик. Настроение упало. Заметили, что ходить трудно. Площадь застелена булыжником не ровно, некое подобие мелкой ряби на воде, которая чувствуется через подошвы. Присаживаемся за столик на тротуаре кафе *Casanova*. Капучино и булочка. Идем «домой». В лифте замечаем в стенке телеэкранчик величиной с книжку, и поющего в нем Бочелли.

— Какая прелесть!

— Верди. Риголетто,— оба угадываем безошибочно.

В коридоре на подставках вазы разноцветного (неужели венецианского?) стекла, статуэтки «апполончиков» и «венерочек», на стенках гравюры на античные сюжеты. В номере к всеобщему восторгу обнаруживаем в ванной комнате джакузи. Как кстати! Закусываем «говнобутерами», которые не смогли съесть в самолете, где нас ими угощали сразу после набора высоты при пересадочном перелете из Мюнхена сюда, в Рим. Слово сие изобрел сын, испытавший такой же перелет до нас. Видимо, на него произвело неотразимое впечатление вкус и консистенция бутерброда с колбасой в черством хлебе, названное старшим стюардом по громкой связи «завтраком». И спать, спать. Слишком много впечатлений за один день. Бестолковое Шереметьево, длительный ночной полет, долгое ожидание в Мюнхенском аэропорту пересадки на рейс в Рим.

И запруженная народом *Piazza del Popolo*!

* * *

С утра дождь. Римский — мелкий, реденький, но дождь. В это утро первым номером был Моисей в *San Pietro in Vincoli*. Забыли зонт в чемодане. На сей раз виноватых не искали. Наверное, потому, что отдохнули, выспались, и было предвкушение свидания с Микеланджело. На туристской карте *chiesa San Pietro in Vincoli* рядом со станцией метро *Cavur*. Вышли из метро, оглядываемся на все стороны света, ничего похожего на церковь нет. Спрашивать прохожих итальянцев дело нестоящее. Во-первых, в ответ итальянская речь, во-вторых, коротенькая фраза, легкомысленный неопределенный жест, указывающий направление, и — «ариведерчи». Помогла смекалка, на сей раз посетившая меня: надо идти против потока туристов, ведомых экскурсоводом. Это означало подыматься вверх по не малой крутой лестнице, очутиться в узком переулке и, повернув налево, выйти к площадке перед церковью. Фасад ее оказался вопреки ожиданию довольно неказистым, простеньким. Да и интерьер, по сравнению с виденными в венецианских кьезах более чем скромный. Сразу стало ясно, куда двигаться: к толпе туристов, потому что смотреть на что-нибудь другое было нечего.

По мере рассасывания толпы мы все ближе подвигались к цели нашего посещения — Моисею творения Микеланджело. Смешанное чувство вызывало это грандиозное сооружение. Зная, что это суть надгробье папы римского Юлия II, заказанное им самим скульптору, поражались тщеславию этого «наместника Бога на земле». Про микеланджелового Моисея читал разное, но всегда это было написано с неким пиететом, типа — фигура вождя евреев исполнена величия, поворот головы выказывает

энергию и силу, взгляд суров и властен и т.д. в том же духе. Я смотрел и не мог понять, почему рожки на голове. По-моему, они принижают Моисея, по-настоящему великого человека, совершившего один из самых грандиозных подвигов в истории человечества — освобождение из плена целого народа. Делают из него подобие идола, языческого божества. Потом, почему он сидит? Устал? Сел судить народ? Вождю, а он, несомненно, вождь, пристало быть в вертикальном положении. Взгляд более задумчив, чем суров или гневен. Впрочем, мысли эти не озвучивал, потому что вряд ли они были бы разделены Надей. Принято восхищаться тем, чем восхищаются все.

Далее по программе *chiesa Santa Maria Maggiore*. Пишу кьезы, вроде бы церковь по-итальянски, но назвать их так или храмом, язык не поворачивается. Если и храм, то храм искусства. В Риме, да, видимо, и по всей Италии, это храмы искусства. В православном храме тебя ничто не отвлекает от молитвенной сосредоточенности, ибо окружен ликами Христа и святых, выполненных по церковным канонам, без ненужного в церкви реализма и эмоциональности. Здесь, как и везде в виденных ранее кьезах, по стенам огромные скульптуры святых и пап, надгробья, столь великолепные, что думаешь не об усопших, что под ними лежат, а восхищаешься искусством итальянских мастеров. Не знаю, можно ли в столь пышном и изысканном великолепии сосредоточится на молитве, на общении с Богом.

На сей раз поделился этими соображениями с Надей и не нашел понимания. Лишь раздражение и надутые губы. Прав, кажется, Оскар Уайльд: «с женщинами не следует говорить о серьезном».

Святыней в *Santa Maria Maggiore* почитается колыбель Младенца Иисуса. Она за стеклом. Приложиться к ней нельзя. Но, Господи! разве так можно: напротив колыбели огромной белой мраморной глыбой стоит коленопреклоненной папа римский. И именно он является акцентом пространства, и без того довольно тесного.

Третьим пунктом полуденной программы была кьеза *San Giovanni in Laterano*. Ах, как удачно она расположена! На вершине холма, видна издалека, перед ней большое открытое пространство. Она мало похожа на церковь, скорее, это вила, но до чего красива: в два этажа, удлиненные окна, на втором этаже полуаркой сверху, придают ей стройность и изящество; поверху балюстрада, на середине которой статуя Христа с лаконичным католическим крестом, по обе стороны от Него апостолы. Здесь хранятся нетленные главы апостолов Петра и Павла, казненных в Риме, и столешница, на которой совершалась Тайная вечеря. Как много христианских святынь в одном городе!

Ноги просили отдыха. Единодушное решение — отправиться «домой», отдохнуть и продолжить. По достоинству оценили, что отель рядом со станцией метро Levanto. Полчаса дороги и мы возлежим на широченной кровати, давая отдохнуть нашим, увы, не молодым ногам, в то время как голова еще жаждет впечатлений.

* * *

Мы на *Via del Corso*. Говорят, улица с таким названием есть в каждом итальянском городе. Улица магазинов. Стоим на остановке, от которой вчера бегали небольшие автобусики, появлявшиеся каждые пять минут. Стоим десять минут, двадцать. Смотрим на часы — прошло полчаса. Автобусиков нет. Улица запружена медленно прогуливающимся народом, как на пешеходной зоне в любом большом городе. Наконец, нас осеняет — сегодня суббота. И мы пускаемся пешком к видневшейся вдали, в конце улицы как белый айсберг, «пишущей машинке». Такое прозвище получил у итальянцев Алтарь Отечества

Договорились, *shopping* делаем в последний день. Проходим, не останавливаясь, мимо магазинов. Надя только мельком взглядывает в витрины, видимо, намечая бу-

дущие объекты посещения. Проходим мимо здания, где, согласно путеводителю, работает премьером самый веселый итальянец по имени Берлускони. Перед ним колонна и фонтан. Набираем в пластиковую бутылку вкуснейшую итальянскую воду, запивать вечером лекарства.

И вот *Piazza Venecia*. Мчатся по кругу машины, мотоциклы. Кстати, мотоциклов на улицах Рима много. Проворство мотоциклистов феноменально. Как они прошмыгивают перед самым бампером мчащихся автомобилей, вообразить трудно. Восхитительно был видеть лихо мчащуюся на мотороллере пожилую, очень пожилую сухощавую синьору, ловко обгонявшую автомобили. Казалось, что под этой симпатичной «Бабой Ягой» не современное средство передвижения, а метла.

А вот и Алтарь Отечества. В самом деле, нелепое сооружение, трудно догадаться, что в нем может происходить — собрания, концерты, заседания. Глухой билдинг без окон, без дверей.

Поднимаемся справа от Алтаря на холм и сверху хорошо видны в раскопах античные сооружения. Знать бы, что это такое — храмы, термы, жилые дома? Форум Траяна, говорит Надя. Перед отъездом она читала книгу про Рим. В надвигающихся сумерках внизу белеет мрамор...

Смотрим в карту и видим, что недалеко Колизей. Впрыгиваем (конечно, не впрыгиваем, а с некоторым усилием поднимаемся, все-таки «вторая смена» и усталые ноги) в автобус и через две коротких остановки на месте.

Колизей. Когда мы подъехали к этому чудовищному сооружению, уже стемнело. Темная громада с подсвеченными «окнами» производила гнетущее впечатление. В темноте отчетливо был виден только свет этих окон. Самое сооружение угадывалось неотчетливо в черноте южной ночи и представлялось как огромный стакан с отбитым краем. Мы обошли его вокруг. С каждым шагом усиливалось гнетущее чувство от знания, что место это место ужасных оргий, убийств и кровопролития. Никакого эстетического удовольствия не получили. Отметились.

Заканчивать день столь негативным впечатлением не хотелось. Даже к белевшей неподалеку арке (сколько их в Риме!) не пошли. Единодушно решаем ехать к фонтану Треви. Все прекрасное должно даваться с трудом. Найти эту самую популярную достопримечательность Рима оказалось непросто. Куцая туристская карта не дает ни малейшего впечатления, как от станции метро дойти до фонтана. Обращаемся к девушкам, идущим навстречу: “*Where is fountain Trevi*?” «Прямо, потом вниз по улице и направо»,— чистейший русский с украинским акцентом. Совет такой же приблизительный, как и ориентиры по туристской карте. Применяем уже испытанный метод — идем навстречу людскому потоку. Изобретенное *know how* не подвело. Еще десять минут — и Фонтан. Его можно писать только с большой буквы. Сцена потрясающая. Сцена, потому что на фоне сказочно красивого палаццо из арочной ниши его выезжает огромный Посейдон (может быть Нептун). Перед ним бассейн (это как бы подмостки), из воды его вздыбились белоснежные кони, порыв которых сдерживают за уздцы тоже беломраморные существа (может быть наяды, тритоны, не знаю). А далее ступеньки амфитеатром, которых не видно из-за огромной толпы людей. Мы на «галерке», потому что пробраться к бассейну нет никакой возможности. Из-за этого съемку ведем из самой невыгодной для этого позиции. Темная южная ночь, и веселящиеся люди, нет, не только молодые, они «отрываются по полной программе», много взрослых людей и даже нашего почтенного возраста. Говорят, что так будет до утра.

С обратной дороги мы сбились. То есть не нашли ту, по которой пришли к фонтану. Череда разных поворотов налево, направо, подъем, и мы на Квиринальском холме. Здесь все сплошь здания каких-то официальных учреждений. Некоторые охраняются солдатами с автоматами наготове. Перед одним из зданий черная скульпту-

ра всадника на коне. Темно, уже не разглядеть кто. Рядом флагшток с итальянским знаменем. Удивила группа туристов, одни школьники, в столь поздний час на безлюдной площади, окруженной официальными зданиями.

Домой! Скорее домой. Слишком много впечатлений для одного дня. Дома погружаемся в джакузи по очереди. Пока там плескается Надя, подхожу к картине над изголовьем кровати и стараюсь разобрать витиевато написанное в ее углу. Разобрал: *Hunt the Slipper Published March 16th 1787 by W. Palmeri: 163. Strand*. Значит, ошибался. Не пастушок с пастушками, а башмачок, соскользнувший с прелестной ножки, привлек внимание галантных молодых людей. В одном не ошибся: восемнадцатый век. Отель стильный. Не похоже, что его «делали под старину». Ни одной случайной детали, все на своем месте и в холлах, и в нашем номере... Настала моя очередь погрузить уставшее тело свое в теплые воды джакузи. Вытянуть ноги, что невозможно в нашей коротенькой ванной дома... Надя уже спала, когда закончилась моя водная процедура. «Спокойной ночи, солнце мое», было мое доброе пожелание, хотя после вчерашней размолвки по поводу разницы между кьезой и православным храмом, приведшее к слегка напряженным отношениям, еще не прошло. Спорить с женщинами занятие совершенно бессмысленное.

* * *

Начало дня застало нас на *Piazza di Spagna* — Площади Испании. Это тоже одна из достопримечательностей Рима. Собственно не сама площадь, а лестница, огромное количество ступенек которой ведет вверх к храму *Santa Trinity*. Как Наде удалось преодолеть ее, мне было непонятно. Не переставал удивляться ее неукротимому желанию, как можно больше увидеть, не щадя ног своих, все первые три дня в Риме.

Утро, а на ступенях лестницы одиночками и группами сидят парни и девушки, словно воробьи на проводах. Как им сидится, легко одетым на холодных мраморных ступенях? Был врачебный порыв сказать им, что это вредно, особенно для девушек. Но тщетность такого благого порыва была очевидной заранее — традиция! — да и слов итальянских бы не хватило.

Взошли наверх. Перевели дух. Но «дух захватило» еще от открывшейся с высоты панорамы вечного города. Кстати, это первое восхищение видом города сверху испытали утром второго дня, когда на завтрак поднялись на пятый этаж, где в отеле располагалось кафе. Предусмотрительный хозяин отеля две стены сделал полностью стеклянными. Обзор широкий. На вершинах никогда не виденные и невиданной красоты итальянские сосны — пинии. Длинный голый ствол, а на его вершине шапка, нет, не шапка, а, скорее, пышно взбитая женская прическа темно-темно-зеленых волос.

Спускаться вниз с испанской лестницы тоже дело нелегкое. Внизу мы застали, как и в день приезда на *Piazza del Popolo*, ребят на ходулях и разряженных под средневековых итальянок девушек. Подивились, что здесь, что ни день — праздник? Потом вспомнили — *domenica* — воскресенье. Среди публики снуют темнокожие индусы, предлагают зонты, сумки, безделушки.

Перекус заранее планировали в кафе *Babington*. Наш милый Гоша был здесь и настоятельно советовал его посетить. Оно знаменательно тем, что когда-то в Риме поселились две сестры англичанки. Они прожили здесь всю жизнь и основали у подножья испанской лестницы кафе в английском стиле. Другого такого кафе в Риме нет. Чай, который там подают, наивкуснейший, говорил сын.

Входим, занимаем столик. Подходит официантка. По-моему, сделано все, чтобы не привлекать внимание к своему внешнему виду: что-то вроде старушечьего или сиделки белый чепец на голове, темное платье, под белым фартуком. Огляделись, все официантки не только как одна на одно лицо, но и одного роста. В обращении сама

вежливость и сдержанность, без улыбки, торопливости или угодливости. Подают большой белый фарфоровый чайник, белые же фарфоровые чашки на толстых блюдцах с серебреной ложечкой. Серебреная же и песочница. Наливаем, отпиваем — чая ароматнее и вкуснее не пивали. Мне Надя заказала творожный торт. Принесли большой толстый кусок треугольником. Себе же взяла *apple-pie*. Пьем, оглядываемся. Рядом за столиком пожилой мужчина в чем-то напоминающем телогрейку сидит с газетой, я посмотрел, английской. Перед ним чайник и чашка на блюдце, как у нас. Надя пробует мой торт и ругает себя — «дура, надо было заказать и себе такой же». Отламываю кусочек ее яблочного пирога — ничего особенного, такой можно и в Москве получить. Мой же торт — шедевр кондитерского искусства. Посматриваю на «англичанина». Он спит. Насладившись чаем, расплачиваемся — не дешево, однако. Уходим. Оборачиваюсь.Человек в «телогрейке» спит. Перед ним чашка с чайником, рядом английская газета. Наверное, снится ему Англия.

Дальше по плану вилла и музей Боргезе. По пресловутой карте они вроде рядом с метро *Spagna*, где мы находимся. Спускаемся в переход и видим стрелку *Villa Borgese*, указывающую в коридор направо. Входим в коридор и становимся на двигающийся эскалатор, бегущую дорожку. Она поднимается очень полого. Движемся пять минут, десять. Медленно, но верно, полого поднимаемся вверх. «Ехали» таким манером минут двадцать. Выходим и оказываемся в парке. По-видимому, в самом его начале, на задворках, потому что видим конюшни, лошадей, сараи. Потом, спросив, где *Villa Borgese*, выходим на широкую дорогу, обсаженную высокими деревьями. Следуем по ней, обгоняемые лошадьми, запряженными в повозки с туристами и роняющими нам под ноги душистые «яблоки». И вот перед нами белоснежный дворец. Это *Villa Borgese*.

С благодарностью вспоминаем сына. Еще в Москве по интернету нам заказан билет на две персоны. Один недостаток — указано время, когда дозволено будет войти в этот храм искусств. Ждать два часа. Уговариваю Надю не обследовать парк. Там и Ротонда, и пруд и другие достопримечательности. Ей будет не по ее ногам. Их лучше поберечь для обхода залов музея. Судя по размерам дворца их много. Нехотя, надув губы, соглашается и два часа сидит на лавочке рядом и со мной не разговаривает. Что делать — и характер, и усталость. Мимо нас проезжают повозки с туристами, велосипедисты, ребята на роликах. День теплый, солнечный. Тишина. Ни малейшего впечатления, что находишься в большом городе, где мчатся автомобили, а между ними снуют на сумасшедшей скорости мотоциклы.

Наконец, мы в музее. Бернини. Много Бернини. Почему-то у нас на слуху Микеланджело, Леонардо, Рафаэль... Бернини тоже велик, больше скульптор, архитектор, поэтому, видимо, мало известен «широкой» публике. Потрясли две его вещи. Давид. В отличие от Давида Микеланджело, у Бернини фигура юного израильтянина исполнена движения, она больше похожа на античного метателя диска: вот-вот его тело, напряженное, как натянутый лук, распрямится, и он метнет из пращи камень, провожая его гневным взглядом. Плутон и Прозерпина. Бородатый мускулистый мужик схватил юную деву, сжимает в своих могучих руках нежное гибкое тело. Ее взгляд, обращенный к небу, молит о пощаде. Сильное впечатление. Здесь же Паулина Боргезе, урожденная Бонапарт, сестра Наполеона, Антонио Кановы — любителя плавных линий, изысканных поз и изящных женских тел. Есть даже античные скульптуры, до и после Рождества Христова. Богата живописная коллекция. Рафаэль, Тициан, много Караваджо. Есть и не итальянцы — Рубенс, голландцы. Понимал толк в искусстве Боргезе. Малый Эрмитаж! «Переварить» увиденное, можно только позже, листая дома купленный на лотке альбом “*Galleria Borghese*”.

На автобусе доезжаем до *Piazza del Popolo* и, преодолевая накопившуюся тяжесть в

ногах, решаем подняться на холм *Pincho*, где, согласно путеводителю, смотровая площадка. Подъем дается тяжело, но усилия стоят того. Вечный город «как на ладони». Штамп, конечно, но очень точно отражает увиденное. Солнечный день. Город хорошо виден во всех деталях: дворцы, колонны, *Via Corco* пронизывает его от *Piazza del Popolo* до «пишущей машинки». Там же на холме сквер. По периметру его на столбах-пьедесталах поименованные белоснежные мраморные бюсты. Имена незнакомые. Только имя *Volta* напоминает курс физики в средней школе. А может, это и не физик, а какой-то другой Вольта, память о котором хотели сохранить сограждане.

Пора на полуденный отдых на широченной кровати под «Башмачком».

* * *

Проспали с устатку до сумерек. Но долг путешественника зовет на улицы вечного города: не спать приехали. На *reception* узнаем, как добраться до *Piazza Navona*. Пятнадцать минут на 72 маршруте автобуса — и вот она эта *Piazza*. Продолговатая площадь, на одном конце ее знаменитый, но менее чем Треви, фонтан Нептуна. Здоровенный мужик с гарпуном в руках по ногам обвитый то ли змеями морскими, то ли угрями. Из вод бассейна, его окружающего, вздыбились длинногривые кони. Другой фонтан вокруг обелиска. По-моему, это уже пятый. Сколько их в Риме?!. Называется Фонтан Четырех Рек, их символизируют девы с кувшинами, из которых льется вода. Реки сии суть Ганг, Нил, Дунай и Рио делла Плата, что течет в Южной Америки. Где текут три другие, догадаться нетрудно. Для Волги-матушки места не нашлось. Красивы фонтаны Рима! Изысканная подсветка в темноте южной ночи создает волшебный, сказочный эффект. На мраморных скамьях сидят люди и созерцают это волшебство. Мы тоже присели. Но быстро почувствовали одним местом нестерпимый холод и встали. Полюбовались стоя и пошли дальше.

А дальше наш путь лежал к Мосту Ангелов. В некоторых изданиях для туристов он называется мост Адриана, римского императора, который его построил в свое императорство. Конечно, не сам он строил, но так принято писать. Этот мост через Тибр был выстроен, чтобы вести к мавзолею, где должен был обрести вечный покой император. Однако, видимо, потому что на круглом невыразительном здании стоит скульптура ангела, а мост украшен статуями ангелов, мост получил свое «ангельское» название, да и круглое здание называется теперь Замком Святого Ангела.

Было совсем темно. Белые ангелы на мосту, подсвеченные снизу, казались неземными созданиями, готовыми вот-вот взлететь в почти черное ночное римское небо. Малолюдность в это время еще более усиливало впечатление сказочности, нереальности окружающего мира. Да и тихо было: мост пешеходный. Мы прошли к самому замку. Глухое, без окон темное здание усиливало ощущение того, что в нем находится мертвое тело.

Пора было возвращаться в отель. На нашу беду случилась в городе не забастовка, которыми славится Рим, нет, а отмена движения метро с двадцати одного часа. Взамен предлагалось пользоваться автобусом. Было же 11 пополудни. Темно. Улицы безлюдны. Нашли остановку нужного нам автобуса. Последний автобус в 23.30. Стоим, обреченно ждем...

* * *

Настал день Ватикана. Так распорядился билет, который предусмотрительный и многоопытный в таких делах путешественник Гоша заказал нам по интернету — 07.03.2011 в 11 до полудня. И был прав. Когда мы подошли к высоченным, как крепостные, стенам этого знаменитого места, увидели хвост очереди, который постоянно прирастал все подходившими и подходившими людьми. Держа в руках заветную

бумагу, где было прописано, что две персоны имеют право на внеочередной проход в объект, мы двинулись вдоль очереди. С каждыми ста шагами мы убеждались, как прав был наш сын, заблаговременно обеспечив нас билетом. Очередь казалась нескончаемой, за каждым поворотом стены открывалась длинная череда людей. Наконец, мы у заветных дверей. Предъявляем бумагу и беспрепятственно проходим ультрасовременный вестибюль. Несколько переходов по мало значащим залам и мы собственно в ватиканском дворце. Перед нами длинный коридор со сводчатым потолком. На стенах огромные карты разных областей Италии — Тоскана, Лигурия, Умбрия... Стены выше карт и потолок в медальонах расписаны на различные библейские сюжеты. Но где Страшный суд? Где Сикстинская Капелла? Нетерпение увидеть этот шедевр толкает меня на дерзкий поступок: несколько раздраженно спрашиваю одну из многих по сторонам коридора расположившихся лоточниц, торгующих открытками, буклетами и другим туристским товаром — "*Where is Last Judge Michelangelo?*" Как уже было в аэропорту, небрежный, легкомысленный жест в конец коридора. Понять можно: сотни бестолковых туристов каждый день. Перестав подробно рассматривать роспись потолка, да и шея уже затекла от постоянного задранной вверх головы, устремляемся в конец коридора. Несколько ступенек вниз и небольшая зала, густо заполненная людьми. *Capella Sestina*. Стоят впритирку друг к другу. И все смотрят в оду сторону. Поворачиваемся туда, куда устремлены взгляды, и вот он — Страшный суд! Огромное во всю торцевую стену полотно. В самом деле, страшно. Разгневанный Христос спускается в ад. Такого Христа еще ни разу не привелось видеть. Его жест энергичен и решителен. Он не может уже простить грешников, время для покаяния прошло, пора отвечать за свою греховную жизнь. Ему горько, что для многих его жертва собой оказалась напрасной. Так читалось мне это грандиозное произведение, равного которому не существует. Стоять было трудно, потому что походить, посмотреть с разных сторон на картину было почти невозможно из-за большой скученности людей. Явился на подмостки служитель и попросил выходить в дверь, противоположную входу. После «Суда» смотреть что-либо еще не хотелось. Хотелось как можно дольше удержать в памяти увиденное и сохранить испытанное переживание.

Вышли из здания на площадку. Внизу сады Ватикана. Ходят люди в сутане. Ходят редкие люди в партикулярном платье. Мужчины и женщины. Это территория Ватикана. Туда доступ только по приглашению. Посидели на лавочке, дали отдых уставшим ногам. Потом посмотрели в анфиладе залов коллекцию картин европейской живописи, собранную римскими папами. Разбирались в искусстве их святейшества и неожиданно для себя вышли в небольшой зал и увидели Пьету Микеланджело. Вот безукоризненное произведение! Если в Давиде что-то смущает — уж очень спокоен юноша, почти подросток пред страшным великаном, будто позирует неведомо кому, после совершенного подвига, то Пьета само совершенство. Слезы наворачиваются на глаза — мать скорбно смотрит на безжизненное тело ее Сына, который, как говорили Архангел и Симеон, станет Спасителем, который принесет славу народу Израиля. А вот Он лежит на ее коленях мертвый после ужасных страданий и унижений. Неужели не сбылось обещанное ей при его рождении!? Горе и разочарование. Какой-либо пафос или экзальтация при изображении оплакивания Христа Его Матерью были бы неуместны и оскорбительны. Отворачиваюсь, чтобы Надя не заметила навернувшиеся на глаза слезы.

Пьета в этом зале копия. Оригинал в Соборе Св. Петра.

Становимся в длинную очередь на огромной площади перед Собором. Жарко. Итальянское солнце в зените в марте греет, как наше русское в полдень в июле. Подвигаемся медленно. Надя выйти из очереди и посидеть не хочет. Поражаюсь ее му-

жеству. Вообще она проявляет чудеса выносливости, чтобы утолить свою любознательность в этом путешествии. Увидит красивое здание, не обозначенное в путеводители, устремляется к нему, хотя что это и по какому случаю выстроено, не знает. И удержать ее от этого порыва невозможно.

В этот раз ее стремление увидеть все и сразу ее подвело. Очередь подвигалась медленно, но мимо нас вперед уходили люди и никто их не останавливал. Они входили в те же двери Собора, куда хотели попасть и очередь, и мы. Это было искушение, перед которым Надя устоять не могла.

«Пошли» решительно сказала она, и в этот момент прекословить ей было бесполезно.

Пошли. Идем мимо медленно подвигавшейся очереди. Нас никто не останавливает. Может быть потому, что два почтенного возраста человека, один из которых с палочкой, уверенно шли вперед, и европейская вежливость и толерантность не позволяла им крикнуть в наш адрес — «куда прете!?» Вошли в огромный вестибюль. Служитель что-то спросил нас. Показал рукой наверх или в сторону. Мы выбрали «в сторону». Почему, сейчас сказать трудно. Видимо, пожалели свои ноги. Мы «выбрали» Крипту *San Pietro*. Это был чудовищный по своим последствиям промах. Под низкими каменными сводами в своих гробницах покоились римские папы. Иннокентии, Львы, Пии, Сиксты и т.д. Смотреть было не на что. Привлекло только захоронение Иоанна-Павла II. Свежие цветы на мраморной плите говорили о том, что его еще не успели забыть.

Через пятнадцать минут выходим на Божий свет.

У Нади виноватый вид. Упрекать ее сейчас было бы неуместно. Жалко родного человечка.

Сил снова становиться в очередь нет. Решаем ехать «домой».

Это был день неудач. Не день, а первые полдня. Прежде, чем ехать в отель, решаем перекусить. Заходим в кафе рядом с Ватиканом. На витрине листья салата, сыр, колбаса, тонкие ломтики мяса. Годится. Садимся, заказываем. Поразительно быстро приносят — о, ужас! — вложенные в разрезанную булку сыр, листья салата, колбасу. После уже постигшей нас только что неудачи вот теперь хочется плакать. Молча, не глядя друг на друга, чтобы не разрыдаться, жуем. Уходим без *grazzie* и *arrivederci*: неужели нельзя было предупредить?! Не хорошо, конечно, мы поступили — не поблагодарили и не попрощались.

Каким гостеприимным и по-домашнему уютным показался нам отель и наш номер и наша широченная кровать.

* * *

Освежились сном и отдыхом. Нас ждал Пантеон. На знакомом уже номере автобуса доехали до площади Навона и довольно легко после подсказки прохожего мужчины нашли Пантеон. Всего несколько узких улочек и поворотов направо, налево. Это одно из чудес света. Я бы присвоил ему порядковый номер 1. Потом висячие сады Семирамиды и Фаросский маяк, которых никогда не видел.

Фасад не предвещал увиденного чуть позже: портик с колоннадой, восемь колон несут треугольный фронтон. Как у многих античных зданий в этом городе. Входим, небольшой спуск вниз, и мы в огромном цилиндре, вверх уходящий купол и в самом его верху круглое отверстие и темное небо. В это круглое отверстие никогда не попадает ни капли дождя, ни снег. Согретый дыханием людей, теплый воздух поднимается вверх и препятствует им. Все настолько безукоризненно пропорционально, совершенно, как будто это создание нечеловеческих рук. Пантеон — от греческого храм «всех богов». Были ли в античные времена в нем боги, не знаю. С установлением

христианства в Риме он был превращен в христианский храм. Там есть престол, но богослужения совершаются перед Пантеоном, а не внутри. Обходим «цилиндр» по периметру. Пышное надгробье императора Эммануила, объединителя итальянских княжеств в единое государство. И могила Рафаэля. С тех пор Пантеон стал усыпальницей великих людей Италии.

За престолом Распятие Иисуса Христа работы Торвальдсена. Потрясен. Это изображение не Бога, как на многих живописных и скульптурных Распятиях, которым несть числа, а человека — измученного страданиями, истощенного, умирающего. Больно смотреть.

Выходим и попадаем на «грешную землю». Музыканты — аккордеон, скрипка, контрабас играют веселую итальянскую музыку. Не «халтура» — как умеем, так и играем, а высокопрофессиональное исполнение. Слушаем несколько минут и уходим. Нас ждет «Римская волчица». Быть в Риме и не повидать ее — обидеть вечный город, его основателя Ромула и брата его Рэма.

* * *

Берем такси и никак не можем объяснить шоферу, куда нас везти. «Римская волчица» звучит для него как тарабарщина, особенно второе слово. Вспоминаем латинские пословицы. “*Homo hominis lupus est*”. “*Lupus*!”. Не понимает. «Ромул и Рэм чмок, чмок — сосут волка». Смеется, пожимает плечами. «Капитолийская волчица». Наконец, он что-то понял. Поехали. Привозит нас на Капитолийский холм. Высаживает, мол, приехали. Привозит к подножью холма. Перед нами лестница. Сколько их в Риме! Ничего не поделаешь — город на семи холмах. Понимаемся, насилуя натруженные за день ноги. Пустынная площадь. Спросить некого. Холодно. Через минут десять в бесплодных метаниях по площади, видим двух *carabinieri*. Устремляемся к ним. Опять не понимаем друг друга. Молодые ребята в белых портупеях на черном мундире, сначала пытаются нас понять, потом, видя, что дело безнадежное — два нелепых иностранца не знают, чего хотят от них, неопределенным легкомысленным, уже знакомым нам итальянским жестом указывают куда-то в темноту за угол большого белого здания и уходят. Мы остаемся на пустынной площади одни. Делать нечего. Идем, по направлению, указанному легкомысленным жестом. Оглядываемся по сторонам. Ничего. И тут Надя говорит: «Да вот же она». И показывает куда-то вверх. Поднимаю голову и вижу — на высоком столбе, постаментом назвать трудно, стоит волчица величиной с ягненка, а под ней два малыша, навскидку возрастом не более года, тянутся к нависающим над ними соскам этого самого «ягненка». Разочарование. Так и хотелось сказать — и это волчица! Знакомая по картинкам в школьном учебнике по истории, Капитолийская волчица как минимум должна была быть величиной с корову. А Ромул и Рэм этакими крепкими пацанами. Как-то не вяжется увиденное с теми грандиозными по размерам творениями итальянских мастеров, которые мы видели — кондотьеры на конях, римские императоры с величественными жестами, и эта миниатюрная скульптурная группа.

Спускаемся вниз, и неугомонная Надя замечает перед очередной кьезой длинный белый лимузин. «Это свадьба, пойдем»,— решительно говорит она. Как женщины любят смотреть на чужие свадьбы! Входим. По обе стороны прохода занятые людьми ряды лавок, а в конце прохода перед алтарем и священником стоят брачующиеся. Мы видим их со спины. Он в черном костюме. На ней длинное-длинное белое платье, стелящееся по полу сзади нее на несколько метров. Слышен монотонный высокий голос священника. Сил досмотреть церемонию до конца нет. Выходим. У дверей церкви стоит молодая девушка в черном. Она плачет, вытирает глаза платком. Она беременна. Судя по размерам живота срок большой.

— Итальянская трагедия,— говорю.

— Похоже,— соглашается Надя.

Темно, холодно. Накрапывает дождь. На *Piazza del Popolo* идем в ресторан *Casanova*. Если в первый день мы ограничились сидением за столиками на тротуаре, то теперь проходим внутрь. Светло, тепло. Уселись и стали изучать меню. Сытые и довольные едем «домой». Как хорошо, что от *Levanto* до отеля рукой подать.

* * *

Как договаривались, увы, этот день отдан *shopping*. Значит, *Via Corso*. Редкий женатый мужчина любит шопинг. Еще более редкий муж добровольно согласен заниматься этим вместе с женой.

Скучное занятие, но делать нечего, лучше один раз отмучиться, чем во время знакомства с достопримечательностями города, да еще такого, как Рим, забегать в попадавшиеся на пути магазины.

Покупки для меня закончились, едва начавшись. В первом же магазине быстро и ловко молодой человек подобрал обувь для моих «проблемных» ног. А дальше совершать *shopping* стала Надя. Конечно, входить в магазины, куда устремлялась она, мне было неинтересно, разрешено поэтому ждать на улице. Началось для меня уже привычное долгое стояние на улице возле магазинов, в которых исчезала моя вторая половина. Собственная же половина изнывала от жары, пряталась тень и мешала прохожим на узких тротуарах *Via Corso*. В самом деле, нетрудно было представить недоумение итальянцев при виде бородатого мужчины, подолгу стоящего возле магазина: вроде не побирается, может, задумал чего недоброе. Мне повезло, когда мы очутились около большого многоэтажного магазина "*Alberto Sordi*", что как раз напротив дома, где не покладая рук на благо итальянцев трудится неутомимый Сильвио Берлускони. Перед зданием очередной обелиск и фонтан. Два часа с лишним я провел возле фонтана, время от времени наполняя, не зачерпывая, конечно, а подставляя под струю пластиковую бутылку и попивая вкуснейшую итальянскую воду, поступающую по римским акведукам прямо с Альпийских гор.

К моему большому удовольствию, походом в этот огромный магазин shopping закончился. Настроение у Нади приподнятое, смотрит ласково. Все обиды из-за разных точек зрения на итальянские достопримечательности улетучились. Как благотворно shopping действует на женщин!

Ждать и ехать в автобусе с огромными сумками и коробками, было бы бессмысленно и обременительно. Берем такси. Через пятнадцать минут мы у «дома». "*How many*?" "*Eighteen*" «Восемнадцать»,— перевожу для Нади. «Сколько, сколько?» восклицает она, и в ее голосе интонация удивления и возмущения. "*Eighteen*",— повторяет таксист и показывает на пальцах. Мы наслышаны были, как надо поступать в таком случае с зарвавшимися римскими таксистами. «Сейчас позову полицию», говорит Надя, дает пятнадцать, и мы выходим им машины. Этот тип, пока мы ехали, спросил нас, откуда мы. "А-а, *Russia*!"— сказал он и, видимо решил нас надуть.

* * *

Вторую половину предпоследнего дня решили провести на ставшей родной *Piazza del Popolo* — все наши пути по Риму начинались и заканчивались, как правило, с этой всегда полной народу площади. Снова гуляние. Молодые ребята на ходулях, девушки в разноцветных одеяниях, музыка и снующие между людьми индусы, предлагающие красные розы на длинном стебле. Забыли: Восьмое марта! Все понятно. Садимся за столик на тротуаре перед кафе *Casanova*, заказываем по чашечке каппучино и бургеру, итальянскому, вкусному. Сидим долго. Стемнело. Уходить не хочется.

* * *

Утро отъезда. «Перезагружаем» купленное из сумок и коробок в чемодан. И в последний раз идем в буфет отеля. Не сказать о нем нельзя. Во-первых, он на самом верху, пятом этаже и через застекленные две стены видно пол-Рима. Видны чудо-деревья итальянские пинии. Во-вторых, стоит машина и корзина с красными апельсинами. Режешь апельсин пополам, вставляешь в машину, нажимаешь рычаг, и готово — свежевыжатый сок. Пей, сколько хочешь. Но пить больше, чем можешь, не удается. Жаль. И, в-третьих, каппучино. Это чудо. Пенка стоит долго, до самого испития кофе до дна чашечки. И она остается еще на дне. Это мое. Надино — несколько видов тортов и пирожных, омлет, который не опадает, остается пышным и мягким, и булочки, тепленькие, душистые. И на «закуску» арии из Верди в исполнении Бочелли в лифте, пока он поднимается, везя нас на завтрак, и спускается после.

На *reception* спрашиваем, можно ли оставить чемодан в номере до 2 часов пополудни. Нет, говорит итальянка за стойкой. Только до двенадцати. Есть ли камера хранения? Да есть. Можно оставить. Поднимаюсь в номер, спускаю наш чемодан, ставлю среди вещей других постояльцев отеля в камере хранения, и — мы свободны до двух часов — время отбытия в аэропорт. Заказываем у портье такси на два часа. Теперь куда? Конечно, туда, где можно получить *tax free*. Спрашиваем, где? *Piazza Rotonda*. «Где это?» Где Пантеон. О, это мы знаем где. Автобус. *Piazza Navona*, несколько узеньких улочек, повороты направо, налево — и перед нами Пантеон. Теперь бы найти «пункт», где выдают money. Показывают на маленькую будочку. За стеклом миловидная смуглянка-итальянка. Предъявляем магазинные чеки. Та принимает их и выдает «зеленые». Довольны до визга. “*Mille grazzie*”,— говорю. “О! — удивленно, улыбаясь, восклицает смуглянка,— *perfavore*!” Явно польщена. Люблю итальянцев. Их реакция всегда живая, искренняя, открытая.

Что еще посмотреть? Алтарь Мира! Да, его. Смотрим в карту. Выходим к Тибру у Моста Ангелов. Идем по набережной. День солнечный. По реке скользит узкая спортивная лодка. На противоположном берегу на лошади едет девушка. Невысокие деревья усыпаны нежно-розовыми цветами — это зацветает миндаль. Уезжать не хочется.

Алтарь Мира мы так и не увидели, хотя были с ним рядом. Идем по набережной мимо старинных римских домов. И вдруг огромный стеклянный билдинг. Не дом, не здание, не создание старых римских архитекторов, а несуразная коробка. Устали, входим в его вестибюль. Прохладно. Череда детей, школьников, проходят за молодой женщиной за стеклянные двери. Сели на мраморную скамью, дать отдых уставшим ногам и побыть в прохладе. Когда, отдохнув, вышли и пошли вдоль стеклянной стены здания, увидели в стеклянном кубе другой куб с горельефом на его стенах. Вот, он — Алтарь Мира. Видимо, туда вела школьников учительница. Никак не думали, что он будет спрятан за стекло. Сбил с толку огромный постер перед стеклянным монстром, извещавшем о выставке Шагала, на которого после великих итальянских мастеров смотреть не хотелось. Возвращаться не стали. Пора в отель.

* * *

У стойки reception нас ждал таксист. И маленькая «ложка дегтя» в большом сосуде впечатлении от вечного града Рима, которое мы увозили в себе. По-английски милая женщина-портье извиняющимся тоном в голосе сказала, что мы должны заплатить городскую пошлину в размере два евро с носа за каждую ночь, проведенную в городе. Ночей пять, нас двое. Итого 20 евриков. Штучки Берлускони. Поистратился *cavaliere*.

Таксист берет наш чемодан, и мы идем к машине. *Arrivederci, Roma! Grazie*.

Елена Семёнова
(г. Москва)

В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ОТКАЗАТЬ

Писатель, поэт, публицист, драматург. Редактор литературно-общественного журнала «Голос Эпохи» (Москва), интернет-портала «Архипелаг Святая Русь» и ряда сайтов. Родилась и проживает в Москве.

Она приходила сюда уже как на работу, принося кипы непонятных бумаг, заверенных какими-то печатями каких-то чиновников. И каждый раз какой-то бумажки все-таки не доставало, и все начиналось снова обивание порогов, очереди, безразличные лица чиновников с пустыми глазами... Храни Боже всякого от встреч с этими учреждениями! На их дверях вполне можно было бы вывести: «Оставь надежду всяк, сюда входящий». Замкнутый круг. Коридоры. Измученные люди в очередях. Кабинет. Пустые глаза. И исчисление (в который раз!) причин, по которым она не имеет права усыновить ребенка одинокая, хворая, плохо обеспеченная... А то, что любит она этого мальчонку, как родного сына, а он уже зовет ее матерью, это неважно. Неважно. Все, рабочий день закончен. В очереди — вой. Завтра с утра эти люди опять будут здесь — который день! И им тоже будут говорить, что ни на что-то не имеют права. По закону. А может, по безграмотности этого чиновника — царя и бога. Или — по произволу. Узнай, поди! Вечное, бестрепетное, самовластное «в удовлетворении отказать...» — до каких же пор. В какие еще кабинеты стучаться? В чьи пустые глаза заглядывать, пытаясь обнаружить в них душу, которая там и не ночевала?

Таня вышла на улицу. Кругом еще лежал снег, но в воздухе уже носился неуловимый дух приближающейся весны. Тридцать пятой весны ее жизни... Таня потерла виски ледяным снегом. Сердце сбивчиво и бешено колотилось, в ушах шумело. На мгновение Тане показалось, что стук ее сердца должен быть слышен всем прохожим. Но те шли мимо, месили снежную грязь тяжелыми ботинками и сапогами, торопясь домой. Ярко горели фонари, и в их свете проносились мимо машины, гудя, рыча, фыркая... Отцы, матери, бабушки вели домой детей из детского сада, и Таня с тоской смотрела на них.

В детстве Таня мечтала иметь, как минимум, четырех детей двух мальчиков и двух девочек — как у тети Люды, с детьми которой она играла во дворе. Но все сложилось совсем не так, как мечталось ей в то безоблачное время, когда все взрослые казались великанами, а Дед Мороз был настоящим. Принц на белом коне отчего-то замедлил появиться, и в ожидании его Таня с блеском окончила институт по никому, как выяснилось, не нужной специальности — филолога. Между тем, развалился Советский Союз, страна погрузилась в хаос, и Таня спасалась случайными подработками, едва сводя концы с концами. До детей ли тогда было...

В какой-то момент Таню стало беспокоить сердце. Долго она списывала его сбои

на хроническую усталость, помноженную на скудный рацион, пока, наконец, после серьезного приступа не обратилась к врачу, который и обнаружил у нее давно развившуюся сердечную болезнь, при которой беременность и роды становились смертельно опасны, как для матери, так и для ребенка, а значит, можно было поставить крест на детской мечте.

В последнее время сердце подводило Таню все чаще. Это, несомненно, было следствием тянувшейся уже который месяц эпопеи с попыткой усыновить ребенка. Многочасовые сидения (стояния) в очередях, собирание справок, чиновное безразличие — все это отнимало невероятное количество сил, нервов. Несколько раз по возращении из «круга» у Тани случались приступы, которые прежде были очень редки. И все-таки она не оставляла надежды. Она решила бороться до последнего.

Однако, выйдя в тот вечер из злополучного кабинета и, ежась от сырого ветра, ковыляя вдоль шоссе, Таня первый раз усомнилась в том, что сможет добиться справедливости. Ей вдруг отчетливо представилась напрасность всех этих мучений, и слезы покатились по щекам.

Три года назад Тане удалось устроиться на хорошую работу с приличной зарплатой небольшой, но набирающей обороты фирме. По осени фирма решила провести гуманитарную акцию купить телевизор и кой-какую мелочь для небольшого детского дома. Поручено это дело было Тане. С визита в тот детский дом все и началось. В тот день туда как раз привезли новенького — мальчика лет шести-семи, бродяжничавшего на вокзале.

— Не буду я у вас жить,— твердо заявил он.

— Почему же? — спросил директор детского дома, Андрей Александрович.

— Я на вокзале с другом жил. И без него у вас жить не буду. Я не предатель!

— Да что ж за друг-то? — улыбнулся Андрей Александрович.

— А вон он, за забором,— кивнул мальчик в сторону окна.— Меня ждет.

Все выглянули в окно. У ворот сидел крупный лохматый пес, немного похожий на лайку и поскуливал.

— Друг, значит? — спросил Андрей Александрович.

— Да!

— Как звать?

— Кутей. Я его щенком подобрал! Вместе спали, вместе ели — да у меня роднее его нет никого! — воскликнул мальчик.— И от вас я убегу! В окно выпрыгну, через забор перелезу — не догоните! Я, знаете, как быстро бегаю!

Андрей Александрович повернулся к одной из нянечек, бабе Тоне

— Баба Тоня, что скажешь? Может, оставим пса у нас? Будет во дворе жить. Ребята и будку ему поставят.

Баба Тоня пожала плечами

— Ты здесь начальник, Ляксаныч, тебе и решать.

— Оставляем,— махнул рукой Андрей Александрович.

Глаза мальчика загорелись.

— Ура! — закричал он.— Так можно я к нему пойду?

— Погоди, сейчас ребят позовем, и все вместе пойдем.

Таня провела в приюте весь день. Ее поразило, как дружной ватагой дети выбежали во двор. А впереди них — сам Андрей Александрович, словно помолодевший, взлохмаченный, чем-то неуловимо напоминающий своих воспитанников. Увидев пса, ребятня пришла в восторг.

— Андрей Саныч, Андрей Саныч, можно нам его погладить? — спрашивали наперебой.

— А это вы у его друга спросите. Ваня, можно твоего друга погладить?

— Можно! — разрешил Ванюша, широко улыбаясь.— Он добрый, не кусается.

Таня смотрела, как весело и ласково играли дети с псом, и удивлялась откуда в них, вчерашних бродяжках, сиротах, хулиганах даже, сохранилось столько доброты, столько детскости и веселости. Подумать только! Ведь вот и из хороших семей дети — возьмут иной раз да побьют собаку — ни за что, интереса ради, со скуки... А Ванюша... С какой твердостью он защищал своего друга. Совсем как взрослый. Как соединяется в этих детях такая взрослость и в то же время такая детскость? Непостижимо!

— Ну, братцы-кролики, а теперь айда жилье строить нашему новому другу! — сказал Андрей Александрович.— Сейчас Тимофей Ильич придет и вам поможет.

Тимофей Ильич, здешний старик-сторож, не замедлил явиться и, прищурив глаз, принялся за дело. Определили, что жить Кутя будет под лестницей, ведущей к одной из запасных дверей двухэтажного здания детдома. Следовало лишь утеплить это жилище. В ход пошли остатки досок, картон, старое тряпье и многое другое. Через пару часов работы все было готово.

С этого дня Таня стала наведываться в детский дом часто. Она очень сдружилась с воспитанниками, а в особенности с Ванюшей. Все вечера, выходные и отпуска Таня проводила здесь и, наконец, решила усыновить Ваню. Тут-то и начались большие и непреодолимые сложности... Достаточно было и того, что жила она в крохотной однокомнатной пятнадцатиметровой квартирке старого дома. Рожать в таких условиях — можно. Усыновлять — нельзя.

В тот пятничный вечер Таня, как обычно, отправилась не домой, а в детдом. Прежде всего, заглянула она к бабе Тоне, которая как раз пила чай. Баба Тоня поглядела на бледное и грустное лицо Тани и то ли спросила, то ли констатировала:

— Отказали.

Таня кивнула, налила себе чаю, запила таблетку и сказала

— Не знаю я, баба Тоня, что и делать... Я так устала... За всю жизнь так не устала, как за последние несколько месяцев. Руки сами собою опускаются...

— Да ты потерпи, роднюшечка. Бог даст, образуется. А Ванюша — такой хороший парнишка... Так на Коленьку моего похож...

— Так у вас сын есть? — удивилась Таня.

Баба Тоня опустила голову и ответила не сразу:

— Был... Двое было... Коля и Миша... Близнецы... Правда, друг на друга они совсем похожи не были. Коленька очень животных любил. Изучал их даже. Все-то у него собаки, кошки, птицы, хомячки разные — кого только не было! Он все о них в большую такую тетрадку записывал... А Миша больше машины любил, технику всякую... Руки золотые! Что угодно починить мог... У нас с мужем детей ведь долго не было. Мы уж и надеяться перестали... А потом вдруг — двойня! Столько счастья было, столько радости! Кто ж знал-то, что все так обернется.

Баба Тоня поднялась из-за стола, утерла набежавшую слезу, подошла к шкафу, порылась там, словно ища чего-то... Таня молчала, боясь спросить, что же случилась дальше. Баба Тоня ответила сама. Почти шепотом, приложив руку к горлу.

— Убили мальчиков моих, роднюшечка... В Чечне... Обоих... Их так и нашли. Вместе. Лежат, обнявшись. Миша Коленьку собою накрывает, как старший... Он на несколько минуток старше был... Муж, когда узнал, так и не выдержал: через несколько дней после похорон скончался... А я осталась... Одна!!! Ой, роднюшечка, никому я такого пережить не пожелаю. Даже извергам, что моих мальчиков на смерть-то послали... Даже им такой чаши не желаю... Я тогда руки на себя наложить решила. Газ, значит, на кухне включила, и ждать стала... Так бы и задохнулась, если б не Андрей Ляксаныч... Он ведь недалеко жил. Я его с малолетства знала... Он ко мне

все заходил, помогал, чем мог... Вот и тут зашел... Вытащил меня из квартиры, газ выключил, а как я в себя-то пришла, так привел сюда. Показал все, с ребятами познакомил. Ради них, сказал, жить еще стоит. Я посмотрела да подумала: может, и впрямь стоит... Так вот и стала я им бабушкой, бабой Тоней, а они мне внуками, которых никогда у меня уж не будет...

Баба Тоня помолчала, потом добавила:

— Сам-то Андрей Ляксаныч только ради этих ребят и живет. У него ж никого нет... Ни жены, ни детей... Как-то не сложилось. Он еще давно начал ребятишек на вокзалах собирать. Жили они у него в деревне... У него ж дом там от деда еще остался... Вот... Учил он их, чему сам был учен, а парень-то он ученый! И образованный, и в любом деле мастак — и плотник, и столяр, и что угодно. Умница редкостный! Получилась у него артель этакая... Да только сказали головотяпы наши, что это, мол, незаконно. Забрали ребятишек да по разным приютам раскидали, а они оттуда сбежали и к Андрей Ляксанычу вернулись. Вот и стал тогда он по всем инстанциям ходить, справки собирать, письма писать всякому начальству. Четыре года только этим и занимался. Седые волосы пробиваться стали — столько крови попортили ему. Но все-таки добился он своего. Нашлись добрые люди, помогли. Вот, здание это удалось получить. Маленькое, плохонькое, но и то уже ладно. Так и пошло. Ребятки наши всякому ремеслу обучены. Что-то из того, что они делают, даже и продавать удается. А Ляксаныч, чтоб это все было, и избу дедову продал, и квартиру родительскую. Теперь здесь только и дом его... Так-то... И у тебя все получится. Не робей, роднюшечка. На выходные ты Ванюшу и теперь забираешь. Чай, однажды и насовсем заберешь.

Ванюшу Таня и впрямь забирала к себе на выходные. Кормила разными вкусностями, в приготовлении которых была она признанной мастерицей, водила кататься на аттракционах, в зоопарк, в театр, в музеи — после таких походов денег оставалось в обрез, но если Ваня просил что-то купить, отказать Таня не могла. А потом одалживала у знакомых и до зарплаты отказывала себе в самом необходимом.

Однажды в воскресенье Ванюша пожаловался на боль в горле и голове. Таня сразу позвонила Андрею Александровичу с просьбой разрешить оставить ребенка у себя до выздоровления, чтобы не заразил других воспитанников. Разрешение, конечно, было получено. Ванюша стразу вскочил с постели и запрыгал по комнате на одной ноге

— Ура! Ура! Ура!

— Что ты, Ваня, ведь ты не здоров...

Ванюша потупился и признался:

— Мама, я соврал... Мне просто очень хотелось еще побыть у тебя.

— Врать нехорошо, Ванечка...— заметила Таня, обнимая мальчика и радуясь в душе, что он пробудет у нее целую неделю.

Ночевать в тот вечер Таня осталась в детдоме, чувствуя, что слишком устала, чтобы ехать домой. Ночью ей снилось, что безлицый чиновник, наконец, дал ей разрешение на усыновление Ванюши...

Утром дети высыпали во двор, рассредоточиваясь по качелям, каруселям, горкам и песочницам, в коих песок еще заменял мокрый снег. Таня спустилась с крыльца и вдруг увидела стоящего у забора человека. Небритый, в драном пальто и сапогах и старом треухе, он походил на бомжа. Таня осторожно приблизилась. Бомж держался красными, распухшими от мороза руками за прутья ограды и смотрел на играющих детей. По лицу его текли слезы...

— Вам что-то нужно? — осторожно спросила Таня.

Бомж вздрогнул, воровато огляделся, поманил Таню пальцем и, когда она подо-

шла, извлек из-за пазухи очень красивую игрушечную машинку и плитку шоколада и сказал хрипло:

— Вот, дочка, возьми... Передай Максимке Щурову... У него день рождения сегодня... Скажи, от папы...

Всучив игрушку и шоколадку Тане, бомж быстро ушел. Таня с удивлением глядела ему вслед. Подошедшая баба Тоня спросила:

— Кто это был?

— Не знаю... Он просил передать это Максимке... Сказал, у него сегодня день рождения...

— Да-да, правда. Мы уж утром поздравили его, а вечером чаепитие у нас праздничное будет...

— Он сказал, передать ему, что это от папы...

Баба Тоня ахнула

— Быть не может! Неужто живой?! Подумать только... Ведь как бывает...Совсем уже, казалось бы, человек опустившийся, бывший человек, а вот вспомнил, что у сына день рождения...

— Жалко его, баба Тоня... У него ведь слезы текли по щекам... Он ведь человек еще... Мог бы жить по-человечески, сына воспитывать...

— Да, мог бы...— вздохнула баба Тоня.— Так матери, своих детей бросившие, иногда поглядеть на них приходят. Тоже мучаются. А обратно уж не воротишь...

— И все-таки он сына еще помнит... Совесть у него болит... А иной, вроде порядочный человек, и такое вдруг скажет или сделает...

— Ты о чем это?

— Нет, так просто...— мотнула головой Таня.

Баба Тоня взяла у нее подарки.

— Сегодня кликну его одного к себе и передам. Скажу, что папа прислал... С Северного полюса... Зачем, детеночку правду знать? Пусть думает, что папа — герой. Что он за ним приедет... однажды...

Баба Тоня шаркающей походкой отошла, покрикивая заигравшимся в песочницы девочкам:

— Девочки, девочки! Осторожнее! Давайте лучше песенку с вами споем! Помните, роднюшечки, мы с вами учили? Давайте для Максима споем!

И через мгновение зазвенели чистые детские голоса:

Пусть бегут неуклюже
Пешеходы по лужам,
А вода по асфальту рекой,
И неясно прохожим
В этот день непогожий,
Почему я веселый такой...

Таня слушала песню, но мысли ее были очень далеко. Больше месяца в ее душе жила, может быть, одна из самых сильных болей, какая только существует, боль от предательства любимого человека, незаживающая рана, им нанесенная.

С Вадимом Барышевым они были знакомы уже несколько лет. Он был старше Тани более чем на десять лет, был обаятелен, заботлив и удивительно всезнающ. Вадима можно было назвать энциклопедией на двух ногах. Он, кажется, знал все и обо всем и с легкостью отвечал на любой вопрос. Вдобавок, Вадим был непревзойденным рассказчиком. Этот фонтан красноречия, десятки стихов, кои он знал наизусть и декламировал с великолепным артистизмом, привлекали к нему людей, делая его

душой любой компании. Именно поэтому Барышев и любил общество. Ему нужен был зритель. При этом Вадим жил один и чурался семейных отношений, считая их «веригами на душе поэта, которые, в конечном счете, убивают его». Таня не соглашалась с таким утверждением, но противоречить Вадиму не могла. В конце концов, кто без греха. У каждого свои тараканы... Главное, он любит ее, а она его. Они встречались три раза в неделю у него на квартире, часто бывали в театрах, на светских мероприятиях, в ресторанах, в гостях, три раза даже ездили вместе отдыхать. Чего у Барышева нельзя было отнять, это его умения производить впечатление, устраивать праздники, ухаживать за своей избранницей так, чтобы она чувствовала себя царицей. Но за три года график их встреч ничуть не изменился. Вадима устраивало, что любимая женщина три раза в неделю ночует у него, а в остальное время они оба предоставлены сами себе. «Зачем надоедать друг другу?» — говорил он, и Таня не смела возражать, хотя больше всего ей хотелось бы проводить с Вадимом все время, жить вместе, а не встречаться урывками.

В тот вечер Таня, едва переступив порог квартиры Барышева, объявила ему радостно:

— Знаешь, Барышев, я решила усыновить ребенка из детдома.

Вадим помрачнел, повесил на распялку снятое с Тани пальто, смерил ее неожиданно холодным взглядом и спросил тоном, не терпящим возражений:

— Я так понял, что это шутка. Надеюсь, я прав?

— Нет, Вадим, это вовсе не шутка... Я, действительно, решала...

— Ты что, совсем с ума сошла! — воскликнул Барышев и, взяв Таню за руку, отвел ее в комнату и усадил на диван.

— Выдумала еще! Как тебе в голову-то пришла такая бредовая идея?

— Я не понимаю, Вадим, что тебя так рассердило?

— Не понимаешь! — Барышев нервно прошелся по комнате.— Не понимаешь! А меня ты спросила, принимая это изумительное решение!

— А должна была? Я ведь для себя его усыновляю.

— Надо же! А я-то думал, что для меня! Тебе что, надоели наши отношения?

— Причем здесь наши отношения?

— А как же! Ты будешь занята со своим... своим... А я побоку! А на меня — наплевать!

— Пожалуйста, не устраивай мне скандалов.

— Прости! — Вадим вдруг резко изменил тон — Танечка, дорогая моя, я тебя прошу, ради нас обоих, оставь эту идею! Я тебя умоляю! Ведь нам так хорошо было вдвоем! Зачем нужна эта обуза? Ведь ты нездорова. Я не хочу потерять тебя. И делить тебя тоже не хочу!

— Вдвоем? — Таня усмехнулась.— Три дня в неделю. А остальные четыре, Барышев, я тебе не нужна. Ты эгоист, Вадим... Ты страшный эгоист... Ты думаешь только о том, чтобы тебе было удобно, тебе было хорошо. А обо мне ты подумал? Хотя бы раз? Ты подумал, что мне обидно, как собачонке, бегать к тебе на квартиру, приезжать по твоему зову, а потом ехать обратно? Ты и мысли не допускал об этом! Потому что тебя все устраивало! Тебя! А до остальных тебе нет дела!

— Во-от, как! — Вадим презрительно скривил губы.— Ну, ладно же... Думаю, на сегодня достаточно откровений. Я был о тебе лучшего мнения. Вот что, Татьяна Николаевна, вы мне, по счастью, не жена. Вы женщина свободная и можете принимать сами решение. Я лишь хочу, чтобы вы понимали их последствия.

— Я свое решение уже приняла, Вадим Сергеевич.

— Хорошо подумала? Учти, если ты возьмешь себе какого-нибудь бродяжку-токсикомана из приюта, то наши отношения закончены. Выбирай, Таня!

— Вадим, неужели ты думаешь, что после таких слов, я выберу тебя? Я всегда знала, что ты эгоист, но не подозревала, что подлец... Я сейчас смотрю на тебя, и мне страшно. За тебя! Мне жалко тебя! Ты кончишь тем, что останешься совершенно один... Это не мне, а тебе надо одуматься. Я свой выбор уже сделала.

— В таком случае, прощайте, Татьяна Николаевна!

— Прощай, Барышев... Храни тебя Бог...— Таня поднялась с дивана, быстро натянула пальто в прихожей и ушла.

Придя домой, она рухнула на кровать и зарыдала. Давно, а быть может, никогда она еще не чувствовала такой горечи. Таня перестала плакать, лишь ощутив острую боль в сердце, сообщившую, что нужно срочно выпить прописанные врачом таблетки и успокоиться, во что бы то ни стало, чтобы не спровоцировать приступ.

Прошло полтора месяца. Все это время Таня в глубине души надеялась, что Вадим опомнится, придет или позвонит, но он не звонил, точно его и не было никогда...

Набежали тучи, и заморосил первый за эту весну дождь. Баба Тоня поспешно стала уводить детей с площадки.

— Мама, мама! — окликнул Ванюша Таню.— Идем скорее! Промокнешь!

...После обеда наступил тихий час. В эту субботу в честь дня рождения своего друга Максима Ваня остался в детдоме, и Таня не поехала домой, благо давно уже стала в этих стенах своей. Не имея привычки спать днем, она прошла в один из классов, чтобы почитать взятую с собой книгу, и там, к своему удивлению, застала воспитанницу из старшей группы, Марину. Марине было шестнадцать, но в приюте она жила лишь два последних года после того, как ее мать за пьянство и систематические побои, наносимые дочери, лишили родительских прав. Крепкая, рослая девушка, она выглядела старше своих лет, обладала недюжинной физической силой и ловкостью. Благодаря короткой стрижке и спортивному костюму, ее легко можно было принять за парня. Марина сидела на парте и смотрела на окно, по которому текли капли дождя, похожие на слезы.

— Мариша, а почему ты не спишь? — спросила Таня.

— Да старшие редко спят. Все больше болтают или книжки под одеялом читают, или еще что... Зачем он, тихий час-то нам? Он для малышни.

— А здесь что делаешь?

— Думала я, Татьяна Николавна... Мы тут с девчонками поспорили...

— О чем же

— О любви.

— Серьезно. И кто что говорит?

— Анька Матвечук сказала, что нет никакой любви. Просто нужно мужиков нужных искать и пользоваться... Ей всего-то пятнадцать, а глазами стреляет во все стороны. Нинка думает, что любовь есть. И она ей рисуется, как в какой-то детской сказке... Дурочка она у нас... А вы, Татьянколавна, как думаете, есть любовь?

— Не знаю, Марина... Раньше думала, что есть, а теперь не знаю. Может, это только мираж красивый, мечта...— Таня опустилась на соседнюю парту.— Сама-то как думаешь?

— А я думаю, есть любовь,— отозвалась Марина.— Только не то это, о чем Галка и Викой думают. Галка на Гарика заглядывается и думает, что у ней любовь. А какая тут любовь? Просто красатун он у нас. Все и пялятся... А недостатков его она и видеть не желает. Очки розовые надела и ходит... А Вика с Саней два раза целовалась. Раз целовались, то любовь... А по мне никакая это не любовь, а баловство одно.

— А что же любовь, по-твоему?

— Сострадание и жертва, прежде всего. Когда любишь человека, так всего его

любишь, несмотря ни на что любишь. Не за что-то, а потому что. А недостатки его видишь, но не отворачиваешься из-за них от него, а пытаешься исправить. Любовь — это, когда сам погибает человек для другого, его боль, как свою принимает.

— Хорошо ты, Мариша, говоришь...— удивленно сказала Таня.— Как это у тебя получается?

— У меня мама умерла, Татьянколавна...— вдруг сказала Марина.— На днях соседку нашу случайно встретила, сказала. Полгода уж... Даже где похоронили — неизвестно. Кто похоронил? Не простилась я с ней... Я ведь думала, выйду отсюда, найду ее, работать стану, и выправится... Не успела!

— Она же, Мариша, тебя била сильно... Даже чуть не убила...

— Было дело. А я не сужу! Она ведь любила меня. Когда трезвая была, так жалела. А с пьяной — какой спрос? Отец нас бросил, с работы ее выкинули. У ней же никого не было в целом свете! Каково это? Всем на нее наплевать было. Меня-то вот подобрали, накормили да обогрели здесь, а ее, мою мать, почему бросили? Почему ей-то не помог никто?! Не вытащил из этой ямы? Крест при жизни поставили, а теперь, небось, и креста не стоит... Она ведь живая была! А кому какое дело было Швырнули, растоптали — пропадай! Сволочи все... Вот, будь жива она, так я б все для нее сделала. Потому что она моя мать! Она — человек! А про это и не вспомнил никто! Детям еще помогают, а родителей детям вернуть? На это не хватает уже! Они, мол, сами виноваты! Моя мать виновата не была! Это вот они, люди, жизнь ей сломали, убили и забыли. И мне заодно...— Мариша вытерла рукавом слезы, махнула рукой и убежала.

Ранним майским утром Таню разбудил звонок в дверь. Отперев, она увидела на пороге свою подругу Катерину. Катя была моложе ее на целых десять лет, но это не мешало их многолетней задушевной дружбе. Тонкая, пластичная, музыкальная, Катерина с недавних пор работала в одном небольшом, лишь недавно открывшемся театре и страстно мечтала сниматься в кино.

— Привет, Танюшек! — чмокнула она подругу в щеку.— Разбудила? Ну извини! У меня к тебе дело! Срочное!

— Дело? — рассеянно произнесла Таня.— Если так, то проходи на кухню, кофеем угощу...

— Тебе ж нельзя кофе.

— А сама чаю выпью.

— Тогда и мне давай чаю,— заявила Катя.

Пройдя на кухню и немного покрутившись, она обратилась к подруге:

— Танюшек, дай денег, а. В долг. Срочно нужно.

— Много?

— В общем, да... Но ты не волнуйся, я отдам.

— Можно узнать, что за непредвиденные у тебя затраты?

— Да уж, именно непредвиденные... Один дурак «не предвидел»... А я тоже дура, не усмотрела...— Катерина нервно закурила.

Таня подошла к ней вплотную и спросила

— Катюшек, ты, случайно, не беременна ли?

— Вот именно, что случайно.

— А деньги тебе зачем

— Тань, а сама не догадываешься?

— Если на аборт, то не дам.

— То есть как это! Почему Ты мне подруга или где?

— Подруга. Поэтому и не дам. Ты абсолютно здорова. У тебя есть квартира.

— У родителей есть квартира.

— Большая трехкомнатная. Твой отец очень хорошо зарабатывает. Бабушка твоя еще очень крепкая женщина. Зачем же отказываться от ребенка?

— Затем что не к месту и не ко времени! Сейчас — не время!

— А когда — время? Пройдут годы, потом станет поздно, а потом всю жизнь будешь жалеть, что... Кстати, а кто отец? Он знает?

— Кобель — отец! Я этого паразита вчера с нашей гримершей застукала! Да я его знать после этого не желаю! Так ты не дашь денег?

— Прости, Катенька, греха на душу не возьму.

— Ладно, тогда я пошла. Еще у кого-нибудь попрошу! — пожала плечами Катя.

— Постой! Я сейчас к Ванюше поеду. У них там небольшой праздник... Может, и ты со мной?

— А я думала, сегодня рабочий день.

— Я отгул взяла. Слушай, поедем, а Ванюша рад будет. Ты ему понравилась. Он меня о тебе спрашивал даже.

Катерина улыбнулась

— Ладно, поехали!

Праздник, о котором говорила Таня, устраивался в честь проводов двух воспитанниц-сестер, которых удочеряла бездетная семейная пара. Прощание проходило у главного входа в детдом. Девочки прощались с подружками и друзьями, а обретенные родители обещали, что будут привозить их иногда в гости. Всем детям ими было подарено по небольшому набору конфет. Андрей Александрович сказал небольшую речь, дети прокричали пожелания счастья сестрам, после чего те сели в машину, и та покатила к распахнутым Тимофеем Ильичом воротам. Воспитанники бежали следом и махали руками.

— Мама, а когда ты меня заберешь? — спросил Ваня.

— Скоро, милый, скоро...

Андрей Александрович подошел к Кате:

— Катерина Витальевна, Татьяна Николавна сказала, что вы работаете в театре.

— Да, работаю.

— Скажите, а нельзя ли договориться с вашим театром, чтобы устроить новогодний праздник у нас? А то ведь нам каждый раз деда Тимофея Морозом рядить приходится, а со Снегурочкой и вовсе проблема. Вот вы бы не отказались быть у нас Снегурочкой.

— Да я, в принципе, с радостью...— пожала плечами Катя.

— Я был бы вам невероятно признателен! Вообще, у нас ведь даже и своя самодеятельность есть. Правда, руководить ей толком некому... Но ребята стараются. Не желаете ли посмотреть наш актовый зал?

— С удовольствием,— кивнула Катерина, с любопытством рассматривая странного директора с растрепанными с ранней сединой волосами и глазами по-юношески бодрыми. Чудак-человек...

Андрей Александрович и Катя ушли, а большинство ребят с бабой Тоней отправились на площадку. Туда же последовала Таня с Ванюшей.

Было около полудня, когда во дворе появился невысокий человек с черными волосами и раздраженным, нервным лицом. Какая-то девочка подошла к нему и спросила:

— Дяденька, вы кого-нибудь усыновить хотите? Возьмите меня, пожалуйста!

Незнакомец вздрогнул, бросил на девочку быстрый взгляд и, тотчас отведя глаза, поспешно отошел. Он явно искал кого-то и, не находя, нервно грыз губу.

Таня увидела его еще издали. Сердце ее учащенно забилось.

— Ванечка, подожди меня,— сказала она и направилась к неожиданному визитеру.

— Вадим! — окликнула его Таня.

Барышев обернулся и быстро направился к ней

— Здравствуй, Таня.

— Здравствуй, Вадим.

— Вот, насилу отыскал тебя...— Вадим помялся.— Мы можем поговорить?

— Мы разве не обо всем поговорили?

— Давай отойдем куда-нибудь.

— Хорошо,— Таня пожала плечами.

Они зашли за угол здания, где в этот час не было ни души. Вадим в волнении закурил. Помолчав, он сказал

— Я, Таня, подумал о том, что ты тогда сказала... О том, что я не подумал о тебе... Ты была права. Я был... В общем, извини меня. Я думал, что легко разорвать нить, которая нас связывает... Думал, что проживу без тебя. До этих последних месяцев я не знал, я представить не мог себе, что ты для меня значишь. Ты мне нужна, Таня. Понимаешь? Я все взвесил и решил... Пусть будет по-твоему. Выходи за меня замуж.

Таня улыбнулась:

— Я очень рада, что ты пришел. Я ждала тебе все это время. И я выйду за тебя. У нас будет, наконец, нормальная семья. И мне тогда уж не откажут в праве усыновить Ваню...

Вадим помрачнел.

— Ты не поняла меня, Таня. Я предлагаю тебе выйти за меня, но с условием никаких усыновлений. Зачем это нужно? Мы будем вместе. Будем жить для себя! Столько интересного есть на свете! Будем ездить отдыхать в живописные места... Зачем отягчать себе жизнь? Стеснять нашу свободу

— Это ты, Вадим, так ничего и не понял. Жить для себя! Господи, да неужели в этом вся цель? Это же мелко... Объехать все курорты, продегустировать дорогие вина и деликатесы, покрасоваться в обществе — и ради этого стоит жить? Ведь это же пустота. Мы не сможем жить с тобою. Год будем, как ты говоришь, жить для себя. А потом? Надоест! И начнется самое страшное одиночество вдвоем. Безысходность. Зачем нужно дерево, если не дает оно ни плода доброго, ни тени обильной? И мы никому не нужны будем. Неужели ты не чувствуешь этого, Вадим? Ведь тебя уже давит одиночество, поэтому ты пришел. А потом будет хуже, но будет поздно.

— Просто ты никогда не любила меня! — выпалил Вадим.

— Я и сейчас тебя люблю. И хочу, чтобы ты был счастлив. Втроем мы были бы счастливы... А вдвоем — нет.

— Значит, отказываешь

— Ты полагаешь, что я могу бросить ребенка, которого считаю своим сыном, который зовет меня мамой? Ведь это же счастье, что есть на земле детская душа, которой я нужна. Счастья, когда она ко мне тянется, зовет мамой. Это то, ради чего жить стоит. Земной смысл всякой человеческой жизни. Как ты не понимаешь...

— Прощайте, Татьяна Николаевна! — зло бросил Вадим и ушел.

Таня скрестила на груди руки и опустила голову. Этим вечером ей вновь предстояло посетить опостылевший кабинет, почувствовать на себе взгляд черных квадратов чиновничьих глаз и услышать привычное: «Вам отказано...» Боже мой, что же это за страна, за жизнь такая! Отчего у нас, чтобы добро сделать, законы нарушать надо, потому что добро — вне закона оказалось! Удивляются иные, отчего сердца людские очерствели Отчего добро не хотят делать? А попробуй захоти! Сделай! Тебя

ж за то и осудят... Андрей Александрович артель создал, скольких ребят там собрал, от пьянства да воровства отвратил, к труду приучил, а закон ему что — нарушаешь, господин хороший, права не имеешь, штраф плати! А поборись-ка с этою машиной! Ильей Муромцем быть надо, чтобы пресс ее выдержать, не сломаться да добиться своего... Одни бабы о детях мечтают, а не могут иметь... А другие могут да не хотят они для себя живут. И откуда же взяться чему? Семьи распадаются... А корни-то далеко закопаны. Еще когда провозгласила пламенная товарищ Коллонтай семью — долой, детей — в приюты, даешь свободную любовь! Вот теперь и идет так... Только вот не любовь это. Карикатура лишь. А без любви так и жизни самой нет. И не будет, когда дальше так пойдет...

Вечером, получив очередной отказ, Таня возвращалась домой. На автобус она опоздала, а потому шла пешком. Проходя вдоль ряда гаражей-«ракушек», она заметила в щели между двумя из них нечто вроде логова: крыша картонная, тулуп, молью побитый, узел какой-то, кастрюля. Неподалеку стоял и хозяин «жилища», опирающийся на палку. Перед ним на асфальте лежал треух, куда редкие прохожие бросали подаяние. Таня пригляделась, это был тот самый бомж, отец Максимки. Порывшись в карманах, она достала десятирублевую купюру и положила в шапку.

— Дай Бог тебе здоровья, милая! — просипел бомж.

Войдя в свой подъезд, Таня была встречена заливистым лаем. Ей навстречу бросился... Кутя, вертя длинным хвостом.

— Ты что здесь делаешь! — поразилась Таня.

Взбежав на второй этаж, она увидела сидящего на ступеньках Ваню.

— Ванечка, ты откуда здесь

— Я тебя ждал...

— Что же, ты из детдома убежал?

— Убежал,— кивнул Ваня.— Я хочу у тебя жить. Почему мне нельзя?

И как объяснить ему? Почему нельзя? Почему закон запрещает? Как объяснить это ребенку...

— Ты неправильно сделал, Ванечка,— покачала головой Таня.— Там, наверно, ищут тебя, волнуются. Ты не замерз? Идем скорее в квартиру, будем ужинать.

В квартире разрывался телефон. Таня сняла трубку. Звонила баба Тоня:

— Роднюшечка, Ваня пропал! Убежал, кажется!

— Не волнуйтесь, баба Тоня. Он у меня...

— Вот, негодник-то... Мы уж милицию вызывать хотели... Андрей Ляксаныч велел подождать, поколь до тебя не дозвонимся... Ну, слава тебе Господи, что все хорошо...

— Все хорошо, да,— кивнула Таня.— Я завтра утром привезу его... Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Таня опустилась на стул, погладила Ванюшу по голове:

— Разбойник ты, Ванечка... Переполох устроил, напугал всех. Чуть было милицию не вызвали... Нам бы тогда попало с тобой!

— Не попало бы,— ответил Ваня.— Я бы тебя никому в обиду не дал.

Прямо позади детского дома рос замечательный яблочный сад. Воспитанники ухаживали за деревьями, и те всякий год давали щедрый урожай. Накануне Яблочного Спаса ребята собирали первые в этом году сладкие, душистые яблоки. Мальчики проворно взбирались на самые верхушки деревьев, срывали плоды и передавали их вниз, где девочки укладывали их в ведра. Упавшие на землю яблоки складывали отдельно на варенье.

— Вот, хорошо! — радовалась баба Тоня.— Будет много варенья в этом году. Зимой будем лакомиться да лето вспоминать.

— Мама, угощайся! — Ванюша протянул Тане спелое яблоко.

— Спасибо,— Таня чмокнула его в щеку и попробовала яблоко. Оно оказалось очень сладким и сочным.

Воздух в саду был наполнен душистым ароматом яблок, коим невозможно надышаться, пьянящим, ласкающим обоняние...

Андрей Александрович подсчитывал собранные ведра:

— Хорошо! Эх, дорогие мои, а ну как был бы наш сад побольше, а? Ведь тогда б и продавать можно эти яблочки было. Мало землицы у нас! Мало! А ведь земля — большое богатство, ежели с ней ладить. Предки мои крестьяне были. От них у меня к земле неодолимая тяга. Вот когда еще мы с моей артелью в деревне жили, так и картошку копали, и овощи разные сажали. А здесь — не развернись! И не дадут ведь земли нам ни за что! Под магазин дадут, под кабак... А нам — ни в жизнь...

Лето в этом году выдалось непривычно жарким. Таня сидела в тени, прижавшись спиной к стволу яблони, и утирала со лба пот. Ей было душно, и сердце, точно задыхаясь, бешено колотилось. Нестерпимо клонило в сон. Так бы сидеть, вдыхать яблочный дух, слушать поющие детские голоса-колокольчики...

Наконец, сбор урожая был окончен.

— А айда теперь на реку, искупнемся! — предложил кто-то.

Предложение было встречено единодушной поддержкой, и шумной стайкой ребятня побежала к находившейся неподалеку реке.

— Только не заплывайте далеко! — предупредила баба Тоня, тяжело дыша, направляясь за воспитанниками.

Таня поднялась и последовала за всеми. Андрей Александрович задержался, чтобы сделать какой-то срочный звонок.

Приближаясь к реке, Таня расслышала взволнованные крики. Навстречу ей кинулась Марина

— Татьянколавна, там Максимка тонет!

Таня побежала к реке. Максим не послушался бабы Тони и заплыл далеко. Повидимому, у мальчика свело ноги, и он стал тонуть. Кое-кто из детей уже плыли к нему на помощь, другие побежали звать Андрея Александровича.

— Дети, стойте, не плывите туда! — скомандовала Таня.— Чего доброго, самих вас утянет!

Скинув блузку и туфли, она бросилась в воду и поплыла к Максиму. Когда-то Таня плавала очень хорошо. Учась в школе, даже всерьез тренировалась, но в последние годы боялась заплывать далеко: вдруг сердце прихватит? Доплыв до едва барахтающегося на поверхности мальчика, она крикнула:

— Цепляйся за меня и держись крепче!

Максим обхватил ее за плечи, и Таня почувствовала, что этот груз для нее уже чрезмерен. «Оба ко дну пойдем!» — в ужасе подумала она, но продолжала грести. В ушах зазвенело, а перед глазами пошли красно-фиолетовые круги...

И все-таки Таня доплыла до берега, сделала несколько шагов и повалилась на землю... «Конец...» — мелькнула в угасающем сознании мысль. Где-то совсем рядом раздался крик Ванюши:

— Мама! Мамочка! Что с тобой!

— Маришка, скорее принеси сумку ее! Там лекарства быть должны! — где-то далеко уже послышался голос бабы Тони.— Роднюшечка, роднюшечка, потерпи чуток! Саня, «скорую» беги, вызывай!

Прибежал Андрей Александрович.

— Надо прямой массаж сердца сделать! — сказал кто-то.— Я в кино видела...

— Мама! Мамочка! — плакал Ванюша.

Протяжно завыл Кутя, почуяв беду. Больше Таня не слышала ничего...

О ее гибели сообщил ему общий знакомый, работавший с нею в одной фирме... Вадим не поверил собственным ушам. Он опустился на пол и закусил ладонь, чтобы не завыть. Никогда он не чувствовал себя таким разбитым, одиноким и уничтоженным, никогда жизнь не казалась ему такой пустой и потерявшей всякий смысл. Вся его гордость, все себялюбие, все мнимое благополучие вдруг рассыпалось в прах от этого страшного известия. И самая жуткая мысль явилась вдруг во всей наготе: «Я виноват... Я! Если бы я согласился, то мы бы уже жили все вместе, втроем... Она бы никогда не оказалась там... Не погибла бы! Она была бы жива... Я ее погубил... Таня, Таня, как же так? Думал, что успеется. Что все еще наверстаем, что есть время у меня обдумать все... А его-то и не оказалось! Даже на то, чтобы сказать, что люблю тебя, его не хватило... Если бы я... Я всю жизнь опаздываю... И опоздал совсем! Пустота, одиночество, забвение — вот, что меня ждет. Почему я не понял тебя! Не услышал? Не хотел слышать... Заложил уши ватой, той самой, которой обложил всю свою жизнь, чтобы создать иллюзию комфорта. Будь он проклят! И тебя не захотел услышать... Только себя слушал. Эгоист, идиот, тварь... Господи... Прости, прости меня...»

На ее похороны он тоже опоздал. А придя, остановился поодаль, не решаясь приблизиться. Таню хоронил весь детский дом. Воспитанники возлагали цветы на ее могилу и уходили, утирая слезы. В голос рыдала ее любимая подруга, Катерина:

— Танечка, Танечка! Да как же... Она же мне как сестра была... Она же такая добрая... Такая...

Высокий человек с разлохмаченными, рано поседевшими волосами обнял ее:

— Катерина Витальевна, Катя, успокойтесь. Вам нельзя теперь...

— Она крестной должна была быть... Она... Да как же теперь-то... Андрюша, как же..

Андрей Александрович осторожно взял Катерину под руку и, поддерживая обессилевшую девушку, увел ее, что-то тихо говоря ей на ухо.

Наконец, у могилы остался лишь маленький светловолосый мальчик с широко распахнутыми, бесслезными глазами, дворовый пес, понуро опустивший голову, и старуха с распухшим от слез лицом, стоявшая чуть в стороне.

Вадим решился приблизиться. Старуха подняла на него глаза и сказала охрипшим голосом, кивнув на мальчика:

— Три дня уже он так... Не говорит и не плачет... Горе-то какое!.. Вы знали ее?

— Знал...— тихо ответил Вадим.

Он подошел к мальчику, опустился рядом с ним на одно колено, и, чуть обняв его, сказал:

— Что, Ваня, ушла от нас наша мама... А ты поплачь... Легче станет...

Лицо Ванюши дрогнуло. Он вдруг зарыдал, кинувшись Вадиму на шею. Вадим крепко прижал его к себе и, глотая слезы, поднял на руки. Внезапно ему послышался голос Тани:

— Вадим, милый, не оставляй его. Ради меня! Ради себя! Ради всех нас! Позаботься о нем, прошу тебя...

Рыдания душили Вадима. Он вдруг почувствовал, что единственный близкий человек, который остался теперь у него на свете, так это вот этот мальчик, из-за которого он несколько месяцев назад оставил женщину, которая его любила, которую он сам, как оказалось, любил... Взяв себя в руки, Вадим сказал:

— Ну, сынок, держись. Мы теперь вместе будем... Я уж тебя не оставлю. И пусть нашей маме спокойно будет...— голос его дрогнул, и он замолчал.

Старуха перекрестилась:

— Слава тебе, Господи!

Вадим еще крепче обнял Ваню и понес его с кладбища. За ним бежал притихший пес. Ветер гнал по небу серые тучи, и те в первый раз за необычайно засушливые последние недели, вдруг разверзлись, и хлынул дождь, и капли его смешались со слезами на лице Вадима...

А где-то в здании с толстыми стенами, в высоком кабинете, за заваленными бумагами столом сидел чиновник с черными квадратами безучастных глаз и не терпящим возражений тоном робота выносил кому-то очередной приговор:

— Законом не предусмотрено... Нужна справка... Вам отказано...

И бестрепетным росчерком пера — крестом на чьих-то судьбах

— В удовлетворении отказать.

Евгения Курганова
(г. Москва)

Евгения Михайловна Курганова (Костина) родилась в Москве, окончила филологический факультет МГПУ им. В. И. Ленина по специальности русский язык (литература), долгое время работала в ТАСС. Первые рассказы опубликовала в газете «Московские новости». Печаталась в альманахах «Московский Парнас», «Лесной орех», «Ясноцвет», в болгарской газете «Есенински булевард» (приложение к газете «Литература и общество»), в литературном журнале «Страна и мы», в сборнике «Вечерами у балкона». Выпустила книги: «Люблю и верю» и «Снежный вальс». Член МГО Союза писателей России.

РУССКАЯ ДУША

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви

А. Блок

Недавно, увидев у своей подруги книгу В. Г. Смолицкого «Русь избяная» и прочитав ее, я подумала: «Как же мало мы знаем, о родной старине!» Возьмешь любой народ и увидишь, как бережно он относится к истории, культуре, архитектуре своей страны. А мы сначала сломаем «до основания», а затем по чертежам, если они в лучшем случае сохранились, а в худшем — по памяти, будем восстанавливать. И мне захотелось рассказать о русском народном зодчестве.

Простейшая мужицкая изба чаще всего представляла собой холодные сени и примыкающее к ним теплое жилое помещение. Иногда пристраивалась к ним светелка, где находились летом. В таких помещениях чаще всего жили небогатые крестьяне. Таких изб почти не осталось, но те, которые сохранились, поражают нас своей простотой и лаконичностью. Красоту, даже какую-то изысканность, мы можем увидеть и проследить в домах зажиточных крестьян. Их срубы состояли из нескольких, если сказать современным языком, этажей. Чаще всего — из трех. Нижний — погреб. Там хранили продукты, орудия труда. Второй — жилой. Третий — чердак, который использовали по-разному: как детскую или подсобное помещение. Если хозяин называл свое помещение домом, это подразумевало, что у него хорошее, добротное с несколькими жилыми помещениями здание. Этим оно отличалось от избы.

В народном понимании лучшим домом был тот, который состоял из нескольких срубов. Он вмещал в себя две-три избы. Таким зданиям часто давали поэтическое

название «терем». Терем всегда был устремлен ввысь, к солнцу. Он был всегда высоким. Часто в народных песнях мы встречаем упоминание и описание терема.

А в терем тот высокий
Нет хода никому.

Или, например, в вологодской свадебной песне:

Наша невеста в тереме сидела.

Но чаще всего это была мечта о таком доме-тереме. Большинство крестьян жили в простых избах. Когда подходишь к такому дому, первое, что бросается в глаза, это орнамент — резное наружное украшение на козырьке крыльца, на наличниках окон, окантовке крыши. В рисунках орнамента мы чаще всего встречаем изображение птиц, цветов, разные завитки. Мастер, передавая эту красоту, старался не повторяться. Здание всегда гармонировало с окружающей его природой, они дополняли друг друга.

Большое внимание уделяли крыльцу. Его называли красным. Крыльцо всегда было широким, его украшали резьбой. Поднявшись по нему, пройдя через холодные сени, попадаешь в жилое помещение, где встречает пузатая печь, похожая на русскую бабу, дородную, хлебосольную, гостеприимную. Печь для крестьянина — это все. И кормилица, и источник тепла, и место отдыха. В другом конце комнаты по диагонали находится красный угол. Это было самое красивое и самое главное место в доме. Здесь висел киот с иконами, часто обрамленный вышитым полотенцем. Иконопись являлась главным украшением дома. Когда гость приходил в дом, то первый поклон был в сторону икон, а уже второй — хозяевам. Здесь же находились стол и лавки. На полу лежали тканые дорожки. На окнах висели узорчатые, вышитые занавески.

Каждый день семья собиралась здесь. Молилась Богу, встречала гостей, принимала пищу. Женщины пряли, занимались детьми. Мужчины мастерили. Но таких домов с каждым годом становится все меньше и меньше. Их можно увидеть, приезжая в Суздаль, Владимир, и другие города Золотого кольца, где их охраняет государство. Я понимаю, что это музейный экспонат, но как болит душа при виде этих домиков, церквей, березок.

И ты тогда понимаешь, что русский человек болен любовью ко всему русскому.

Если мы видим где-нибудь варварское отношение к нашей истории, старинному зодчеству, то должны бороться за него, беречь его, охранять его, чтобы наши дети, внуки имели возможность увидеть его, познакомиться с ним. Мои друзья- этнографы по крупицам собирают наши истоки. Благодаря таким ученым как Виктор Григорьевич Смолицкий, Елена Петровна Батьянова и многим другим, я узнала не только о нашей деревне XIX- начала XX века, о ее зодчестве, культуре, но и о русском фольклоре, где сам народ рассказывает о своем быте, не отделяя его от себя, а даже одушевляя его. Нам же надо только научиться видеть и охранять его.

КИРИНЫ ДОЖДИ

Кира лежала в кровати и слушала дождь. За годы болезни он стал ее другом. Она научилась с ним разговаривать. Близкие люди не понимали. За окном серо, сыро, в общем, мерзопакостно, а она радуется. Кира старалась объяснить им, что дождь всегда разный. Самое главное, уметь его слушать.

Весной он приходит с первой грозой, смывающий зимнюю грязь, умывающий все вокруг, наполняющий землю влагой. Благодаря ему появляются первые побеги, листочки. Нежные, еще светло- зеленые, немного липкие. Кире об этом рассказывает майский дождь, который стучит в окно, но говорить им приходится мало, у него много дел. Его деловой четкий перестук говорит: «Я здесь, но извини, поговорим позже, я спешу». Капли тяжелые, крупные. Кира не обижается, она ждет летнего дождя.

Иногда он прибегает шустрым мальчишкой. Быстрым, грибным дождиком с солнышком. Брызнул, рассмеялся и побежал дальше. Но если он приходит с грозой, то они разговаривают. Дождь шелестит листьями, стучит в окно ветками деревьев, плещется в лужах, бурлит в водостоке. Под его шепот, запах цветов и свежего воздуха Кира успокаивается. Ей не мешают порывы ветра, которые открыли ставни и влетели в комнату, надувая шторы парусом. Старые рамы скрипят, и она засыпает. Ей снится деревня, бабушка, дом с садом, где она любила бегать босиком.

Как давно это было… Осень. Вот уж дождь зарядил. Для нее самый любимый. Он никуда не спешит, приходит надолго. Разговаривая с ним, слышишь усталость, монотонность, покряхтывание, как у старого деда, который жалуется на свою жизнь.

Они говорят долго и основательно. Прощаясь на зиму, дождь обещает прийти ранней весной, и тогда они продолжат свои тихие, нескончаемые беседы.

Их никто не слышит. Ведь они говорят шепотом, шелестом листьев, стуком капель по оконному стеклу.

ТУЛЬСКАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Я еду в электричке в Тулу, в гости к тете Тоне. После ухода мамы члены ее семьи стали для меня самыми родными людьми. Можно даже сказать, что еду не в гости, а домой, чтоб отдохнуть душой.

За окном проплывают маленькие станции с прилегающими к ним поселками, с небольшими деревянными и кирпичными домами, окруженными палисадниками с растущими по фасаду цветами. Чаще всего это золотые шары, георгины, астры, бархотки. Мы отъехали довольно далеко от Москвы, и коттеджи здесь почти не встречаются. Все это чередуется с рощами, полями, речушками и заросшими камышом болотцами. Сейчас конец сентября. Деревья и кусты надели осенние наряды. Изобилие красок радует глаз: все оттенки зеленого, желтого, бордово-красного, переливаются на солнце.

Очень хочется выйти из электрички и побыть на природе. Почувствовать запах осени, который дурманит голову своим увяданием, навевая легкую грусть. И ты немножко завидуешь людям, гуляющим за окном. Переводить взгляд внутрь вагона, где преобладают серо- коричневые, черные тона, не хочется.

Народу много, места почти все заняты, но в проходах никто не стоит, можно спокойно пройти через весь состав. Рядом сидит пожилой мужчина, молча разгадывающий кроссворд. На нем старенький пиджачок, надетый на фланелевую рубашку, брюки заправлены в кирзовые сапоги. Коробейники, продавцы всякой мелкой всячины, так и снуют по вагону, чаще всего предлагая ненужные товары. Некоторые продают мороженое, пиво, а к нему соленые орешки и сухарики. Ближе к городу Чехову появляются музыканты. У многих из них голоса лучше, чем у нашей попсы. Вот вошли двое молодых мужчин, одетых в военную форму. Солиста везли в инвалидном кресле, у него не было ног. Спев песню, его друзья стали просить помощи у окружающих, на операцию и протезы другу. Несчастье с юношей случилось во время командировки в Чечню. Люди засуетились, каждый старался помочь, равнодушных не было.

Двери постоянно открываются, впуская и выпуская пассажиров. Неожиданно в вагоне появились дети. Мальчик, на вид лет двенадцати, и девочка лет десяти. Опрятные, но скромно одетые, они неумело просили милостыню, видно, что стесняются. Я позвала ребят, усадила на скамейку, угостила бутербродами, купила мороженое, разговорились. Я поинтересовалась, почему они не в школе, электричка — дневная. Оказалось, что семья у них большая, детей четверо. Двое младших еще маленькие и сидят дома с матерью, яслей в селе нет, а одних оставлять их нельзя. Отец умер этой зимой от воспаления легких. Застрял в машине, когда ехал из города. Пришлось добираться до села пешком, а это десять километров. На следующий день, взяв трактор, поехал ее вытаскивать, хотя к этому времени у него уже появился кашель и поднялась температура. Окончилось все воспалением легких, до районной больницы довезти не успели. Теперь они главные помощники матери. Встают рано, в пять часов, чтобы подоить корову, зимой принести для растопки из сарая дров, а затем надо спешить в школу, в соседнее село. До него шесть километров. Они с сестрой стараются подрабатывать, как могут, чтобы помочь семье: то одиноким старикам в деревне воды принесут, то в магазин для них сбегают, который расположен в центре села, ведь старикам зимой по сугробам ходить тяжело. Сегодня они решили после занятий попробовать попросить денег у пассажиров. Мать не знает, а то бы выпорола. Я посмотрела на ребят, мальчик был ровесником моему сыну, но казался старше, из-за недетского взгляда. Было видно, что этот ребенок понял, что в семье теперь он единственный мужчина, и не испугался. И я поверила этому маленькому мужчине, поверила, что он все преодолеет, не сломается, почувствовав силу, которая шла от него.

Сосед, отложив кроссворд, вздохнув, сказал, что знает ребят: «Работящие они». Семья у них крепкая, дружная, но после смерти отца никак не может встать на ноги. Раньше в селе был совхоз, была работа. Все поля засевались, на его территории находилась также птицеферма, имели большое стадо коров, работали школа, детский сад, и была своя поликлиника. Жизнь бурлила. В день зарплаты или по праздникам, как сказал мужчина, люди, «одевшись покрасившее», шли в сельсовет получать деньги, но сразу по домам не расходились, стояли около него, весело о чем-то разговаривали, договаривались зайти друг к другу в гости. Вечером молодежь шла в клуб. Народу тогда было в селе много, семьи — большие. А сейчас оно умирает. Несколько раз его угодья перепродавали, молодые люди бегут в город: работа в селе тяжелая, а денег почти не платят.

За разговором не заметили, как доехали до Серпухова. Народ почти весь вышел. Ушли и ребята с мужчиной. После нашего разговора, задумавшись, я продолжала смотреть в окно. Было грустно. В вагоне осталось несколько человек. Зачастили контролеры. В конце вагона мужчины, играя в карты, пили пиво, громко смеялись. Возле них притулился гармонист. Они предложили ему пива и, о чем-то между собой оживлено разговаривая, прислушивались, как тот, механически перебирая клавиши на гармони, что-то наигрывает. Под стук колес, звуки гармони и смех мужчин я незаметно для себя доехала до Тулы.

НЕОБДУМАНЫЕ СЛОВА

Последний день старого Нового года, мы с мужем по многолетней привычке собираемся на дачу. Сын вырос и отмечает праздник в своей компании. Заходим в магазины, где царит предпраздничная суматоха, кто-то покупает подарки, кто-то елку, кто-то продукты, у большинства людей озабоченно-улыбающиеся лица, и все куда-то торопятся. Купив шампанское, мы с мужем спешим на вокзал. Приехали не поздно, но по-зимнему уже начало рано темнеть. Падает снег. Медленно кружась, он опуска-

ется на землю. Несмотря на тихую поземку, дорожку к дому замело, хотя мы были здесь еще совсем недавно. Очистив ее, мы спешим в дом и успеваем только растопить печь, положить кое-что на стол и поднять бокалы вместе с нашим президентом за наступивший Новый год. Посмотрев немного новогоднюю программу по телевизору, мы ложимся спать.

Просыпаемся от яркого солнца, которое заглянуло к нам в окно и будет. В комнате прохладно, вылезать из постели не хочется. Первым встает муж, начинает топить печь и приносит мне в постель чашечку кофе. Позавтракав, мы выходим на крыльцо. Чистое голубое небо. Солнышко светит так ярко, что ослепляет. Под его лучами пушистый белый снег блестит, переливаясь. Мы надеваем лыжи и идем к лесу. Вокруг звенящая тишина, только слышится скрип снега под нашими лыжами. Деревья — все в снегу. Под его тяжестью большинство веток опустились почти до самой земли, и пройти сквозь них очень трудно. Неожиданно с ели на нас падает снег, много снега. Это белочка прыгнула с ветки на ветку. Отряхнувшись, смеясь, мы пошли дальше. Морозец пощипывает наши лица, но возвращаться мы не спешим. Так и хочется заговорить стихами Пушкина: «Мороз и солнце день чудесный». Настроение хорошее, еще походив по лесу около часа, мы возвращаемся домой.

Переодевшись, мы торопимся накрыть на стол, ведь скоро должны приехать друзья, а может быть и сын. К двум часам дня собрались почти все, кроме Ивана. Загулял мальчик. В комнате весело, шумно, я пошла на кухню, чтобы принести к столу горячее блюдо. За мной увязалась Сонька. Мы дружим с детства. В горе и в радости мы всегда вместе. Я могу на нее положиться во всем. Сколько раз моя любимая подруга приходила мне на помощь. Она крестная моего сына. Смеясь, достаю гуся с яблоками из духовки. Неожиданно Соня говорит: «Ты знаешь, я видела недавно твоего бывшего в магазине, он так трепетно относится к своей Машке». Смех пропал, в глазах потемнело, хотя прошло уже 15 лет как мы разошлись, но сердце неожиданно заболело. Как будто ему снова нанесли смертельную рану. Слово «трепетно» убило радость, которая сопровождала меня весь день. Увидев мое побледневшее лицо и боль в глазах, подруга испугалась. «Что с тобой? Я что-то не то сказала, сделала? «Да»,— ответила я. Задумавшись о своей жизни вместе с отцом Ивана, мне было трудно припомнить, когда он относился ко мне трепетно. Боль и горечь захлестнули меня. Сонька стала извиняться: «Прости, ты понимаешь, я не подумала, ведь прошло столько лет»,— твердила она. И я вспомнила слова кого-то из умных: «Словом можно убить». Господи, как же осторожно мы должны относиться к тому, о чем говорим. Ведь необдуманные слова ранят, делают больно тем, кого мы любим. Успокоившись, я вошла в комнату с подносом, где красовался новогодний гусь. Никто ничего не заметил. Праздник продолжался. Но муж, что-то почувствовав, подошел ко мне, поцеловал и тихо спросил: «Заяц у тебя все в порядке?» — «Да. Ведь у меня есть ты»,— ответила я.

ЛИСТЬЯ ОСЕНИ

Осень. В это время года я часто отдыхала в Подмосковном санатории Подлипки. Корпуса окружает большая территория, представляя собой парк, по аллеям которого любят гулять отдыхающие. Деревья, растущие здесь: это дубы, сосны, ели. По дороге к административному зданию тебя встречает необычайных размеров дуб. Его могучая крона поражает воображение. Он один из старожилов, был посажен еще в середине 20 века. Само помещение построено в стиле дворянской усадьбы, немного обветшало, краска на колонах в некоторых местах облупилась. От всего этого дышало ветхостью. Утром отдыхающих встречаешь редко, с утра все хо-

дят на процедуры. Большинство из них пожилые люди. И этот колорит ветхости и старости невольно вызывал грусть. Многим из них глубоко за семьдесят лет. Мне пятьдесят с хвостиком, и я для них — девочка. Они же напоминали мне осенние листья, которые медленно кружатся по аллеям парка, радуясь редкому солнышку. Листья на деревьях уже пожелтели, но падать не спешат, слабый ветерок играет ими. Те же, которые все же сорвало с дерева, медленно опускались на землю, где оставались лежать на травяном ковре.

Пожилые люди очень рады пребыванию в санатории, где они встречают новых друзей и знакомых. Общаясь друг с другом, они ходят по аллеям старого парка, смотрят с удовольствием фильмы своей молодости. Здесь они могут не чувствовать себя одинокими. А дома... Что дома? Редкие звонки близких людей, детей, которые вечно спешат: а им остаются лишь воспоминания. У многих из них единственный друг — телевизор. Домашних животных завести пожилые люди боятся, так как чувствуют свою ответственность за них. А желания остаются те же, что и в молодости. Ведь как правильно сказал Сенека: «Страшно не то, что мы стареем, а то, что душа остается молодой».

Переводить себя в разряд старшего поколения, ой как не хочется.

Мне было тяжело среди них. Я видела опустошенность у некоторых на лицах. Так хотелось их обнять, подарить им хоть немного тепла, чтобы глаза их снова ожили и заблестели. Ведь для этого так мало надо.

Большую часть дня я старалась проводить на улице, гуляла по большой территории санатория или за его пределами. Выйдя за калитку, проходила через небольшую березовую рощицу, за ней был пруд, где я часто кормила уток. Тишина и покой окружали меня, нарушали их только издалека доносившиеся, еле уловимые гудки проезжающих электричек. Часто навстречу мне шли пожилые люди. Я слышала их приглушенные разговоры. А вот и мой любимый клен. Как же он красив! Как бы осознавая это, он горделиво несет свой осенний роскошный наряд, смотря на всех сверху вниз. Рядом с ним растет молоденькая осинка. Дрожащая на ветру, она старается спрятаться под его кроной, и он снисходительно закрывает ее от осеннего ветра. Я всегда долго стояла рядом с ними, сливаясь в одно единое целое с природой.